

Максим Виноградов

Тайна Пандоры

18+

Максим Владимирович Виноградов

Тайна Пандоры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63962302

SelfPub; 2021

Аннотация

Трое воинов столкнутся в битве за свои идеалы. Один бьется за любовь, другой за справедливость, третий – во имя исполнения грозного пророчества. Кто окажется сильнее, кому достанется победа и любовь прекрасной Пандоры? Дружба, любовь, долг, честь – не просто громкие слова. Герои книги живут в чудном мире, где дружба выражается делами, а не болтовней; где долг превышает повседневных удовольствий, но даже он не отменяет честь; где можно влюбиться с первого взгляда и пронести чувство через любые испытания.

Содержание

Глава №1	4
Глава №2	17
Глава №3	34
Глава №4	52
Глава №5	72
Глава №6	89
Глава №7	117
Глава №8	141
Глава №9	159
Глава №10	181
Глава №11	200
Глава №12	216
Глава №13	240
Глава №14	256
Глава №15	277
Глава №16	299
Глава №17	317
Эпилог	335

Максим Виноградов

Тайна Пандоры

Глава №1

Вэйн занимался грабежом больше тридцати лет. Имел, скажем так, кое-какой опыт в воровском деле. Грабил богатых и бедных, детей и стариков, мужчин и женщин. На дороге и на постоянных дворах, в домах и темных переулках. Разницы, в общем-то, никакой – главное, чтобы денежки перетекали из чужих кошельков в карман к Вэйну с наименьшими усилиями.

Память услужливо рисовала череду счастливых лет, достаток рос год за годом, Вэйн искренне считал грабеж лучшим занятием в мире.

Со временем приемы ремесла стали второй сутью, накопился богатый опыт, грабительские умения значительно выросли, и Вэйн остепенился. Коринф – большой, насквозь пропитанный коррупцией город – принял старого вора, как добропорядочного гражданина.

Очень скоро в Коринфе появилась новая банда, состоящая из уличной шантрапы, что промышляла под мудрым руководством Вэйна. Молодой смышленный паренек по имени

Ральф удостоился чести быть личным подмастерьем пожилого грабителя.

Узкий переулок, находящийся совсем неподалеку от главных торговых ворот Коринфа, получил в специфических кругах известность, как «переулок Вэйна», что, конечно, льстило самолюбию старика и служило своеобразным признанием его компетенции и заслуг. Там «работала» только банда Вейна, и никто другой. Пусть небольшой, зато постоянный поток прохожих-перехожих гарантированно не иссякал. Практически с каждого можно потребовать известную «плату» за «безопасность».

Конечно, городская стража была в курсе происходящего, но Вэйн исправно платил кому нужно, отношения с блюстителями порядка поддерживались исключительно добрососедские. Кроме того, имелось у старика определенное воровское «чутье», благодаря которому банда не перегибала палку, зная, когда можно взять лишнего, а когда стоит остановиться и пропустить очередного купца вовсе без пошлины. Потому Вэйна не тревожили, позволяя делать свой маленький бизнес, пока дела находились в более-менее приемлемых рамках.

Давно уже прошли те времена, когда Вэйн лично выходил с ножом на дорогу и предлагал встречному сделать выбор: кошелек или жизнь. Теперь под руководством грабителя работала команда, а ему отводилась роль генерала – разрабатывать стратегию и обучать своих подопечных искусству во-

ровского дела.

В самом начале переулка сидел специально подготовленный попрошайка, одноглазый старик Кастро. Хотя один его глаз и выжгли палачи в счет неких старых долгов, зато вторым Кастро видел отменно и замечал много такого, что иной двухглазый пропустит. Задача наблюдателя проста: сигнализировать о приближении потенциальной жертвы и следить, чтобы не увязался «хвост» – попутчик или, не приведи Лучезарный Зевс, охрана.

Такой же пост имелся в конце переулка. Там на стреме сидел Тим – маленький блохастый беспризорник, которого старик подобрал как-то на рынке. Тим был робким и немым от природы, во всяком случае Вэйн ни разу не слышал, чтобы мальчишка разговаривал. Что, впрочем, не мешало пацану выполнять свою часть работы: подавать сигналы о приближающихся прохожих или патрулях.

Получается, что заглянуть в переулок или, тем более, подобраться незаметно непосредственно к месту проведения «разговора» невозможно. Подступы с обеих сторон надежно прикрыты.

Здесь, внутри переулка, незадачливого прохожего встречали: подмастерье Вэйна – молодой Ральф – и туповатый, но исполнительный товарищ с зубодробительным именем, которое, кроме него самого, выговорить никто не мог. Звали его поэтому просто «Костыль».

Двое вежливо останавливали путника и объясняли всю

трудность возникшей ситуации, сразу же предлагая возможные варианты ее разрешения. А вариантов тут, сказать по правде, было всего два. Либо бедолага расстанется с определенной частью личности, внесет, так сказать, добровольное пожертвование на развитие мелкого бизнеса. Либо расстанется со всем имуществом, а заодно и жизнью.

До второго, правда, доходило крайне редко. Вэйн никогда не любил излишней или беспричинной крови, да и долгие объяснения с капитаном стражи – почему это на участке вдруг начали пропадать люди – вовсе ни к чему.

Тем не менее, силовой вариант развития конфликта не исключался. Именно поэтому и требовались еще двое – Ильф и Бормотун – не блещущие умом подручные, зато обладающие недюжинной силой и навыками обращения с ножами. Они появлялись позади жертвы незаметно, пока Ральф развешивал на ушах словесную лапшу. Когда неудачливому путнику в спину вдруг упирались два ножа, он становился гораздо сговорчивее, вопрос оплаты решался буквально в считанные мгновения.

Схема работала без сбоев несколько лет, как хорошо отлаженный часовой механизм. Вэйн оставался более чем довольным, и все чаще старика одолевали думы, что пора бы совсем отойти от дел. Почти все свои навыки он передал Ральфу. Сейчас Вэйн появлялся в переулке очень редко: развеяться, пощекотать нервы. Ну и проверить, как идет дело у подрастающего поколения.

Вот и сегодня был один из тех дней. Вэйн сидел в переулке, в малоприметном месте, старое тело впитывало тепло летнего утра, разум сонливо ожидал появления первых путников. Грабитель с ленивой полуулыбкой смотрел, как солнечный свет пробивается через частокол глиняных хижин. В дорожной пыли затеяли дружескую драку два воробья, свежий ветерок гонял по воздуху запахи близлежащих булочных, денек обещал быть на удивление приятным.

Кастро подал знак – приближается путник. Вэйн огляделся: все на местах, скрытые в темных нишах. Все знают, что нужно делать, готовы действовать без промедления и лишних размышлений. Ральф кинул на старого грабителя быстрый взгляд, Вэйн успокаивающе кивнул. Хорошо, все хорошо – работаем, как обычно.

Вот и первый, вернее – первая, потому что путником оказалась женщина. С женщинами проще – их легче запугать, убедить расстаться со своим добром. К тому же, женщин не тянет геройствовать, как бывает изредка с некоторыми мужиками, начитавшимися фантастических книжек. Хорошее начало, решил Вэйн, прищурившись.

Едва путница завернула в переулок, как Кастро уже сигналил: «Все чисто!». Нет сопровождающих, нет свидетелей, нет стражей порядка. Можно брать.

Вэйн с довольным видом откинулся на деревянную стенку хибары. Любо дорого посмотреть, как ловко сработают его молодцы. Он скосил глаза, взгляд скользнул по приближаю-

щейся женщине – оказалось, что это совсем еще юная, молоденькая девушка.

Одета в легкие летние штаны и блузу из полупрозрачного материала. Такое одеяние, широкого свободного покроя, модное в последнее время, с одной стороны скрывает фигуру, а с другой дает фантазии разгуляться. Волосы скрыты легкой повязкой, лицо с красивыми, чуть раскосыми глазами, смотрит смело и беззаботно, ноги летят навстречу приключениям.

Наверняка, много с такой, как она, не поймешь – откуда взяты деньги? Но вот она сама – другое дело. Вэйн размышлял, наблюдая, как юная путница приближается уверенной упругой походкой.

На севере ценятся темные уроженки Замбии. На юге, напротив, в почете девушки с нежной, бледно-белой кожей, родом из Пруссии или Нормандии. И везде на западе пользуются большим спросом жительницы востока – с загадочной, чарующей внешностью и пылким характером.

За такую, как эта, один знакомец Вэйна с Нижнего города заплатил бы круглую сумму. Но... ведь ее будут искать. Вэйн бросил еще один оценивающий взгляд. Да, эту – точно будут! Но соблазн велик...

Вэйн поднялся со своего места, намереваясь подойти поближе. Для молодых это знак, что все не так просто, нужно придержать жертву, пока босс разберется.

– Секундочку, мадам! – произнес Ральф, вытянув руки,

чтобы остановить путницу.

Девушка чуть качнулась в сторону, ее тонкий стан выгнулся дугой, ступни станцевали замысловатый танец в дорожной пыли, Ральф застыл в изумлении – потому что она неожиданно оказалась у него за спиной.

– Стоять! – Костыль кинулся на девушку, широко раскинув лапищи.

Она плавно и неуловимо быстро приблизилась вплотную к бандиту, его руки сомкнулись, но поймали пустоту. Девушка уже шла дальше по переулку, оставив недоумевающих грабителей ни с чем.

Вэйн остановился, как вкопанный, не сделав и двух шагов. Он смотрел на молодых подельников, застывших с глупым видом, да и у самого от удивления рот открылся. Впрочем, старик моментально пришел в себя, даже смог изобразить возмущение.

– Вы что тут, в салочки играете, придурки? – Вэйн выдавил из себя побольше желчи, – Соберитесь! Следующего берем сразу, без проволочек!

Кастро уже подавал сигнал о новом прохожем, так что Вэйн привычно занял место у стены.

Чутье, с этой девкой чутье не сработало, дало сбой. Вот и сейчас оно молчало. На душе у старого грабителя заскребли кошки, стало как-то тревожно.

Второй путник шел свободной неспешной походкой. Мужчина, едва переваливший рассвет сил, но еще весьма

крепкий и статный. Копна темных волос с намеком на седину убрана в хвост, через плечо перекинута туго набитая походная сумка, ни в руках, ни за поясом никакого намека на оружие. По виду монах или еще хуже – философ.

Ральф с Костылем вышли из укрытия, надежно перегородившая проход, путник задумчиво уставился на них, сзади уже крались, держа ножи наготове, Ильф и Бормотун.

– Надо же, попал в западню... Теряю хватку... – мужчина погладил подбородок, осматриваясь, – Ну, что поделать, возможно в этом наше предназначение? Хотя совпадение, что ни говори, странное...

– Дядя, давай-ка помогу сумку нести, – с наглой улыбкой предложил Ральф.

Он потянулся к незнакомцу, но в следующий момент рука грабителя согнулась под неестественным углом, ноги и голова поменялись местами, спина проехала по жесткой поверхности мостовой.

Трое головорезов кинулись на путника, Вэйн резко встал, выхватив из-за пазухи нож.

Он не верил своим глазам. Молодых грабителей, обычно действовавших слаженно и четко, сейчас будто подменили. Они нелепо суетились, неуклюже пытаясь схватить противника.

Монах сделал широкий полукруглый шаг, двое, смешно семеня ногами, с разгона врезались друг в друга, их лбы соприкоснулись с хорошо слышимым треском. Третий, под-

хваченный неведомой силой, пробежал вокруг мужчины и, споткнувшись, отправился в долгий полет.

«Все приходится самому делать!» – пробурчал Вэйн, его нож врезался в спину незнакомцу.

Не хватило буквально миллиметра. В последний момент широкая спина противника ускользнула, а сам Вэйн подлетел в воздух. Земля и небо завертелись, сменяя друг друга с невероятной быстротой. Сильный удар в спину остановил эту свистопляску. Вэйн выдохнул – не было никакого удара – просто многострадальная спина грабителя соприкоснулась с мостовой.

– Ребята, разве вам никто не говорил, что воровать нехорошо? – совершенно серьезным тоном произнес незнакомец, – Ладно молодые люди, но ты-то старик, должен понимать? – противник наклонился к Вэйну, слегка похлопав его по щекам, – А ведь тут мог бы пойти кто-то не такой добрый, как я. К примеру, покалечить вас, а то и убить.

Монах тяжело вздохнул, направляясь дальше, с губ слетел прощальный совет:

– Завязывайте с этим, ребята, серьезно вам говорю! Найдите себе более достойное ремесло.

В дальнем конце переулка немой Тим проводил философа ошарашенным взглядом. Тот кинул мальчугану мелкую монетку.

Вэйн приходил в себя долго, возраст все же дает о себе знать. И чем лучше становилось его самочувствие, тем боль-

шая ярость клокотала внутри.

Его никто никогда так не унижал! Тем более прилюдно, при молодых! Стерпеть оказалось совершенно невозможно. Но что поделать?

– Хватит игр, – зло бросил грабитель, – Следующего кончаем! Хватит разговоров!

Ступни зашаркали по земле, когда он направился к стене, чтобы усесться на груде ящиков. Здесь, за крепкой с виду, но на самом деле трухлявой доской, находился тайный проход, по которому, случись такая необходимость, можно было быстро и незаметно исчезнуть из переулка. До сих пор такой оказии не случалось, но теперь Вэйн решил устроиться неподалеку. О проходе не знал никто из команды, даже Ральф. Возможно, пришло время ему рассказать.

– Эй, Вэйн! – позвал Ральф.

– Ну что еще?!

– Ты сам говорил, что убивать не хорошо. И что злость – плохой помощник в нашем деле.

– Яйца курицу не учат! Делай, что велят!

Ральф послушно отошел, а Вэйн надулся. Он знал, что не прав, и крик в данной ситуации абсолютно лишний, как и глупая злость, рожденная гордыней. Но поделать с собой ничего не мог, слишком задела за живое неудача с монахом.

«Ничего, сейчас кого-нибудь грабанем и все станет хорошо. Все будет, как раньше!» – думал Вэйн.

Третий путник шел быстро и уверенно. Несмотря на теп-

люю погоду он оделся в кожаный плащ, на лице – угрюмая гримаса, наполовину скрытая скромной бородкой. Грива черных волос развивается сзади, на спине небольшая котомка, руки летают вдоль тела в такт шагу.

Явный северянин, чертов варвар! Вэйн знал таких. Им нипочем ни жара, ни холод; они не знают усталости, могут скакать или бежать целый день; одинаково хорошо владеют любым оружием, да и на кулаках поспорят с кем угодно. Крайне неприятные противники.

Правда, у этого не было никакого оружия. И он один, против пятерых.

Четверых, поправился Вэйн, решив, что сам в драку не полезет ни при каких обстоятельствах. В любом случае неожиданное нападение – ключ к успеху, в чем варвар сейчас убедится. Тихо подкрасться и ударить в спину Ильф умел, как и Бормотун.

Вэйн прислушался, еле слышный писк не давал покоя. А ведь проснулось распроклятое чутье! «Беги! Беги дурень!» – слышалось старику, аж поджилки затряслись, а живот скрутило тугим узлом.

Было в этом северянине что-то... Злость!

Вэйн считал, что полон злости, но глядя на лицо варвара, осознал, что того просто раздражает чудом сдерживаемая ярость, по сравнению с которой эмоции старика – лишь легкое недовольство. Интересно, кто сумел так разозлить северянина и что стало с несчастным после?

Четверо вышли из своих укрытий синхронно, окружая противника со всех сторон. Ральф и Костыль перегородили путь, Ильф примерялся нанести удар, Бормотун крался за ним, страхуя приятеля.

Варвар не остановился, шагая напрямик на Ральфа. Он выбросил вперед руку, его кулак, неожиданно удлинившись на добрый метр, ударил молодого грабителя в голову. Ральф упал, череп лопнул, как перезрелый арбуз, кровь и ошметки мозгов разлетелись по сторонам.

Вэйн совсем ни к месту подумал, как же сильно, оказывается, любил Ральфа. Наверное, как сына. Но теперь он уже ничему не научит паренька. Не покажет тайный проход, не объяснит, как управлять бандой. Не передаст по наследству переулок.

Северянин крутанулся на месте, цепочка кистеня описала дугу, Ильф в страхе отшатнулся, Костыль упал с разбитой головой, когда снаряд вошел ему в висок.

Хорошим парнем был Костыль. Недалеким, зато добрым, отзывчивым. А какой чай умел заваривать, ах!

Бормотун кинулся на врага, но тут же свалился с ножом в горле. С отчаянным криком Ильф пырнул противника, но тот ловко увернулся, цепочка взметнулась вверх, пережав грабителю шею. Быстрое резкое усилие, и тело Ильфа упало рядом с телами подельников.

Все случилось настолько быстро и непринужденно, что Вэйна не покидало ощущение, будто он на представлении

цирковых артистов. Вот сейчас они встанут, заключат друг друга в объятия и с поклоном будут ожидать бурных зрительских оваций.

Варвар спокойно вытащил метательный нож из горла Бормотуна, лезвие прошлось по одежке мертвеца, очищаясь от крови. Северянин выпрямился, посмотрев на старика.

Только теперь Вэйн очнулся. Он кинулся к проходу, доска отлетела прочь, голова почти нырнула в спасительную тьму. Мощный удар потряс тело беглеца, позвоночник с хрустом надломился, Вэйн взвыл от боли и, к своему стыду, обмочился.

«А ведь монах предупреждал, – подумал Вэйн с запоздалым раскаяньем, – Почти напрямую сказал, что нас убьют!»

Он хотел припомнить что-нибудь светлое и хорошее, но холодная сталь безжалостно полоснула по горлу. Остаток своей жизни Вэйн провел, пытаясь ладонями остановить кровь, мощными толчками вытекающую из артерии.

Немой Тим не стал дожидаться окончания бойни. Он побежал прочь со всех ног сразу, как замятво рухнул Ральф. Бежал долго, пока не свалился от переутомления, сознание едва удержалось в теле мальчика. В переулок Вэйна пацан не возвращался больше никогда.

Глава №2

Таверна под претенциозным названием «Сады Диониса» процветала, поток посетителей в любое время суток не иссякал, а вместе с посетителями в таверне появлялись и деньги. Во многом этому способствовало удачное расположение заведения, но определенная заслуга, безусловно, принадлежала хозяину Садов – дородному Пахомию.

Для Пахомия таверна являлась ребенком, детищем, которое он собственноручно построил и облагородил. Такое отношение не прошло незамеченным – сначала к заведению пришла известность, за известностью последовало процветание.

В большом зале Садов хватало места для всех – любители посидеть возле стойки устраивались на высоких стульях; те, кто пришел подкрепиться, располагались за круглыми столиками, вокруг которых суетливо порхали разносчицы; если же некто искал более уединенной атмосферы и приватной беседы – в их распоряжении имелись отделенные каменными нишами комнатки, предназначенные специально для таких случаев. В небольшом закутке постоянно играли музыканты – Пахомий приплачивал уличным менестрелям за сопровождение, поскольку оно нравилось посетителям. В дальней от входа стене находился большой камин, летом иг-

равший скорее декоративную функцию, хотя и сейчас в нем тлели пара головешек, отбрасывавших красные всполохи на камне.

На втором этаже располагались комнаты, которые Пахомий сдавал постояльцам за известную плату. В его заведении кормились множество ночных бабочек, время от времени одна из них уводила наверх очередного клиента, недостатка в жаждущих никогда не наблюдалось. Хозяин относился к гулящим девушкам снисходительно, с некой брезгливостью и презрением. Но останавливать из-за своего отношения прибыльный бизнес не собирался. Не он, так другой – какая разница? Иначе в этом мире не прожить, если есть спрос – появляется предложение.

К тому же у Пахомия имелось одно золотое правило, которое он всегда неукоснительно соблюдал: ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в дела посетителей.

Однажды, очень давно, будучи еще совсем молодым неопытным трактирщиком, он нарушил это правило. Вступился за глупого аркадийского недотепу, которого умелые шулеры буквально раздели, играя в кости, и дело шло к тому, что бедолага будет продан в рабство. Пахомий вмешался и спас глупца, о чем впоследствии неоднократно жалел. Взбешенные головорезы едва не спалили таверну. Трактирщику пришлось выплатить долги бродяги – реальные или выдуманные – из своего кармана. А самое смешное, что аркадиец все-таки получил рабский ошейник: как вскоре узнал Па-

хокий, едва выйдя из «Садов Диониса», тот уселся играть в другой таверне и, само собой, проигрался в хлам.

Наученный горьким опытом, Пахомий выбил главное правило на внутренней поверхности барной стойки, чтобы всегда находилось перед глазами, осаживая как хозяина, так и работников. Ни во что никогда не вмешиваться! Максимум, что позволял себе Пахомий – послать гонца за стражей, если дело принимало совсем уж скверный оборот.

Сегодня, как и обычно, Пахомий сидел на возвышении, с которого одним взором можно обозреть пространство таверны. Он контролировал все: посетителей, разносчиц, девок, наливальщиков, подавальщиков, кухню. Музыканты старались, выводя заунывную мелодию, сквозь которую хозяин слышал привычные звуки большого зала: приглушенный гул голосов, звон посуды, радостный смех, игривые вскрики девах.

Неподалеку, возле стойки, двое здоровенных парней, несомненных мошенников, окучивали молодую девушку. Одного из них Пахомий знал – мерзкий тип, Мухтар, головорез самого низкого пошиба, из тех, кто мать родную продаст, лишь бы пожить. Второй, очевидно, его поделник и телохранитель – явное отсутствие интеллекта, скомпенсированное большими размерами и мощью.

Девушка, почти девочка, юная, непорочная, сразу видно, что никакого опыта в общении с подобными типами у нее нет. Пространные одеяния безуспешно пытались скрыть ее

красоту. Попав в таверну, выпила чашку чая и поинтересовалась, можно ли нанять сопровождающего до Афин. Не успел Пахомий рта раскрыть, как возле нее уже вертелся Мухтар, разливаясь соловьем.

Если бы кто спросил мнения Пахомия, то он сказал бы, что брать Мухтара проводником можно разве что надеясь попасть напрямик в Аид. У него на морде написано, что продаст не задумываясь, за пару драхм, а то и дешевле.

«Не с теми ты связалась, девочка, совсем не с теми – думал Пахомий, исподлобья поглядывая на нее, – Впрочем, не мое это дело!»

Он заранее знал, чем все закончится. Сейчас Мухтар топчетя глупышке по ушам, припугнет, а то и применит силу. Никто не отважится помешать, дураков мало. Да и не сможет, если уж на то пошло – у головорезов имелась существенная группа прикрытия. Пятеро бандитов обычно дежурили за столом около входа. Сейчас, правда, двое отсутствовали – наверняка развлекались с девками – но трое оставшихся заинтересованно следили за действиями Мухтара.

Все это Пахомий видел уже не единожды, ничего необычного не происходило. Обыденность, обычная ежедневная суета. Почему же так беспокойно на сердце?

Он еще раз оглядел зал, взгляд поневоле задержался на темноволосом варваре, что поглощал еду за столиком возле камина. Рослый, широкоплечий, как все представители его народа, с едва намечающейся бородой. Одет просто, дорож-

ный плащ и сумка небрежно валяются на соседнем стуле.

Чертов северянин! Пахомий видывал таких. Сильны, глупы, могут пить литрами и не пьянеть; едят, как не в себя, но не толстеют; случается, отказываются платить, зато уж если платят, то щедро, не скупясь на вознаграждение. Беспокойные персонажи.

Пахомий одним движением брови подозвал разносчицу – молодую фигуристую Агнию, что относила заказ варвару – и поинтересовался, уплатил ли северянин за еду и выпивку. Девушка кивнула и, наклонившись к уху хозяина, зашептала. Путник, оказывается, при деньгах; заплатил сразу и Агния видела, что кошель полон монет почти доверху. Понятно – девушка не против познакомится поближе, да и, глядишь, заработать несколько монет сверху. Кто ее в этом упрекнет? Не Пахомий точно.

Отпустив разносчицу, Пахомий попытался расслабиться, но что-то по-прежнему мешало. Он стал следить за варваром и, наконец, понял причину беспокойства. Взгляд! Взгляд, который варвар цепко держал на девушке возле стойки.

Пахомия бросило в пот. Неужели это его подруга? Или рабыня? Нет, не может быть – хозяин таверны встряхнул головой, беспокойство немного отпустило. Слишком хороша для северянина. Тем более, насколько знал Пахомий, на севере относятся к женщинам весьма сурово. Если бы девушка принадлежала варвару, она сидела бы рядом и прислуживала господину. Что же тогда, обычный интерес?

Крэг-хан с аппетитом ел, неприязненно разглядывая окружающих. Как же все бесило! Разумом он понимал, что причина злости вовсе не в людях – вокруг обычные посетители, не лучше и не хуже, чем везде – а в том, что варвар оставил далеко на севере. Решение старейшин до сих пор жгло душу Крэг-хана каленым железом, кулаки яростно сжимались, глаза вылезали из орбит в поисках кого-нибудь, на ком можно сорвать гнев.

Те незадачливые грабители, которых он перебил утром, немного спустили пар, но сейчас варвар ощущал, как злость бесконтрольно накапливается в сердце. Стоило ли убивать неумех? Бесспорно, Крэг-хан мог бы их просто раскидать, или переломать руки-ноги. Старику же вовсе достаточно прописать увесистую плюху. Убивать не обязательно. С другой стороны, варвар не сомневался, что представься такая возможность, любой из грабителей недолго думая всадил бы нож ему в спину. В том числе и старикашка, бывший, скорее всего, главарем банды. Так что получили по заслугам. Да и вообще, если идешь грабить людей, вооруженный ножом, то стоит ожидать, ну хотя бы в теории, что жертва может ответить тем же.

Крэг-хан с наслаждением вспомнил упоение короткой битвой, выражение благостного недоумения на лице молодого грабителя, когда ему в лоб влетел удар кистеня. А этот момент, когда уверенность и наглая бравада на мордах головорезов превратились в страх! Грусть и обреченность на

физиономии старика порадовали Крэг-хана, ведь лучшая награда для воина – ужас в глазах врагов!

Впрочем, Крэг-хан не был воином, а старик, если уж разобраться, не был его врагом. В любом случае, содержимое карманов горе-грабителей пополнило кошелек варвара, начавший было показывать дно. Хоть какая-то польза.

Северянин нахмурился, грива волос встряхнулась, изо рта вырвался недовольный рык. Крэг-хан не привык долго размышлять о том, что уже произошло. Что было – то было, ничего не изменить. Он сделал то, что умел очень хорошо – выкинул из головы мысли о грабителях, словно позабыв об утреннем происшествии.

Взгляд в очередной раз обежал таверну, Крэг-хан замер с приоткрытым ртом, потому что на этот раз заметил девушку. Юная, хрупкая, маленькая, совсем не такая, как женщины севера. В племени Крэг-хана любая дева вдвое больше этой замухрышки, а в бою поспорит с малахольными греками. Женщины варваров зажигали, их нужно укрощать, ими нужно обладать. Эта девочка будила в северянине совсем другие, неведомые ранее желания. Помогать? Защищать? Есть в ней нечто, что не позволяет отвести взгляд.

Стройная и, безусловно, очень красивая. Лицо доброе, глаза смотрят с изумлением и надеждой. Так ребенок глядит на мир, когда видит его впервые.

Крэг-хан припомнил, как умирал в пустыне от палящего зноя и неожиданно наткнулся на ручей. Первые глотки

холодной воды были божественны! И сейчас эта девушка – такой же родник посредине песков, средоточие свежести и прохлады. Конечно, он не пригубил из этого источника, но даже нахождение в непосредственной близости освежало, прочищало мысли свежим ветерком.

Крэг-хан нахмурился, заметив двоих головорезов возле девушки. Ее друзья? Родственники? Лицо варвара озарила недобрая усмешка. Нет, не может быть у чистой и прекрасной незнакомки таких друзей. Она не из тех, кто якшается с подобной мразью. А раз они не друзья, то, верно, замыслили недоброе.

Девушка вскрикнула, попытавшись отстраниться, мужчина грубо схватил за руку, не давая сдвинуться с места. С удивительной ловкостью незнакомка вырвалась, но отступить некуда – в спину уперлась барная стойка. Блеснула сталь, головорез засветил нож. Громилы надвигались, один принялся что-то втолковывать со злым выражением на морде. Крэг-хан не слышал, что именно он говорит, но прекрасно видел, как щека девушки перекосилась от страха.

Больше варвар не размышлял, он привык действовать по велению сердца. Сейчас все естество кричало – спаси ее! – а дальше будь что будет. Взор северянина перепрыгнул с девушки на головорезов, место теплоты заняла ледяная стужа, губы перекосила яростная ухмылка, кулак сжался, ладонь ухватилась за бутылочное горлышко.

Пахомий наклонился над столом, занося на восковую таб-

личку указания поставщикам. Он старательно делал вид, что происходящее у стойки его не касается. Голос Мухтара повысился, грабитель схватил девушку за руку, не давая ускользнуть. Бедняга бросила на Пахомия просительный взгляд, Мухтар лишь засмеялся, одернув ее.

– Никто тебе не поможет, дуреха! – рявкнул грабитель, – Тем более старина Пахомий! Не так ли?

Пахомий опустил глаза, ему было стыдно. На душе – препаршивейше и препоганейше. Но что он мог поделать?

«Не мое это дело, – твердил про себя хозяин таверны, – Я никогда ни во что не вмешиваюсь!»

Девушка еле слышно вскрикнула, в этот миг музыканты как раз закончили играть, взяв небольшую паузу. Привычная какофония звуков успокоила слух Пахомия. Скоро прекрасную незнакомку уведут прочь и поводов для беспокойства больше не будет.

Жух-жух-жух! Непривычный звук заставил поднять глаза. Что бы это могло быть? Давно Пахомий не слышал ничего похожего. Такой звук могла бы издавать... летящая вращающаяся стеклянная бутылка!

Снаряд со звоном разбился о голову Мухтара, тот рухнул на пол с проломленным черепом. Разноголосица тотчас умолкла, головы синхронно повернулись в сторону, откуда прилетела бутылка.

Варвар неторопливо выбрался из-за стола, могучая фигура распрямилась. Камин выдал последние остатки жара,

стрельнули искры, отсалютовав северянина. На фоне догорающего костра силуэт выглядел особенно колоритно, он будто стал вдвое выше, плечи раздались в стороны, взгляд пронзительных голубых глаз не сулил ничего хорошего.

В наступившей тишине очнулись музыканты, заиграл заурывный боевой марш. Варвар не спеша пошел к стойке. Специально ли он так задумал, или то получилось случайно, но шаг попадал точно в ритм музыке, усиливая и без того небывалый эффект от появления.

Пахомий смотрел во все глаза. На миг показалось, что сам Арес спустился с Олимпа, чтобы навестить его скромную таверну. Трактирщик приподнялся со стула, неведомое доселе стремление сразиться со злом проникло в душу. Прямо сейчас Пахомий готов был последовать за варваром, помочь в битве, прикрыть спину.

Северянин подошел и мираж рассеялся. Конечно, никакой это не Арес, обычный злой агрессивный варвар, которому не терпится помахать кулаками. Зад Пахомия опустился обратно на стул, он нервно выдохнул. Рука шевельнулась, подав тайный знак, мальчуган-гонец сорвался с места, умчавшись за стражей.

– Варвар! Ты кем себя возомнил! – заорал второй головорез, ставший возле валяющегося Мухтара, – Клянусь Гераклом...

В чем он хотел поклясться никто не узнал, потому что кулак северянина взметнулся к челюсти головореза. Раздал-

ся отчетливый хруст, голова бандита резко дернулась назад, глаза закатились, тело обмякло и свалилось аккуратно поверх Мухтара.

– Как тебя зовут? – Крэг-хан повернулся к испуганной девушке.

Та лишь отпрянула назад, вжавшись в дерево стойки.

– Ты что, немая? – в ответ девушка тряхнула волосами, по-прежнему не произнеся ни звука.

В зал, наконец, вернулся гул голосов, посетители принялись усердно обсуждать потасовку. Трое головорезов поднялись из-за стола, с решительным видом направившись по направлению к поверженным подельникам.

– Ты понимаешь, что я говорю? – Крэг-хан поглядел на девушку с сомнением.

Она кивнула, варвар довольно хмыкнул, рука северянина скользнула за спину, в ладони сверкнуло лезвие ножа.

– Пожалуйста, не убивай никого! – протараторила девушка, положив ладошку на предплечье мужчины.

Крэг-хан удивился просьбе. Что еще за блажь? Эти трое идут сюда не разговоры разговаривать, да и ножи у них не для еды. Разве что мясо разделявать. Почему же он не должен убивать? И как, черт побери, нужно их утихомирить? Может, вежливо попросить убраться восвояси? Вряд ли работает.

Девушка качнула головой, подняв глаза на Крэг-хана, их взгляды встретились, в голове варвара внезапно проясни-

лось, ярость покинула сердце, злость выплеснулась с выдохом, осталось только ощущение тепла и спокойствия. Он не хотел больше драться или, тем более, убивать. Хотелось одного – взять девушку за руку и уехать далеко-далеко, туда, где можно построить дом и жить, не опасаясь лихих людей.

Но лихие люди уже здесь, рядом. Встретиться с ними придется прямо сейчас, не откладывая.

Крэг-хан резко повернулся, массивный стул вспорхнул в руку, как перышко. Стул пронесся по воздуху, обрушился дубиной, бандит не успел закрыться, лишь издал жалобный писк, когда тело встретилось с деревом.

Второй головорез прыгнул вперед, наткнувшись на удар ноги. Варвар вlepил пинок такой силы, что бедняга пролетел несколько метров, прежде чем пустой стол остановил движение.

Последний противник взмахнул ножом, Крэг-хан отпрыгнул, но недостаточно быстро. На груди варвара появился порез, кровь окрасила ткань рубахи. Ободренный успехом, бандит сделал длинный выпад, надеясь попасть живот. Крэг-хан прынул, изогнувшись, рука перехватила удар, вторая обрушилась сверху. Звук ломаемой кости смешался с воплем боли. Замахнувшись, варвар опустил пятку сапога в колено противнику. Громкий хруст, неестественно выгнутая конечность и еще более жуткий крик. Противник свалился на пол, отбросив нож и все мысли о нападении.

Крэг-хан обернулся, девушка пятилась, маленькие ладо-

шки сжались, закрыв лицо, в глазах плескался бесконтрольный ужас.

– Я не убил его, – пробормотал Крэг-хан, нагнувшись над вопящим бандитом, чтобы забрать оружие, – Что смотришь? Не бойся!

– Ты очень жестокий! – выдавила девушка.

Жестокий... Эти слова он уже слышал раньше, из уст старейшин. Тогда они показались Крэг-хану комплиментом, но теперь его словно по сердцу резанули. А как иначе? Это бой! На кону была жизнь, в том числе и маленькой девчушки.

Крэг-хан огляделся. В зале ничего не изменилось – посетители сидели на своих местах, оживленно обсуждая схватку; разносчицы скукожились было за стойкой, но видя, что им ничего не угрожает, принялись снова подавать напитки; поверженные противники копошились на полу, не в силах подняться; трактирщик, сидевший неподалеку, встал со стула и подошел ближе, протянув северянину чистое полотенце.

Варвар протер тряпкой кровь на груди – сушая царапина, а льет, будто полтуловища отрубили.

– Принеси вещи! Мы уходим! – он кивнул на свой столик в другом конце зала.

Девушка, на секунду замешкавшись, засеменила выполнять поручение. Крэг-хан еще раз промокнул рану и бросил испачканное полотенце хозяину.

– Что ж ты, трактирщик, допускаешь к себе всякое отребье? – спросил он Пахомия.

Тот сжался, не зная, что ответить, но ответ и не требовался. Варвар повернулся спиной, игнорируя хозяина заведения.

Пахомий уже жалел, что хоть в чем-то помог северянину. И что на него такое нашло? Есть же правило! Варвар сейчас уйдет, а хозяину таверны предстоит неприятное объяснение с Мухтаром и его прихвостнями.

Дверь таверны распахнулась, впуская внутрь отряд стражи.

«Ну конечно, – печально подумал Пахомий, – Явились, когда все уже кончено!»

Но взглянув на северянина, Пахомий вдруг понял, что ничего еще не закончилось. Никуда он с ними не пойдет, ничего и никому не будет доказывать, объяснять. А brave вояки тоже просто так не отпустят, не имеют права. Они должны задержать и разобраться.

Пару секунд воины осматривалась, двое встали у двери, трое рассредоточились вдоль прохода. Командир отряда бегло глянул на Пахомия, на поверженных бандитов. Наконец, его взгляд остановился на варваре.

– Стой где стоишь, парень! И держи руки подальше от оружия! – скомандовал стражник.

Северянин фыркнул, нож медленно скатился с ладони на барную стойку.

Пахомий подумал, что, возможно, не такой уж варвар и дикий. Может быть, все закончится благополучно.

Входная дверь хлопнула еще раз, небольшой сквозняк пронесся по залу. На пороге появился человек в доспехе из темной кожи. Увидев его, Пахомий задрожал, он узнал посетителя. Капитан патруля глянул назад, его тело тут же изогнулось в почтительном поклоне. Остальные стражники последовали примеру своего начальника. Музыка смолкла, голоса затихли, через секунду воцарилась полнейшая тишина. Один Крэг-хан смотрел на мужчину без страха и почтения, ограничившись легким недоумением.

– Знаете кто я? – голос вошедшего прозвучал громогласно, хотя он едва приоткрыл рот.

– Да, господин, – ответил капитан, не разгибаясь, – Достопочтенный Эсхин Сикионский...

Мужчина кивнул, не поворачивая головы, прошел мимо стражников, взгляд Эсхина остановился на Пахомии, мелкая дрожь заколотила трактирщика.

– Я ищу девушку. Темноволосая, небольшого роста, легко одетая. Где она?

Пахомий, будучи не в силах ответить, скосил глаза на северянина. Только теперь Эсхин обратил внимание на варвара.

– Где девушка? – повторил он.

Крэг-хан уставился на мужчину, не понимая, почему все его так боятся. Ну да, выглядит внушительно, но видывал варвар мужиков и побольше! Не понравился северянину этот тип. Жесткий голос, явно привыкший повелевать. И

цепкий, холодный взгляд убийцы. Крэг-хан скосил глаза и, к своей радости, не увидел и следа давешней девицы. Как, кстати, и своих вещей.

– Она там, где тебе ее не достать, – с веселой ухмылкой ответил Крэг-хан, и, чуть подумав, добавил, – Козел!

Он и сам бы не мог точно сказать, зачем оскорбил вошедшего. Наверное, потому, что тот искал девушку, а Крэг-хан вольно или невольно принял на себя обязательство по ее защите. К тому же опять почуял поднимающуюся изнутри ярость, готовность к бою, жажду победы.

Эсхин нарочито медленно шагнул к северянину, Крэг-хан напряжился, тело приготовилось к драке. Тишина стала еще более всеобъемлющей. Дуэль взглядов между варваром и темным мечником по напряжению далеко переплюнула всю предшествующую схватку с бандитами.

Скрипнула половица, треснула полена в очаге, звякнула неосторожно задетая посуда. Ноги трактирщика отказались держать, Пахомий нелепо сполз под стол.

И это послужило сигналом.

Крэг-хан молниеносно вскинул руку, кистень вырвался из ладони, устремившись к лицу противника. Мало кто мог бы увернуться, если не ждал чего-то подобного, но Эсхин сумел. Голова мечника отклонилась в сторону, кистень прошелся рядом, чиркнув по боковине шлема.

Варвар крутанулся; цепочка просвистела, набирая скорость; гиря обрушилась на врага. Эсхин вскинул руку, легко

схватив цепь в воздухе.

Крэг-хан разъярился. Среди своих соплеменников он знал парочку, способных проверить подобный трюк, но чтобы грек!? Это уж слишком!

Он ударил ногой, метя в грудь, но с тем же успехом мог бы бить по каменной стене. Ступня отскочила, не нанеся врагу видимого урона.

Теперь атаковал Эсхин. Он дернул цепь на себя, варвар нелепо мотнулся вперед, налетев на кулак мечника. Еще дважды рука поднималась, кулак обрушивался на голову северянина. Затем Эсхин оставил в покое цепь, ступни сделали подшаг, локоть впечатался в лицо противника. Варвар надсадно выдохнул и рухнул на колени.

Заняв устойчивую позицию, Эсхин размахнулся, кулак мелькнул и врезался в висок северянина. Крэг-хан повалился без чувств.

Не то чтобы мечник хотел убить, скорее наоборот. Молодой варвар порадовал своей смелостью, неприятием авторитетов. Напомнил самого себя в молодости. Но любому бойцу нужно знать предел – теперь варвар знает свой. Повезет – выживет, а нет... что ж, такова плата за дерзость.

Эсхин развернулся, окинув взглядом так и не шевельнувшуюся публику.

– Так где девушка? – вкрадчиво спросил он.

Глава №3

Небольшая Стигийская площадь Коринфа под вечер заполнялась народом. Обычно здесь пусто, ведь нет питейных заведений, отсутствуют бордели и театры. Деловой центр города далеко. По периметру площади расположились несколько магазинчиков самого различного пошиба: кто-то торгует тканями, другой – картинами, третий – медными украшениями. Но сегодня на площади многолюдно: толпа собралась, чтобы посмотреть на казнь.

Посредине площади соорудили деревянный помост, поверх него возвышался обрубленный столб, рядом красовалась плаха. На небольшом чурбачке восседал северянин. Руки и ноги стянули бечевкой, туловище в двух местах прихватили к столбу. Впрочем, несмотря на неудобную позу и стесненные обстоятельства, варвар держался на помосте, как на троне: спина гордо выпрямлена, голова поднята, взгляд устремлен вверх зевак.

Желающих посмотреть на расправу нашлось немало, народ во все времена любил кровавые зрелища. Несколько стражников лениво прохаживались возле помоста, не позволяя праздношатающимся подходить слишком близко. Неподалеку от варвара, на внушительном стуле сидел палач: могучий дядька в черной одежде и маске. Он мрачно огляды-

вал толпу, руки то и дело проводили точильным камнем по кромке огромного топора, острота которого и без того не вызывала сомнений.

Толпа волновалась, толпа жаждала крови. Раздавался смех, улюлюканье, то и дело кто-то запускал в обреченного камнем. Поначалу собралось человек пятьдесят, но постепенно стягивалось все больше народа, и сейчас на тесной площади толпилось уже несколько сотен горожан.

Торговец Паллант поглядывал на толпу с осуждением. Он никогда не понимал любви к кровавым зрелищам, по мнению торговца гораздо интереснее посмотреть на произведения искусства, к коим он, конечно, относил и свой товар. Ну или, коли уж так хочется крови, так для этого есть спортивные состязания. А казнь... когда один человек лишает другого жизни... омерзительно.

И вот ведь парадокс: народу на площади целая толпа, но никто даже не посмотрит на прилавок Палланта! Ни единая живая душа! А ведь у него можно приобрести лучшие украшения в Коринфе. Ну хорошо, положи руку на сердце – не самые лучшие. Но зато по какой цене! Уж по соотношению цены и качества его лавка не уступит ни одной другой, в этом Паллант уверен. Но нет, взгляды зевак прикованы исключительно к бедолаге, чья голова в скором времени отделится от тела.

Торговец посмотрел на северянина. Порванная рубаха; под обрывками видны напряженные мышцы, перетянутые

сухожилиями; пучки темных слипшихся волос откинута назад; отрешенный взгляд блуждает где-то далеко. Паллант знавал таких варваров. Дикие, необузданные, вспыльчивые. Но в то же время – справедливые, великодушные. И чего уж точно не отнять – разбираются в красоте.

Был у Палланта определенный тест, своеобразная шарада или, если угодно, проверка на вшивость. Среди побрякушек, сверкающих стеклянными камнями и фальшивым золотом, он выкладывал иногда простую серую металлическую цепочку. Она была ничем не примечательна, кроме неимоверного мастерства, с которым мастер ее создал. Каждое миниатюрное колечко, загнутое определенным образом, умелец украсил собственным орнаментом. Значение рисунков кануло в лету вместе с неизвестным искусником, но красота осталась. Правда, чтобы ее разглядеть, требовался зоркий глаз и чуткое сердце. Почему-то Паллант не сомневался: варвар выбрал бы из всего товара именно эту цепочку.

Тень упала на прилавок, статный мужчина остановился, бегло разглядывая товар.

– Доброго вечера, торговец!

– И вам того же, досточтимый! – учтиво кивнул Паллант, – Желаете что-нибудь приобрести?

Взгляд мужчины пробежался по разложенным побрякушкам.

– Не обижайся, торговец, но я не вижу ничего, достойного внимания... Разве что... вот эта вещица.

Наклонившись, покупатель аккуратно потянул на себя заветную железную цепочку Палланта. Сердце торговца сжалось, глаза удивленно распахнулись. Он заново внимательно осмотрел прохожего.

Свободная одежда, что подошла бы монаху; крепкое телосложение, подобающее воину; седина в темных волосах, собранных в хвост; задумчивое выражение на мужественном лице.

– Занятная вещица, – повторил незнакомец, пока цепочка крутилась перед его глазами, – Сделана истинным мастером.

– И стоит немалых денег, – мрачно вторил ему Паллант.

Монах хитро улыбнулся, подкинув украшение в ладони.

– Правда в том, торговец, что ты не хотел бы расставаться с ней ни за какие деньги, – заключил мужчина.

Палланта огорошило это заявление. Прислушавшись к себе, он понял, что незнакомец прав. Но как ему удалось прочитать в душе Палланта то, что торговец сам до сих пор не понимал? Неужели этот монах ясновидящий? Паллант принуждено нахмурился, грустно вздохнув.

– Я – торговец, – проговорил он с тяжелым сердцем, – И раз вещь лежит на прилавке, значит это товар. Покупай, коли готов выложить достойную цену!

Монах примиряюще поднял руки.

– Будь у меня жена или дочь, я без сомнения так и сделал бы, – мужчина бережно положил цепочку на прилавок, – Но, к сожалению, я одинок, а значит эта прелесть мне ни к чему.

Паллант с облегчением выдохнул.

– Кто знает, может совсем скоро ты встретишь ту, кому захочешь сделать достойный подарок?

– Кто знает... – мужчина непринужденно рассмеялся.

Между тем народ на площади все прибывал, обстановка потихоньку накалялась, гневные выкрики призывали поскорее приступить к казни.

Монах повернулся, оценивающим взглядом окинув помост.

– Глупцы, – еле слышно проговорил он, – Неужели не понимаете, что любой из вас легко может оказаться на его месте? И что-то я сомневаюсь, что любой примет свою участь с таким достоинством.

Темноволосый варвар сидел ровно, полностью игнорируя как оскорбительные выкрики, так и удары брошенных камней.

– Ты знаешь, что это за человек? – обратился монах к торговцу.

– Из северных племен, – Паллант пожал плечами, высказав очевидное.

– Да, я встречал таких раньше, – задумчиво бросил прохожий, – В основном – достойные люди. Вполне разумные и поддаются обучению, хотя предпочитают исключительно практические знания, полностью пропуская теорию мимо ушей.

Паллант не нашелся, что ответить. Он и сам предпочитал

практику, считая теоретизирование уделом никчемных философов, которые ничего больше в жизни не умеют.

– А в чем его вина, не подсказешь?

– Устроил драку в таверне. Говорят, покалечил нескольких головорезов.

– Великий Зевс! Куда катится этот мир... – монах сокрушенно покачал головой, – В мое время за драку в таверне ни то что не казнили, никто и стражу вызывать не подумал бы! Ну, сошлись лихие люди, выяснили, кто круче, выпустили пар. Разве же это преступление?

– Сказать по-честному, я был тогда в таверне и все видел, – Паллант неожиданно для себя самого разоткровенничался, – Варвар не просто так ввязался в драку, он защищал юную деву.

– А! Значит пострадал из-за женщины! – монах взглянул на северянина с явным одобрением, – Тем более! Почему же схватили его, а не тех, кто покушался на даму?

– Не все так просто, досточтимый, – продолжил Паллант уже несколько тише, – Дело в том, что варвар схватился с самим... – тут торговец заговорил почти шепотом, – с самим Эсхином!

Мужчина нахмурился, рука задумчиво погладила подбородок.

– Эсхин Сикионский, правильно? – уточнил он, – Тиран, именуемый не иначе как Темный Мечник.

Паллант закивал, он и сам уже был не рад, что ввязался

в этот разговор. Есть вещи, которые лучше не произносить вслух, особенно громко, чтобы не накликать беды.

Мужчина, меж тем, глубоко задумался. Губы бормотали невнятные слова, руки жестикулировали, он словно раздвоился, приводя себе доводы «за» и «против».

– Эсхин, – пробормотал он, наконец, – Я встречался с ним раньше. И вот судьба свела нас вновь. Может быть, это знак? – монах весело посмотрел на Палланта, – Скажи, торговец, ты веришь в предназначение?

– Я верю, что все в руках Богов, – осторожно ответил Паллант, не желая раздражать мужчину, но и опасаясь, как бы слова не обернулись против него самого.

– Как ты считаешь, угодно ли Богам, чтобы мы помогли достойному человеку? – прохожий кивнул на помост.

– Э-э-э... как же... чем же... я могу... помочь? – тихо-тихо промямлил торговец, больше всего желая провалиться сквозь землю.

– Ну, например, нет ли у тебя за прилавком хорошего ножа? – монах наклонился, взглянув прямо в глаза Палланту.

Крэг-хан сидел неподвижно, придав лицу выражение полнейшего безразличия, хоть это и далось с трудом. Голова раскалывалась, в висках стучала кровь, болели кулаки, а еще неимоверно чесалась рана, оставленная ножом на груди. В сердце клокотала ярость. Он слегка скосил взгляд на беснующуюся толпу, презрительная улыбка тронула губы.

Варвар готов был сразиться в поединке с каждым на пло-

щади, по очереди. Он уверен, что победит, потому что взор не выделил в толпе ни единого умелого бойца. Да что там, Крэг-хан с удовольствием бросился бы в самую гущу народа, чтобы умереть в бою! Конечно, его быстро растопчут, но несколько жизней варвар точно забрал бы на тот свет с собой. А в его племени такая смерть считалась самой достойной для воина. Вот только воином он так и не стал.

Крэг-хан поморщился от воспоминаний.

Палач подошел к своей жертве, оценивающий взгляд упал на ноги варвара. Сапоги неплохие, но вот размерчик мелковат. Ну ничего, все равно нужно снять после казни. Проще обыскивать мертвых людей.

Крэг-хан сплюнул, пытаясь попасть в палача, но тот стоял слишком далеко. Подонок уже забрал себе вещи северянина: кистень и метательный нож. Теперь вот примеривается к обуви. В племени Крэг-хана даже преступников хоронили вместе с их имуществом. Считалось, что оружие поможет им в загробном мире. А у греков, похоже, ничего святого.

Отчаяние захлестнуло варвара, он дернулся, вены на руках вздулись, мышцы напряглись в попытке разорвать путы, но веревка держала надежно. Крэг-хан не страшился смерти, хотя и любил жизнь. Но вот перспектива умереть связанным, как грабитель или насильник – удручала.

Он давно уже не обращал внимание на прилетающие камни. Большая часть пролетала мимо, хотя несколько ощутимых ударов северянин все же получил.

«Они не ведают, что творят – думал Крэг-хан, – Глупые дети и убогие родители!»

Перед мысленным взором красовался путь в Вальхаллу, он гадал, сможет ли попасть туда. По всему выходит, что нет. Путь в обитель героев открыт лишь тем, кто умер сражаясь, погиб с честью. А не тем, чью голову срубил неумеха-палач.

Чувствительный удар камнем пришелся в живот северянина, торжествующие крики толпы отметили попадание. Крэг-хан сдержался, ему удалось даже не поморщиться. Он не доставит своим врагам удовольствия. Взор варвара устремился в небо поверх голов.

Сразу несколько новых камней взвились в воздух. Садящееся солнце отразилось от одного из них, пущенного умелой рукой издалека, от самого дальнего края толпы. Крэг-хан резко напрягся, сосредоточившись. Глаз не обманул: так бликовать на солнце мог только металл.

Варвар наклонил голову вбок. Нож преодолел солидное расстояние по пологой траектории, дерево застонало от удара. Лезвие впилося в то место, где только что находилось левое ухо северянина, клинок на добрую ладонь вошел в столб, ибо такова была сила броска.

Мгновенно сориентировавшись, Крэг-хан вскинул связанные руки. Резкое усилие, боль от соприкосновения с холодной сталью – разрезанная веревка упала на помост, руки варвара освободились.

В толпе раздались возмущенные выкрики и улюлюканье,

но никто из стражников пока не понял, в чем дело. Крэг-хан попытался выдернуть клинок, но лезвие застряло намертво. Тогда варвар принялся лихорадочно расстегивать ремни, что притянули его к столбу.

Палач первым заметил неладное, раздался громкий оклик, топор взлетел, перехваченный двумя руками. Он шагнул к столбу, но в этот миг Крэг-хан победно вскрикнул: последний ремень упал на доски, варвар освободился.

Палач бросился к варвару, занося топор для удара. Крэг-хан вскочил, ноги все еще оставались связанными. Вместо того, чтобы убежать, северянин прыгнул навстречу противнику. Словно в детской игре, он сделал два подскока, потом последовал мощный толчок, тело сгруппировалось в полете, руки откинулись назад, ступни с силой ударили врага в грудь. Крэг-хан с наслаждением услышал треск сломанных ребер; его противник, опрокинутый сильным ударом, свалился с помоста. Варвар упал на спину, голова едва не приложилась о доски, дыхание сбилось, воздух с шумом вышел из легких. Только теперь стражники повернулись к помосту и осознали, что происходит.

Крэг-хан напрягся, мышцы изогнулись дугой, он вскочил на ноги, изящный кувырок перенес варвара к его вещичкам, лежащим неподалеку.

С торжествующим криком северянин схватил нож, лезвие тут же принялось кромсать бечевку, стягивающую ноги. Стражники, один за другим, карабкались на помост, но тут

блостители порядка застыли в нерешительности.

Крэг-хан полностью освободился от пут, на его лице появилась довольная усмешка, из горла вырвался яростный рык. Все-таки боги ему благоволят, появился шанс умереть, как подобает, в бою!

– Идите сюда и умрите! – прорычал варвар, стражники попятились.

Фигура северянина источала такую ярость, что ей сложно было противостоять. В правой руке скрутился в ожидании кистень, в левой легко танцевал нож. Обрывки рубахи слетели прочь, голый торс лоснился от пота, крови и пыли. Ноги напряжились, руки разошлись шире, Крэг-хан приготовился подороже продать свою жизнь.

В дальнем конце площади раздался громкий свист, из темного переулка на простор вылетели два великолепных жеребца, несущихся во весь опор. Впереди мчался быстроногий вороной, на спине вцепился в сбрую женский силуэт, скрытый широким плащом. Второй конь скакал следом без седока.

Началась давка, толпа раздалась в стороны, люди волей-неволей расступились перед несущейся двойкой.

Издав яростный крик, Крэг-хан бросился на противников. Одного толкнул плечом, второй оступися и скатился с помоста, третий упал, сраженный ударом кистеня. Двое бросились на северянина сзади, но он быстро промчался к краю помоста, перепрыгнув через плаху.

Наездница осадил коней, ее жеребец встал на дыбы, но девушка умело удержалась в седле. Крэг-хан, не думая оставившись, прыгнул.

Дикая, великолепная картина застыла перед глазами зрителей. Крики стражников, оставшихся ни с чем; развивающиеся на ветру волосы варвара; тело, распростертое в полете; цепочка кистеня, обвивающая мощное предплечье; люди, спешащие убраться прочь от копыт скакунов; солнце, посылающее последние лучи на город.

Через секунду варвар оказался в седле, кони сорвались в бешеный бег. Еще через пару мгновений двое скакунов исчезли в одном из боковых проходов. На площади остался хаос, недовольная толпа, требующая непонятно чего, унылый палач, держащийся за грудь, и куча стражников, не сумевших выполнить свою работу. Командир стражи кинулся за беглецами, но здравый смысл остановил – преследовать наездников пешком глупо.

В дальнем конце площади Паллант торопливо собирал товар, заноса его внутрь лавки. Он опасался возможных беспорядков, как и того, что его роль в бегстве варвара может быть обнаружена. Опознать принадлежность ножа невозможно, но... береженого боги берегут!

– Вот видишь, торговец, пути Богов для смертных непостижимы! – монах, оказывается все еще ошивался возле прилавка, – Только лишь с моей помощью варвар бы не спасся. Но и без нее он не выбрался бы на волю.

Паллант посмотрел на мужчину крайне неодобрительно. Дело не в том, что он помог северянину бежать, такой поворот событий торговцу даже понравился. Но вот рассуждать об этом лишний раз не следовало, тем более возле магазина Палланта.

Поняв настроение торговца, прохожий улыбнулся.

– Добрых снов, торговец, – монах поклонился, отступая назад, – Когда будешь ложиться спать, подумай вот о чем: сегодня ты помог хорошему человеку!

Паллант открыл было рот, чтобы ответить, но странный прохожий уже ушел. Он растворился в толпе, сумерки скрыли его перемещения. Паллант едва заметно хмыкнул, ставни магазина закрылись, щелкнул железный замок, торговец с довольным видом поплелся домой. День прошёл не зря.

Крэг-хан оглядывался, но погони видно не было. Конь летел вслед за своим собратом, где в седле уверенно держалась спасительница варвара. Сначала они неслись что есть мочи, потом девушка сбавила ход, теперь кони шли легкой рысью. Девушка провела через несколько проходных дворов, позади остались лабиринты трущоб, несколько раз беглецы пересекали широкие улицы, тут же укрываясь в слабоосвещенных проулках. Наконец, девушка остановила своего жеребца, ноги мягко спружинили, когда наездница спрыгнула на землю. Северянин последовал ее примеру.

– Я Крэг-хан. А как твое имя? – мягко спросил варвар.

– Пандора, – еле слышно ответила девушка.

– Спасибо, что помогла мне.

– Не за что. Вот, возьми. Твой плащ и сумка.

Крэг-хану стало неудобно. Никогда раньше он не робел перед женщинами, но сейчас язык заплетался, речь стала отрывистой и грубой. Варвар ощутил себя косноязычным дураком, абсолютно не представляя, что сказать.

Северянин покопался в сумке, в руках появилась чистая рубашка, тут же одетая на голый торс. Пандора поежилась от прохладного ветерка, Крэг-хан протянул плащ.

– Оставь себе, а то вся дрожишь, – он неумело помог девушке закутаться в кожу, – Куда теперь?

Пандора огляделась.

– Мы должны вернуть коней.

– Мы... что?! Что мы должны сделать?

– Я взяла коней на время, – девушка заметно покраснела, – А теперь мы должны их вернуть.

– Ты их украла.

– Нет! Я не воровка! – ее лицо скучилось, варвару показалось, что девушка сейчас заплачет, – Давай их вернем. Пожалуйста...

Ничего глупее Крэг-хан в жизни не слыхивал. Конечно, милая девочка украла превосходных скакунов, и гордиться тут особо нечем. В племени варвара воровство не считалось почетным занятием, а конокрадов и вовсе презирали. Но на что только не пойдешь ради достойной цели! А спасение его, Крэг-хана, было, несомненно, именно такой целью.

Впрочем, дело сделано, кони, по всем понятиям, принадлежат теперь им – девушке и Крэг-хану. Возвращать их бывшему владельцу – сушая несуразица! Зачем Пандора рвется расстаться с превосходными скакунами, на чем она планирует передвигаться дальше – этого северянин никак не может уразуметь.

Он посмотрел в глаза девчужке – слезы готовились потечь по бледному личику, сжатые губы подрагивали, волосы выбились из-под повязки и небрежно растрепались. Варвар подумал, что это будет самым печальным зрелищем в мире – если Пандора заплачет. Ему захотелось обнять ее, согреть, успокоить. Но вместо этого он повернулся, похлопав скакуна по холке.

– Хорошо! – решил Крэг-хан, – Веди!

Пандора ухватила коня под уздцы, скакун послушно зашагал за девушкой, второй увязался следом.

Крэг-хан плелся позади, проклиная свою непонятно откуда взявшуюся мягкость. Он обзывал себя слабохарактерным дураком, голос в голове ехидно вопрошал – с каких это пор женщина указывает воину куда идти и что делать? Ответ выплыл из подсознания – может быть, все дело в том, что ты не воин? Он зло сплюнул, приказав себе поменьше размышлять о всякой ерунде.

Вскоре девушка свернула в темный проулок, на который выходил задний двор богатой усадьбы. Ловко просунув худую руку между досок, Пандора отворила тяжелую калитку.

ку, заведя коней внутрь. Неподалеку от входа находилась конюшня, девушка зашагала в ее сторону.

– Конюх – старый человек, – виновато прошептала она, – За лошадьми ухаживает отменно, но увести их оказалось совсем не сложно.

Крэг-хан завел скакунов в стойла и, повинувшись внезапному порыву, принялся снимать с них амуницию. Когда кони были расседланы, в ход пошла щетка, а после пришел черед тряпки. Наконец, скакуны оказались вычищены и высушены. Пандора молча наблюдала за действиями мужчины.

– Я совсем не умею ухаживать за лошадьми, – виновато произнесла она, – Ты научишь меня?

– Может быть, – Крэг-хан кивнул, – Поговори с ними, угости чем-нибудь.

Пандора послушно протянула коню зеленое яблоко, ладошка девушки почесала ухо скакуна. Крэг-хан принес воду и накидал в кормушки еды.

Солнце почти село, на улице стояла кромешная темень, в окнах дома горел огонь, но не слышался ни единый звук.

– Нам пора, – сказал варвар, беря в руки свою сумку.

Девушка послушно кивнула, еле заметная тень выскользнула в калитку. Крэг-хан, перед тем, как выйти, заглянул в свой кошель.

Когда молодая пара скрылась за забором, из темного угла двора вышел старик со снаряженным луком в руке. Он нахмурился, оглядывая довольных обихоженных коней.

Тимос работал конюхом всю жизнь, поскольку ухаживать за лошадьми – его призвание. Никто не мог бы упрекнуть старика в том, что он отнесся к подопечным невнимательно, небрежно или без должного уважения. Поэтому сегодня, когда конюх обнаружил похищение, он чуть не свихнулся от горя. Старик даже подумывал о самоубийстве, но не осмелился. Тимос с ужасом представлял, что скажет хозяин, когда завтра утром придет посмотреть на своих питомцев.

Старик уселся в темноте конюшни и горько зарыдал. Каково же было его удивление, когда он услышал до боли знакомый перестук копыт! Тимос схватил лук, тетива натянулась, стрела легла в руку. Старик решил, что выстрелит в первого, кто появится в проходе.

Когда в дверях появилась прекрасная девушка, сердце старика дрогнуло. Следом вошел варвар, стрела задрожала, готовая к полету. Но девушка... такая не стала бы водиться с плохим человеком. А она смотрела на северянина с восхищением, с радостью. Конюх вздохнул и решил повременить.

Варвар принялся вычищать коней, Тимос опустил лук. Ему приходилось встречаться с северянами раньше. Ловкие, работающие, свободолюбивые. Они умели ездить верхом и ценили лошадей по достоинству. Старик наблюдал, как варвар обтер животных, принес еду и воду.

Наконец, девушка вышла на улицу, северянин двинулся следом. В последний момент он остановился, кошель раскрылся, на доску рядом со входом легли четыре монеты.

Мужчина выпрямился, его взгляд остановился на Тимосе, того аж дрожь пробрала. Старик схватился за оружие, но когда лук поднялся, варвара уже и след простыл, лишь еле слышно хлопнула калитка.

Старик подобрал оставленные деньги, монеты звякнули в руке.

«Давно не был в Храме, – решил Тимос, – Надо бы принести жертву Зевсу, Аполлону. Да и Артемиде не повредит.»

Он закрыл калитку на все запоры, в конюшне полный порядок. Тимос заковылял в дом.

Сегодня он много нового узнал про других людей, да и про себя самого. День прошёл не зря.

Глава №4

Купец Кохиос водил караваны по Греции. Везил знаменитые Фессалийские вина, обратно – табак, зерно, ткани. Местность для торговли более чем подходящая!

Порт Коринфа принимал суда со всего Ионического моря, в Пирей и Салоники заходили корабли, бороздящие просторы Эгейского. Торговля шла бойкая, купцы никогда не оставались внакладе.

Дороги Греции считались безопасными, хотя в последнее время до Кохиоса доходили упорные слухи об участившихся разбойных нападениях. Как бы то ни было, нанимать дополнительную охрану купец счел слишком обременительным мероприятием.

Кохиос вел три телеги с товарами, на каждой – возница, он же, при случае, и боец. Купец надеялся, что этого будет достаточно для безопасного путешествия, предполагал держаться людных мест и проторенных дорог.

И все же Кохиос обрадовался, увидев в толпе знакомое лицо. Свежее летнее утро стало еще радостнее и приятнее.

– Ба! Какие люди! Хилон! Ты ли это? – возопил купец, перекрикивая уличный гам.

– Досточтимый Кохиос! Рад тебя видеть!

– Давай скорее сюда! – Кохиос указал на место рядом с

собой.

Вскоре мужчина, пробившись через поток прохожих, уселся напротив купца. Облучок телеги позволил обоим устроиться с комфортом, теперь знакомцы могли спокойно пообщаться, не срываясь на крик.

– Куда путь держишь? – спросил тот, кого звали Хилоном.

– Известно куда, в Афины! – с гордостью ответил купец, – Говорят, там поднялся невообразимый спрос на темную ткань! Я рассчитываю просто озолотиться!

– Что ж, надеюсь, Гермес тебе поможет.

– А как же! Я молюсь Богу торговли регулярно, мои приношения щедры.

– Рад слышать. Ну раз уж нам по пути, надеюсь, ты не против, если я составлю тебе компанию?

Кохиос расплылся в улыбке, ведь именно на такой поворот событий он и рассчитывал.

– Конечно, мой друг! Твое общество скрасит время, путешествие из унылого превратится в интересное.

Купец внимательно оглядел своего товарища.

– Сколько же мы не виделись? Ты изменился, Хилон. Что за одежда? Ты что, стал монахом?

– Давненько-давненько! – усмехнулся попутчик, – И нет, я не монах, хотя можешь называть меня и так. Скорее – ученый, философ.

– Что случилось? С чего ты вдруг подался в религию?

– О! Это долгая история. Я встретил великого человека и

его знания изменили меня.

– Надеюсь, ты мне расскажешь. Времени у нас достаточно!

Телеги встали в длинную очередь, что выстроилась у ворот Коринфа. Таможенники строго досматривали каждую повозку, проехать разрешалось только после уплаты определенной пошлины.

– Так что, говоришь, за учение ты теперь исповедуешь? – заинтересовался купец.

– Я – пифагореец.

– Ха! Новомодная секта, к которой, по слухам, сам Пифагор не имеет никакого отношения.

– Не стоит доверять всем слухам, друг мой.

– Ну, я гляжу, тебя учение здорово зацепило. А ведь когда я видел тебя последний раз, ты был воином, причем из лучших, – Кохиос задумался, продолжая разглядывать собеседника, – Хотя, глядя на тебя, мне кажется, что ты, при желании, и сейчас шутя раскидал бы всю стражу, а меня самого зашвырнул на крышу близлежащего кабака.

Хилон улыбнулся.

– Приятно слышать твою похвалу, Кохиос, хотя ты, конечно, как обычно преувеличиваешь. Я лишь скромный ученый, путешествующий в поисках новой мудрости.

Кохиос вернулся к управлению повозкой, а Хилон с улыбкой рассматривал прохожих и приближающиеся ворота Коринфа. После душевной ночи в тесной комнатке постоялого

двора так приятно оказаться на свежем воздухе, в дороге!

Утро заканчивалось, солнце припекало нещадно, днем, вероятно, жара будет докучать путникам всерьез. Пока прохлада еще держалась, горожане спешили по делам. Мужчины с корзинками и тубусами, женщины с сумками и кувшинами, дети со смехом и беззаботностью. Лавочники поспешно открывали магазинчики, кое-где уже всюду шла бойкая торговля. Кабаки и таверны принимали первых утренних посетителей. Городская жизнь кипела.

Краем глаза Хилон заметил движение. Монах незаметно скосил взгляд, его взору предстали темные, чуть заметные силуэты, показавшиеся из переулка. Две тени молниеносно, пока никто не смотрел в их сторону, метнулись к дороге, повозку едва заметно качнуло, когда они укрылись среди многочисленных товаров. Кохиос ругнулся, его глаза обшарили телеги, но ничего подозрительного он не заметил. Хилон задумчиво почесал подбородок.

– Скажи, Кохиос, веришь ли ты в предназначение?

Купец недоуменно уставился на монаха.

– Ты? Спрашиваешь меня? Верю ли я? В предназначение?! Да я совершенно точно уверен, что оно существует! Дела каждого человека записаны в Книге Судеб, а жизнь длится, пока мойры плетут нить свершений. Дрогнет рука Айсы, оборвется священная нить, смерть придет за тобой, где бы ты не прятался.

Монах удовлетворенно кивнул.

– Но что насчет свободы выбора? Если все твои деяния уже учтены и записаны, стоил ли напрягаться, мучиться, предпринимать хоть что-то? Ведь судьбу все равно не изменить.

– Ты прав, Хилон, как-то раз я размышлял об этом. Вся штука в том, что никто не может прочитать книгу судеб и предсказать, что будет дальше.

– А как же Дельфийский Оракул? Пифии?

– Ну, не мне тебе рассказывать, насколько их предсказания темны. Порой их можно толковать в обе стороны одновременно. Так что, я считаю, будущее неведомо никому.

– Ты хочешь сказать, что свобода воли заключается в отсутствии знаний о грядущем?

Купец задумался, губы сжались, морщины пересекли широкий лоб.

– Твои слова слишком заумны для меня! – рассмеялся он, наконец, – Хотя я уверен, что ты прав. Но к чему все эти вопросы?

– О, не беспокойся, это личное. Слишком много совпадений в последнее время, простой случайностью их не назовешь.

– И ты пытаешься объяснить все с помощью новых знаний, – Кохиос искоса глянул на монаха, – Так в чем суть учения Пифагора?

– В числах!

– В числах? Как это? – удивился Кохиос.

– Ну, ты же знаешь счет?

– Я купец, Хилон. Конечно, я умею считать.

– Хорошо. Какое самое первое число?

– Единица?

– Правильно. А что оно означает?

– Хм... Одно яблоко, одна бутылка вина... Значит других нет... Что ты еще хочешь от меня услышать?

– Ты во всем прав, но пифагорейцы на этом не останавливаются. Мы считаем, что единица – не просто число, не мера количества, но и причина единения, по сути это сила, которая делает нечто единым, неразделимым.

– Я не совсем понял, – покачал головой Кохиос, – Ну а, например, двойка?

– Двойка – причина раздвоения, разделения, разлада. Это та сила, что делит мир пополам и дает, в конце концов, все то разнообразие, что ты видишь вокруг.

– Не понимаю... а другие числа? Получается, у каждого есть свое значение?

– Можно сказать и так. Подумай вот о чем: для тебя число – это просто сумма определенного количества единиц, я же считаю, что число, скорее, является некоей силой, которая суммирует данные единицы в целое и, соответственно, придает ему известные свойства.

– Хилон, ты меня в конец запутал! – Кохиос помотал головой, собираясь с мыслями, – Пусть все так, как ты говоришь. Допустим. Но что это означает на практике? Чего та-

кого невероятного дают тебе эти знания, чего не имею я?

Хилон задумался, какое-то время приятели помолчали. Телега потихоньку продолжала путь к воротам, солнце поднялось выше, в стенах города не ощущалось ни единого дуновения.

– Как ты думаешь, человек – это единица или двойка? – спросил монах, взглянув на собеседника.

– Конечно единица. Мы же сами по себе. Ты один и я один.

– А почему тогда у тебя две руки, две ноги, два глаза? Разве может сумма двоек дать единицу? – Хилон хитро прищурился.

Теперь призадумался Кохиос, правда много времени ему не понадобилось.

– Зато у меня один нос, один рот, один живот. Да и человека с двумя херами я пока что не встречал!

Хилон засмеялся.

– Вот за это я тебя уважаю. Даже философский диспут ты умудряешься свести к обсуждению членов!

Купец улыбнулся, довольный произведенным эффектом. Как раз в этот момент настала, наконец, очередь Кохиоса проходить досмотр. Он степенно остановил телегу в установленном месте, дожидаясь, когда подойдет таможенник.

Но вот чего купец совсем не ожидал – того, как повел себя Хилон.

Монах вежливо подозвал капитана поста поближе, излучая своим видом честность и наивность.

– Не стоит досматривать телеги досточтимого купца, – убедительно произнес Хилон, – В них нет ничего интересного, а мы сильно торопимся.

Кохиос чуть не поперхнулся от подобного обращения, опытный взор купца отметил момент, когда полновесная монета чудесным образом перешла из руки монаха в ладонь таможенника, да там и скрылась.

Геласий оказался в сложном положении.

Он был честным служакой, возложенные на него обязанности выполнялись четко, точно и в установленный срок. Все сослуживцы об этом знали, начальство ценило верного сотрудника, повышение виднелось уже не за горами. Он никогда не брал взяток, не шел на сделки с совестью, да никто особо и не предлагал. Такие вопросы решались совсем в других местах и с другими людьми.

Предложение монаха застало Геласия врасплох. Как раз сегодня с утра вышел приказ об ужесточении досмотра, искали варвара-беглеца, поэтому таможенник не мог смотреть на три груженные товаром телеги сквозь пальцы.

В тоже время, Геласий знал Кохиоса – хороший, честный купец не стал бы связываться с преступниками. Возможно, он и провозил немного контрабандного товара, но что с того? Кто этим не занимается? Купец своевременно оплачивал все необходимые налоги и взносы, с которых, кстати, получал свою долю и Геласий, ну а большего требовать никто не вправе!

К тому же, все произошло так быстро и неожиданно, что прежде чем Геласий смог остановиться и отказать монаху, рука таможенника уже сжимала принятую плату. Он незаметно глянул на монету – так и есть, полноценная мина! – на такие деньги можно жить, причем жить хорошо. Как-то не к месту вспомнилось, что скоро день рождения у молодой жены, Геласий обещал купить ей дорогое украшение.

Пауза затягивалась, с каждой секундой Геласию становилось все труднее расстаться с монетой. Кохиос сидел на своем месте с невозмутимым видом, монах всем видом излучал жизнелюбие и честность. Таможенник взглянул дальше по улице – очередь перед воротами выстроилась знатная.

«Не будет большой беды, если пропустить Кохиоса без осмотра, – решил Геласий, – Он честный малый, как и я. Мы оба лишь делаем свою работу.»

– Проезжайте, – кивнул он купцу, а потом прикрикнул на сослуживцев, – Пропускай! Чего уставились! Скоро очередь до западной стены дотянется!

Кохиос гикнул на лошадей, телега с натугой сдвинулась с места, постепенно набирая ход. Скоро позади остались таможенники, телега прошла через арку ворот, зевающие стражники проводили караван взглядом, купец попрощался с Коринфом, началась долгая дорога в Афины.

Хилон сидел с довольным видом, краем глаза рассматривая купца. Когда тот повернулся и открыл рот, собираясь забросить приятеля вопросами, монах легко опередил собесед-

ника.

– А ты знаешь, что Пифагор был чемпионом олимпиады по панкратиону?

– Что? – сбился Кохиос, – По кулачным боям? Ты сейчас точно говоришь о том самом Пифагоре? Ни с кем не путаешь?

– Может и путаю, – ничуть не смутился Хилон, – Но вот что мне известно достоверно: когда враги окружили и подожгли дом Пифагора, он выскочил им навстречу с мечом в руках! Собственноручно прорубил путь к свободе для себя и своих домочадцев.

– Так поступил бы любой мужчина на его месте, – кивнул Кохиос.

– Я лишь хочу сказать, что мудрость и знания – не обязательно признак телесной слабости. Верно и обратное: здоровое сильное тело отнюдь не означают отсутствие ума.

– Глядя на тебя, я уверяюсь в этом все больше!

Кохиос поглядел вперед, на дорогу, Коринф постепенно скрылся вдали, Хилон слегка повернул голову. Две молниеносные тени отделились от телеги, шевельнулись придорожные кусты, скрыв беглецов. Монах улыбнулся своим мыслям.

Купец собрался было приступить к расспросам, но его отвлекло появление всадников.

Кохиос обернулся, наблюдая, как конный отряд идет бодрой рысью со стороны города. Поравнявшись с телегой, всадники подозрительно оглядели купца, ни единого слова не со-

рвалось с их уст, свежие кони легко обогнали медленный караван.

– Темные доспехи, острые мечи, тоже мне, всадники смерти, – буркнул Кохиос под нос, – А знаешь, кто их предводитель?

– Кто же?

– Сам Эсхин Сикионский.

– Эсхин... Что они тут забыли?

– Спроси чего полегче. Может, ищут кого ограбить, – Кохиос хохотнул без особой радости в голосе.

– Я ведь знал Эсхина раньше, – задумчиво произнес Хилон, – И почему-то у меня есть чувство, что мы встретимся вновь.

– Встретитесь – в смысле подеретесь?

Хилон неопределенно пожал плечами.

– Не советовал бы я тебе пересечься с ним на узкой дорожке, – купец глянул на монаха с грустью, – Я ведь знаю тебя. Несмотря на все пифагорейские речи, ты – воин, хороший, из лучших. Возможно, великий. Но этот Эсхин – особое дело. Таких, как он, больше нет. Сказывают, сам Арес учил его владеть мечом. Да и на кулаках... твоего Пифагора он разделал бы одной левой.

Кохиос на минуту замолчал.

– Пойми меня правильно, в бою с разбойниками я без колебаний доверил бы тебе спину, – продолжил он задумчиво, – Будь ты моим телохранителем, я был бы совершенно

спокоен за жизнь. Но в поединке с Эсхином... Прости, Хилон, я бы поставил на него. Ты – лучший воин среди людей, но противостоять полубогам не в силах ни один смертный.

– Кто знает, мой друг, кто знает... – голос монаха прозвучал ровно и спокойно.

Крэг-хан пробирался по лесу, прокладывая путь для себя и Пандоры. Не то чтобы перед ними лежала непролазная чаща, нет, для пешего путешественника пройти через заросли не составляло особого труда. Но северянину нравилось идти чуть впереди своей спутницы, это создавало иллюзию, что главный в их кампании он.

Крэг-хан раз за разом спрашивал себя, на кой ляд он поперся вместе с этой девкой? Казалось бы, все ясно – он спас ее, она спасла его. Всё, все в расчете, квиты, долги отданы. Попрощались и разбежались. У каждого свой путь, свои цели, свои враги, если угодно. Так почему же увязался, зачем напросился в провожатые? Может бессонная ночь, проведенная в самых темных и жалких кварталах Коринфа, повредила рассудок?

Но нет, удержало нечто другое, необычное, ранее не виданное, в чем он боялся признаться. Пандора пробуждала в суровом варваре то, чего никогда не ведал в себе, на что думал не способен. Это пугало, сердце билось чаще, по коже то и дело пробегали мурашки. Ощущал себя неловким огромным увальнем, да еще и костным на язык.

«Ладно, отведу девчонку в безопасное место, – решил

Крэг-хан, – Там и оставлю.»

Где-то глубоко в душе он понимал, что безопасное место может быть далеко. А может его и вовсе нет во всем свете.

Варвар оглянулся, девушка значительно отстала, стройная фигура почти затерялась среди деревьев. Крэг-хан уселся на упавший трухлявый ствол, потянулось время ожидания.

– Извини, я не могу идти так быстро, – Пандора запыхалась, слова вырывались из изящного ротика вперемежку со сбитым дыханием.

Варвар указал девушке на ствол неподалеку, она уселась. Крэг-хан развязал котомку, на свет явилась небольшая фляга и стопка галет. Он протянул пищу Пандоре, девушка с благодарностью принялась за еду.

– Скажи мне еще раз, почему нам нельзя просто отправиться в Афины вместе с караваном? – угрюмо спросил варвар, – Признаю, из Коринфа мы выбрались ловко, хотя... если бы тот монах не всучил стражнику взятку, все могло вернуться по-другому. Но вот дальше... К чему убегать? За чем тащиться через лес, если можно катиться в телеге? Ну да, я сбежал с плахи, избежал казни. А перед этим разбил парочку лихих голов. Согласись, не те преступления, чтобы разыскивать?

– Тебя и не будут специально искать, – кивнула Пандора, – А вот меня...

– Ты-то что натворила?

Девушка сделала глоток воды, обдумывая ответ.

– Меня ищет Эсхин.

– Эсхин? Тот здоровяк в темных доспехах? – варвар потер висок, где красовалась здоровая шишка.

– Да. И этот, как ты говоришь «здоровяк» – мой отец.

Крэг-хан почувал, что сказала она далеко не все, но не в его правилах было лезть в чужую душу с расспросами.

– Допустим, он тебя ищет. Вышлет отряд, сам поедет на поиски. Что с того? Мы могли бы спокойно идти по дороге или даже ехать с караваном. А увидели бы погоню – спрятались.

– Не все так просто... Эсхин, у него есть волшебный дар. Он будто чувствует, где я нахожусь, может найти хоть за тридевять земель. Ты не задумывался, как он оказался именно в той таверне?

Варвар помотал головой.

– Он ищет меня, и обязательно найдет, вопрос лишь в том – когда. Поэтому лучше не задерживаться на одном месте.

Крэг-хан усмехнулся, распрямляя ноги. Фляга и припасы снова оказались в котомке, та взлетела на спину варвару.

– Пошли! – скомандовал он.

Пандора вскочила, догоняя мужчину.

– Ты мне не веришь? – спросила она, – Насчет Эсхина?

Крэг-хан крепко задумался.

– Я видел однажды, как македонцы принесли в жертву сотню быков, чтобы получить благословение своего бога, –

медленно проговорил варвар, – Я видел, как ведьма впадает в исступление и скачет на раскаленных углях, не чувствуя боли. Однажды шаман моего племени проклял человека, и, послушная его воле, ударила молния, бедолага сгорел дотла. Так почему бы мне не поверить, что у человека может быть нюх, как у ищейки?

– Эсхин не ищейка!

– Да ну?

– Он благородный правитель! И непревзойденный воин!

– Прямотаки и непревзойденный?

– Тебе до него далеко! – слова только слетели с губ девушки, а она уже успела пожалеть, что открыла рот.

Варвар резко развернулся, схватив за руку, но ладонь девушки изящно выскользнула из жестких пальцев.

– Не смей! – крикнула она надвигающемуся мужчине.

Он протянул руку, Пандора увернулась от захвата, северянин рыкнул, ухватив за плечи. Девушка скользнула ужом, тонкое тело мелькнуло между рук мужчины, она оказалась за спиной варвара.

– Не трожь! Эсхин обучил меня сражаться...

Конец фразы потонул в хрипе, потому что стальная ладонь обхватила нежное горло, девушка вздернулась над землей.

– Не указывай мне, что делать, женщина! – произнес Крэгхан с гневом, – А не то... выпущу тебе кишки!

Он разжал пальцы, Пандора упала на траву, закашляв-

шись. Гнев тут же отступил, накатило раскаяние. Крэг-хан сказал вовсе не то, что хотел, да и хватать ее желания не было, сама раззадорила. Теперь варвар ощутил себя полнейшим дураком.

Нагнувшись, он одним движением поставил девушку на ноги.

– Извини, – буркнул не глядя, и, не зная, что еще добавить, двинул в лес.

Его шаги привычно ускорились, Пандора отстала, видя спину варвара лишь урывками.

Они шли весь остаток дня. Девушка устала, ноги еле передвигались, варвар ушел далеко вперед, пропав из вида. Пандора уже не была уверена, в нужную ли сторону движется. Сгущались сумерки, девушка все чаще задумывалась, не остановиться ли прямо тут, на месте.

Лес закончился, когда Пандора уже валилась с ног. Деревья разошлись в стороны, перед взором девушки предстал широкий водный простор. Неподалеку, на маленькой полянке сидел северянин, горел уютный костер, на огне жарилось мясо птицы.

Пандора подошла к огню и со стоном опустилась на землю.

– Что это? – она указала на воду.

– Сароникос, – тихо ответил варвар.

– Море? Значит, мы сможем уплыть отсюда?

– Интересно, на чем?

– Мы найдем лодку!

Крэг-хан помолчал. В его племени считалось неприличным спорить с умалишенными, детьми, стариками и женщинами.

– Если бы у нас была лодка, мы могли бы добраться до Саламина. Оттуда перебраться в Пирей. От Пирея до Афин – рукой подать, – проговорил он, наконец, – Если уж ты так хочешь попасть именно в Афины.

Варвар снял с огня приготовленное мясо, какое-то время путники были заняты едой. Неподалеку нашелся пресный ручей, воды было вдоволь.

После трапезы сидели молча. Крэг-хан чувствовал себя не в своей тарелке, Пандора жалась, не зная, что делать.

– Прости за то, что я тогда сказала, – девушка первая нарушила тишину, – Просто... вы оба воины, вы такие большие и сильные... но все же Эсхин тебя побил...

Крэг-хан невесело рассмеялся.

– Никакой я не воин.

– Как это?

– Старейшины племени не сочли меня достойным.

– Но кто же, если не ты? Мне кажется, я не знаю никого достойнее... – девушка смутилась и последние слова произнесла почти шепотом.

– Воин – не просто человек, умеющий убивать, – скучным тоном процитировал варвар, – Воин должен понимать, за что бьется, уметь сдерживать злость, контролировать ярость. А

я этого никогда не умел. Потому и оказался... недостойн. По законам племени я не могу носить оружие – ни меч, ни секиру, ни молот. Лишь нож и кистень – чтобы защищаться от разбойников.

Двое сидели в тишине, глядя на догорающее пламя. Вдалеке шумело море, с другой стороны слышались звуки леса. Вокруг опустилась темнота, на небе появились первые звезды, подул прохладный ночной ветер.

– Когда я был мальчиком, я подрался со своим другом, – произнес варвар глухим голосом, – У нас часто дерутся, особенно дети. Но никогда это не кончается чем-то серьезным. Тот парень... он был старше меня на пару лет и крепко отдубасил. Я упал, а он продолжал пинать ногами, снова и снова прыгал сверху, норовя стукнуть побольнее. Тогда это случилось в первый раз. Я озверел. Схватил камень и ударил врага в висок. А потом молотил, пока голова не превратилась в кровавое месиво.

Пандора сидела тихо, ошарашенная жестокостью рассказа. Крэг-хан покосился на нее. Если бы девушка сказала хоть слово, магия момента тут же бы разрушилась. Но она молчала, и северянин продолжил историю.

– Меня судили и признали невиновным, поскольку я защищался. Но с тех пор никто не хотел со мной дружить, люди обходили стороной. А вспышки ярости никуда не делись. Злость, что невозможно контролировать, еще не раз толкала меня на худые дела. Помню, отец сказал: «Лишь укротив

ярость и научившись себя контролировать, сможешь стать настоящим воином!» Тогда я посмеялся над ним, но чуть позже совет старейшин повторил то же самое, почти слово в слово.

– Что было дальше? – чуть слышно спросила девушка.

– Снедаемый обидой, одержимый яростью, я ушел из племени. И вот я здесь, – варвар развел руками.

Огонь угас, только угли продолжали едва тлеть в крошечной тьме. Крэг-хан приподнялся, чтобы подбросить дров.

– А что... с твоей злостью? Она угасла? Ты все еще жаждешь стать воином? – мягко спросила Пандора.

Крэг-хан посмотрел на девушку, она зарделась, ладошки закрыли прекрасное лицо.

– Я всегда мечтал стать великим... воином, – проговорил варвар смущенно, – Подобным Аресу или Гераклу. Но сейчас, здесь, я освободился от этого... Странно, но рядом с тобой я не чувствую злости, ярость ушла бесследно. И мне не хочется... никого убивать.

Пандора опустила руки, взгляды молодых людей встретились.

– Я думаю, ты гораздо лучше, чем сам о себе думаешь, – прошептала девушка, – И ты... можешь стать великим.

– Геракл совершил двенадцать подвигов! Он...

Ладошка Пандоры опустилась на плечо северянина, тот замолчал на полуслове.

– Геракл великий воин, бесспорно, – мягко кивнула де-

вушка, – Его подвиги достойны легенд. Но ты, вероятно, забыл, что перед этим, в припадке безумия он убил восемь своих сыновей. Он убил учителя музыки лишь за то, что тот упрекнул Геракла в невнимательности. Убил Ифита, своего гостя, за беззлобную шутку. Сколько еще душ Геракл отправил в царство Аида? Можно ли гордиться подобными деяниями? Это ли поступки великого человека?

Крэг-хан потрясенно замотал головой.

– Что ты хочешь мне сказать, женщина?

– Я лишь говорю, что великий человек и великий воин – не одно и то же. Подумай хорошенько, так ли уж важно для тебя превзойти всех в искусстве убивать?

Пандора замолчала, ее голова то и дело опускалась, глаза закрывались сами собой. Крэг-хан уселся поближе, чтобы согреть девушку, плащ бережно укрыл тонкий стан Пандоры от ночного холода.

Варвар погрузился в необычную для него задумчивость, слова девушки всколыхнули что-то в душе. Постепенно задумчивость переросла в сонливость. Глубоко зевнув, северянин задремал.

В лесу громко хрустнула ветка. Через секунду Крэг-хан стоял на ногах, плащ отлетел в сторону, девушка, вскрикнув, свалилась на землю. В руках мужчины сверкнуло оружие, сонливость как ветром сдуло, на лице появилась решимость и готовность сражаться насмерть.

Глава №5

Тарас порой так долго жил один, что начинал забывать человеческую речь. Вообще-то он любил болтать, но вот людей недолюбливал. Потому бурчал под нос, слова складывались в предложения, но чтобы поговорить с кем-то другим – такое случалось редко. Старика устраивало, настроенность и предвзятость стали второй натурой. Будь воля Тараса – он бы вовсе не вылезал из леса, ведь тут тихо, спокойно, никто не жаждет надурить или продать в рабство.

Все же иногда приходилось делать вылазки в город, к торговцу. Охотник относил добытые шкуры, взамен получал припасы, вещи и оружие – все то, что в лесу не найти.

Нельзя сказать, что Тарас был счастлив, скорее – доволен жизнью. Для счастья не хватало чего-то... этакого. Может, цели или еще какой заумной субстанции. Старик не особо задумывался, его вполне устраивало тихое одинокое существование.

Люди забредали в лесную глухомань редко и, в большинстве, по ошибке. Однажды Тарас спас потерявшуюся девочку, порой встречались заплутавшие грибники или странники. Частенько в лесу хоронились лихие люди.

За долгие годы, проведенные на природе, старик научился передвигаться по лесу бесшумно и незаметно, ориенти-

ровался, как у себя дома. Тарас мог скрытно подобраться к лагерю чужаков, хорошенько осмотреться, даже послушать разговоры. А уж потом решал – то ли помочь путникам, то ли оставить, как есть, то ли завести в ловушку и перебить по одному.

Старик неприятно удивился, заведя чужой костер в опасной близости от своей хижины.

«Старею, – подумал он, – Теряю чутье, хватку. Скоро можно будет взять голыми руками.»

Несмотря на сгущающуюся тьму, Тарас собрался, тихие упругие шаги понесли старого охотника сквозь лес. Он подобрался к костру с подветренной стороны, незаметно, заросли надежно укрыли от глаз. Тарас наблюдал, стараясь не упустить ничего.

Странная компания – молоденькая девчушка, городская, холеная, лошенная, и могучий воин, явный варвар, из северных краев. Поначалу Тарас решил было, что мужчина заполучил спутницу силой, но нет – сидели вместе, рядом, в глазах девушки ни следа страха, скорей наоборот – радость, симпатия, если не больше... Северянин тоже хорош: не прикрикнет, не пристаёт, только вот укрыл плащом девичьи плечики. О чем говорят – не разобрать, слишком далеко, да и голос не повышают. Необычная парочка.

Время шло, костер догорал, разговор затих сам собой, девушка задремала, варвар склонил голову в полудреме.

«А пусть себе сидят, – решил Тарас, – Не мешают, да и

пес с ними!»

Приняв решение, охотник сделал шаг назад. Но то ли тело устало от долгой неподвижности, то ли сам начал засыпать, то ли, действительно – старость, уйти незаметно не получилось. Под ногой предательски хрустнула сухая ветка, звук в лесной тиши разнесся четкий, характерный, Тарас прикусил губу от разочарования.

Северянин вскочил на ноги сразу, моментально, будто только и ждал сигнала к действию. В руках – оружие, в глазах – ярость и готовность убивать. Хоть и не видит старика, но направление на слух уловил точно, взгляд прожигает заросли, где засел охотник. Тарасу стало страшновато, колешки затряслись, почудилось, что уйти тихо не получится. Язык облизнул разом пересохшие губы, старик прочистил горло, обдумывая слова.

– Спокойно, воин! Я тут один и совсем не опасен, – голос прилетел из лесной темноты, заставив Пандору вздрогнуть.

– Коли так, выходи на свет, – Крэг-хан даже не подумал опускать оружие.

Небольшая пауза и снова тот же голос.

– Я выйду, конечно, но ты, северянин, будь добр, придержи свою ярость. Не хотелось бы сразу оказаться с ножом в горле!

Нарочито громко зашумели раздвигаемые ветки, прошуршали шаги, темный силуэт шагнул в круг света.

Нежданный ночной гость оказался стариком, седым, как

лунь. Морщинистое лицо; широкая спина, согнутая солидным возрастом; длинные руки, с большими мясистыми ладонями. Одежда выдавала в нем охотника, хотя оружие отсутствовало напрочь. В одной руке старик держал обструганный посох, в другой – не запаленный светильник.

– Кто ты и что тут делаешь? – спросил Крэг-хан, подозрительно разглядывая гостя.

– Звать меня – Тарас, – спокойно ответил старик, – У меня тут хижина неподалеку, – он беспечно махнул рукой за спину, – Охочусь, промышляю всякое зверье. Продаю шкуры торговцу. Вот увидел костер, решил прийти, посмотреть – кого занесло ко мне в глухомань?

Пандора испуганно перевела взгляд с Тараса на варвара. Крэг-хан опустил нож, но руки не расслабились, тело воина все еще было готово к бою. Девушка неслышно приподнялась, в костер полетела охапка хвороста, Пандора невзначай переместилась за спину северянина.

– Ну вот ты и посмотрел, что теперь? – недоверие в голосе варвара никуда не делось.

– Хм... Ну я думал... Хижина у меня не большая, но на троих места хватит.

Крэг-хан задумался, глядя в темноту. Охотник ему понравился, но природная подозрительность не позволяла принять приглашение сходу.

– А ты всех встречных-поперечных в гости зовешь?

– Зачем же всех? – удивился Тарас, – Я ж говорю: посмот-

рел сначала.

– А идти-то далеко?

– Дык... с полчаса точно, – видя сомнение на лице варвара, старик тут же добавил, – Но все лучше, чем в лесу ночевать!

Крэг-хан повернулся к старику спиной, нож варвара скользнул в ножны, Пандора поймала вопросительный взгляд.

– Я дойду, – тихо кивнула девушка.

Варвар подхватил немногочисленные пожитки, сильная рука помогла Пандоре подняться, плащ бережно укрыл хрупкие плечи.

– Веди! Только будь добр, зажги светильник. А то, неровен час, заблудимся.

Тарас наклонился над костром, в светильнике заплясал ровный огонек. Удовлетворенно кивнув, старик двинулся через лес длинными упругими шагами. Крэг-хан шел следом, держа девушку за руку, чтобы не отставала.

Пандора плохо помнила марш через ночной лес. Поначалу она шла бодро и уверенно, но вскоре силы ее оставили. Мужчина тянул за руку, иначе Пандора не успевала. Варвар с тревогой оглянулся на спутницу, рука обхватила девушку за плечи, направляя шаги. Так они прошли еще какое-то время, пока Пандора не выдохлась окончательно. Глаза слипались, ноги подкашивались, руки безвольно болтались вдоль тела.

Крэг-хан, не говоря ни слова, подхватил девушку на руки.

Несмотря на дополнительную ношу, его дыхание не сбилось, шаг остался ровным и быстрым, он легко поспевал за стариком. В другое время Пандора бы запротестовала, но сейчас девушке было не до того. В сильных руках стало тепло и уютно, веки сомкнулись, разум погрузился в сон.

Пандору разбудил вкусный запах готовящейся снеди, желудок призывно заурчал, девушка поняла, что проголодалась. Она осмотрелась.

Совсем крошечная спальня, где едва хватило места узкой кровати. Теплое одеяло, полуприкрытая форточка, поставляющая свежий воздух. Вокруг бревенчатые стены, вместо двери – ширма из тонкой ткани. За ширмой слышался звон посуды, доносилось стариковское бормотание Тараса.

Пандора аккуратно заправила постель, руки раздвинули ширму, любопытный взор пробежался по дому.

Гостиная, она же кухня – в доме больше ничего и не было, лишь общая комната да спальня. В центре, у стены, горел миниатюрный очаг, на плите попухивал котелок, источающий вкусные запахи, охотник кашеварил с довольным видом.

На секунду девушка испугалась, не увидев северянина, но тревога тут же испарилась. Уже долго до ушей долетал размеренный стук, девушка настолько к нему привыкла, что не обращала особого внимания. Только теперь до нее дошло, что это звук топора, встречающегося с деревом.

– Доброе утро! – приветствовал Тарас, обернувшись, –

Как спалось? Можешь выйти, умыться. Вода у колодца, в ведре, правда холодная. Каша будет готова минут через десять.

– Спасибо, – улыбнулась девушка.

– Варвар не захотел ложиться с тобой, хоть я и предлагал.

Спал у входа, караулил, значит, – старик указал на свернутую циновку.

Пандора покраснела, а Тарас продолжал, совсем не забываясь, слушают его или нет.

– Слыхивал я про таких, как он. Всякое болтают. Любят природу, живут свободно, в лесу себя как дома чувствуют. А еще говорят, варвары в постели неутомимы.

Он вопросительно глянул на девушку, а та в замешательстве опустила взор.

– Мы... не делим постель, – пролепетала она.

– А что так? – удивился дед, – Я же видел, как он на тебя смотрит! Ты гляди, не упusti красавца! Только пальцем помани и твоим будет!

– Спасибо за совет, – краска залила лицо девушки, Пандора вылетела во двор, сгорая от смущения.

Она прошла к колодцу, ведро с ледяной водой отыскалось на чурбачке. Руки сунулись в воду, девушка едва сдержала вскрик, непривычный холод свел пальцы судорогой. Пандора плеснула на лицо, приятная утренняя свежесть прогнала остатки сонливости.

Крэг-хан колот дрова, его спина блестела от пота, руки ле-

тали вверх-вниз. Тяжелый колун, казавшийся невесомым в ладонях варвара, поднимался, на миг зависая в верхней точке, и падал на очередное полено, разбивая его пополам. Тот час на месте расколотого появлялось новое и опять – удар!

Северянин работал легко, изящно, с осознанием собственной силы. Топор опускался ровно в то место, куда наметил опытный глаз. Второго удара не требовалось.

«С такой же легкостью он мог бы крушить головы врагов», – с дрожью подумала девушка.

Она невольно засмотрелась на мужчину, его широкую спину, могучие плечи, перевитые мышцами руки. Мускулы под загорелой кожей перекатывались, эта игра завораживала. Пандора ощутила легкое возбуждение, внизу живота разлилось приятное тепло, кровь ударила в голову.

Холодная вода помогла отогнать неприятные мысли. Девушка хорошенько умылась, ладони оттерли личико, повязка заново перехватила скомканные волосы. Наведя марафет, Пандора прошла в дом.

Старик неторопливо помешивал ложкой в котелке, девушка уселась за стол. Они разговорились.

Тарас оказался на удивление приятным собеседником: мог поддержать разговор на любую тему, его истории завораживали неожиданным финалом, шутки заставляли смеяться. Мало того, что старик любил поговорить, он еще умел и слушать. Ему сразу удалось расположить к себе девушку, стеснение и неловкость ушли прочь.

Тарас ничего не выпрашивал, не выпытывал. Нужное слово само срывалось с языка, уточняющие вопросы и возторженные восклицания выдавали неподдельный интерес, во взгляде виднелось сопереживание.

Пандора разоткровенничалась. Сама не заметила как, слово за слово, история бегства из Коринфа развернулась перед Тарасом во всех красках.

– Эсхин, значит, – пробормотал охотник, – Страшный враг!

– Куда уж страшнее, – раздался ледяной голос от двери.

Пандора вздрогнула, обернувшись. Она вдруг вспомнила, что стук топора стих несколько минут назад.

Варвар прислонился к двери, напрягшись, как перед битвой. Мощные мышцы живота поднимались в такт дыханию, колун в руке застыл, готовый к удару, от разгоряченного тела пахло потом и злостью. Лицо ожесточилось, ледяные глаза испытующе буравили старика.

– Что случилось?

– Помолчи! Ты и так наболтала лишнего!

Пандора вздрогнула, страх липкими щупальцами расползся по телу, в голове лихорадочно скакали мысли. Только теперь представилось, что, возможно, совершенно зря разоткровенничалась с первым встречным.

Тарас тяжело вышел вперед, выпрямившись, насколько позволил почтенный возраст.

– Я знаю, о чем ты думаешь, паренек.

– Да ну? Ясновидящий что ли? – усмехнулся Крэг-хан.

– Не обязательно быть колдуном, чтобы разбираться в людях, – пояснил старик, – Особенно, когда за плечами долгая жизнь.

Взгляды мужчин скрестились, Тарас старался ни в чем не уступить молодому противнику.

– Ты думаешь, не зарубить ли меня прямо сейчас? Чтобы я никому не смог поведать вашу изумительную историю. А она действительно заслуживает внимания. Учитывая, что ты – беглый преступник, а за прекрасной девушкой охотится сам Эсхин Сикионский, известный также под прозвищем Смертоносный.

Рука варвара, держащая топор, сжалась так, что побелели костяшки. Торс напрягся, глаза превратились в щелки. Пандора еле слышно вскрикнула, показалось, что Крэг-хан ударит прямо сейчас.

– И что бы ты сделал на моем месте, старик?

Тарас сглотнул, струйка пота скатилась по лбу.

– Смотри сам, парень. Когда-то, во времена юности, я был солдатом. Сражался за Грецию, за Афины, за Свободу. Всегда найдется за что проливать кровь. Со временем, меч приотупился, руки стали не столь быстрыми, сила ушла вместе с молодостью. И оказалось, что никому я не нужен – ни Греции, ни Афинам, ни, тем более, всем тем, чью свободу так прилежно отстаивал.

Голова старика повернулась, он смачно сплюнул на пол

хижины.

– Меня выбросили прочь, списали, без жалования, без содержания. Крутись, как хочешь, а не хочешь – помирай! Теперь понимаешь, что я, мягко говоря, не очень-то люблю официальную власть. Не стану я им помогать и стучать на вас.

Тарас перевел дыхание, сбившееся от длинной речи.

– Что же до Эсхина... Я встречал его... Давно, лет двадцать назад. Он тогда еще был молодым безусым юнцом, – старик задумался, погрузившись в воспоминания, – Так вот, скажу честно, он меня не напугал. Думаю, не заставит трястись от страха и сейчас.

Пандора взглянула на охотника, тот говорил вполне искренне, но варвар смотрел все также холодно.

– Не знаю, что еще сказать. Клянусь Зевсом, я никому не скажу про вас ни слова!

Старик застыл на месте, замолчав. Крэг-хан шумно выдохнул, топор сверкнул, взлетев к плечу варвара. Девушка вскрикнула, зажмурившись. А когда набралась смелости посмотреть, возле двери уже никого не было.

Тарас обеими руками вытер пот, градом льющийся по лицу, ноги старика не выдержали, он со стоном опустился на табурет. Грудь охотника вздымалась, как кузнечные меха.

– Ну и нагнал он на меня страху, – признался старик, опершись на стол.

– Извините, это я во всем виновата, – пробормотала Пан-

дора и со слезами выбежала на улицу.

Крэг-хан умывался возле колодца. Плескался, фыркал, как молодой жеребец. Мускулистые руки без труда подняли полное ведро, ледяной водопад обрушился на голову и спину варвара.

Девушка не знала, куда деться. Вернуться в дом – не правильно, а заговорить с варваром – страшно. Она неприкаянно подпирала стену, пока Крэг-хан не закончил банные процедуры.

– Прости, я не должна была... – девушка осеклась под взглядом ледяных глаз, – Не злись, пожалуйста.

Крэг-хан смотрел на Пандору, ярость улетучилась. Да, сглупила, распустила язык, но что взять с бабы? Хлебом не корми – дай потрепаться... Сердце сжалось, северянин вздохнул, захотелось обнять девчущку, успокоить. Вместо того буркнул неразборчиво, вошел в избу.

Завтракали в молчании. Варвар ел быстро, сытно, казалось, его одного не тяготит тишина. Тарас поковырял ложкой в тарелке, Пандора не смела поднять глаза.

Закончив трапезу, старик сложил тарелки одну в другую.

– Вот что, – заговорил он тихо, – Я живу тут давно, все один да один. Все больше со зверьем всяким общаюсь. Раньше мечтал свалить, строил планы. А сейчас... возраст не тот, да и некуда, если уж на то пошло.

– К чему ты клонишь, старик? – нахмурился Крэг-хан.

– Я дам вам лодку. Мне уже все одно ни к чему. А вы ведь

хотели обратиться по морю, так, дочка?

– Спасибо, дедушка! – обрадовалась Пандора.

Она посмотрела на варвара счастливыми глазами, но он, казалось, не разделяет энтузиазма.

Пандора побежала к колодцу сполоснуть грязные тарелки. Крэг-хан не спускал мрачный взор с охотника.

– Почему помогаешь? – настороженно спросил варвар, – Зачем отдаешь лодку?

Тарас посмотрел в окно, лоб сморщился в задумчивости, губы по-стариковски пошамкали, руки беспокойно ерзали на коленях.

– Давно забытое чувство... Ощущение... Вы оба напомнили мне, каждый по-своему, что я все еще мужчина, – мягко ответил он.

Лодка отплыла, когда солнцу до зенита оставалось еще пару часов пути по небосводу. Тарас провожал суденышко взглядом, пока стариковские глаза позволяли разглядеть движения гребца.

Он снарядил парочку в плавание, в котомке прибавилось снеди, на носу лодки валялся бурдюк с водой. Погода благоволила путешественникам, море спокойно. Если Посейдон не разгневается, то к вечеру лодка доберется до Саламина.

Старик вздрогнул, прогоняя жуткие воспоминания.

Когда варвар стоял напротив с топором в руке – Тарас ощутил себя ближе к загробному царству, чем когда-либо раньше. Хоть внешне охотнику удалось остаться спокойным,

внутри он трясся, как осиновый лист. Кишки стянуло жестким узлом, сердце упало в пятки, по спине бежали несчетные табуны мурашек. Про себя Тарас уже распрощался с жизнью.

Зато, когда варвар повернулся, и Тарас понял, что его пощадили... Страх ушел, непередаваемое чувство победы обрушилось на старика. Радость жизни, полнота окружающего мира – все вернулось, как в далекой юности. Тарас по-новому взглянул на привычные вещи, внезапно осознал, как прекрасна может быть занудная обыденность.

Да, только ради этого стоило пройти по самому краю!

Тарас улыбнулся, весело подмигнул кричащим чайкам, рука отсалютовала солнцу, старик неторопясь ушел в дом.

Вечером, едва сгустилась тьма, к хижине охотника вышел воин в темных кожаных доспехах. На поясе красовался меч, за спиной болталась небольшая котомка. Он снял шлем, открыв мужественное лицо с усталыми глазами. Русые, коротко стриженные волосы, на правой скуле небольшой кровоподтек.

– Знаешь, кто я?

– Догадываюсь, – проворчал Тарас.

– Знаешь, зачем я здесь?

– Да уж не ради того, чтобы навестить старика.

Эсхин сдержанно улыбнулся.

– Я ищу девушку, – он бесцеремонно прошел в дом, взглянул на заправленную постель, – Она тут была, – мужчина скосил взгляд на вымытую посуду, – Судя по всему, не одна.

Тарас молчал, Эсхин вышел на улицу, покосившись на высокую стойку из нарубленных поленьев.

– С ней варвар, северянин. Черноволосый, сильный. Говорят, они молятся своим богам, и потому удача благоволит племенам. Чтят силу и воинскую удаль.

Темный мечник прошелся по двору, остановившись напротив старика. Взор воина буравил лицо охотника.

– Они были тут. Ушли сегодня, так?

Что-то мелькнуло в глазах Тараса, может дрогнула морщинка, но для Эсхина этого оказалось достаточно.

– Нет! Не ушли. Значит, уплыли. Это объясняет отсутствие следов. Единственный оставшийся вопрос – куда они направились?

Тарас отвернулся, уставившись в землю. Он не ожидал, что пришлый воин так легко прочитает все случившееся.

– Ты ведь мне не скажешь? – устало спросил Эсхин.

– Даже если бы знал, не сказал, – старик постарался придать голосу твердости.

– Пытать бесполезно?

Тарас вздрогнул.

– Надеюсь, боги подарят мне достаточно мужества...

Мечник внимательно разглядывал собеседника.

– Пойми, старик, я ищу ее вовсе не по своей прихоти, не ради красивых глаз девочки, – воин потер лицо ладонями, – Слишком многое зависит... завязано с Пандорой. Возможно, судьба Греции.

Тарас лишь горько усмехнулся.

– Мне кажется, Греции нет никакого дела до милой молодой девочки и ее диковатого возлюбленного.

Эсхин, не сходя с места, взмахнул мечом. Молниеносный удар, за которым не уследил бы глаз, свист потревоженного воздуха, крик полный боли.

Тарас схватился за левую руку, из обрубков пальцев хлестала кровь.

– Говори! – приказал мечник.

– Я не знаю! – сквозь боль прокричал старик.

Удар! Отрубленное ухо покатилося по земле. Тарас взвизгнул, схватился за рану, тело старика беспомощно завалилось.

– Говори!

– Н-е-е-е-т! – горло старика изошло в крике, наполненном болью и яростью.

Еще трижды свистел меч, трижды на охотника обрушивались удары, кромсающие старое тело.

Кровь залила весь двор. Тарас уже не кричал, только беспрестанно хрипел, жуткий сип заменил дыхание. У него не осталось больше слов, не осталось надежды. Только боль, непрекращающаяся, непрерывная боль.

– Что ж, старик, ты победил, – Эсхин Смертоносный наклонился к охотнику, но тот уже ничего не осознавал, – Уважаю достойных соперников.

Меч ударил в последний раз, пронзив сердце.

Тарас упал на спину, боль наконец отступила, агонизирующему взору предстало звездное небо.

«Я ничего не сказал! – подумал Тарас, умирая, – Если бы варвар знал, он бы гордился мной.»

Глава №6

– Знаешь, мой отец вовсе не злодей, – Пандоре надоело молчать, слова сами рвались наружу, – Эсхин – благородный и великий правитель. У нас на родине, в Сикионе, его почитают все – от мала до велика. Ну... и немного боятся, я думаю. Но по-другому ведь нельзя? Люди должны уважать главу, но и страшиться его гнева, разве нет?

Крэг-хан пожал плечами, не прекращая грести. В племенах почитали грубую силу, потому вождем обычно становился первый воин. Варвар мало кого страшился, но воля Громкуст-хана до сих пор оставалась для него законом, ибо тот мог прикончить любого ослушника ударом пудового кулака. Что, кстати, не раз случалось, когда иной зарвавшийся решался претендовать на место лидера.

– Эсхин – справедливый правитель, – девушка продолжила речь, – Я сама не раз наблюдала, как он решает сложные дела, судит людей за провинности, распоряжается городской казной, примиряет спорщиков. Никто не может упрекнуть отца во лжи и нечистоплотности, – Пандора заискивающе глянула на варвара, – Прошу, не думай о нем плохо.

Северянин и не думал, он греб. Весла взлетали вверх и мерно опускались в воду, лодка быстро скользила по морской глади. Вдалеке виднелся скалистый берег, шум прибоя

соперничал по громкости с криками носившихся чаек. Солнце припекало, жара донимала варвара, легкий бриз лишь чуть смягчал давление летнего зноя.

– Отец стал главой Сикиона давно, – Пандора запнулась, – Я была маленькой и почти ничего не помню. Люди не любят вспоминать о тех делах, болтают всякое... Я спрашивала отца, но он отшучивается, а из подслушанных разговоров трудно добыть истину... Говорят, тогда за власть боролись три партии, в городе царил бедлам, жители враждовали, брат поднимал руку на брата, – девушка заломила руку, во взгляде появилась печаль, – Говорят... Когда Эсхин пришел в город, он вызвал на бой трех вождей и победил их. А после – казнил всех, кто не принял его власть.

Пандора глянула на варвара, тот оставался бесстрастным.

– Но ты не думай, пожалуйста, отец вовсе не хотел никого убивать! – с жаром добавила девушка, – Он сделал это, чтобы люди могли жить спокойно! С тех пор в Сикионе тихо, жители не враждуют, возделывают землю, растят детей. Никто не опасается за свою жизнь и добро. Разве это не справедливо?

Крэг-хан хмыкнул. Он не понимал, почему девушка так переживает, зачем и от чего выгораживает отца. По мнению варвара, Эсхин поступил, как подобает настоящему вождю – взял власть силой, отправив врагов в преисподнюю. Как еще, если ни так, мужчина может заставить себе повиноваться? Северянин не мог взять в толк – о чем она сокрушается?

Пандора истолковала молчание варвара по-своему.

– Тебе надоела болтовня? – спросила она тихонько, – Могу замолчать.

– Нет! – Крэг-хан огляделся, сделав вид, что заметил что-то важное, – Говори. Просто я... не знаю, что нужно отвечать.

Он ненадолго оставил весла, спина хрустнула от мощного потягивания, забулькала вода, вытекая из фляги в разинутый рот.

– Расскажи еще про Эсхина, – попросил Крэг-хан, снова берясь за греблю, – Он хороший воин?

– О, да! – улыбнулась Пандора, – Не просто хороший, а лучший! На мечях отцу и вовсе нет равных!

Она с опаской глянула на варвара, но тот греб спокойно, не отвлекаясь.

– Не знаю, кто учил его драться... на моей памяти отец занимался только в одиночку. Если бы ты видел его тренировки! – девушка восторженно закатила глаза, – Движения больше напоминают танец, только невероятно быстрый и смертоносный; ноги порхают, будто парят над землей, не касаясь; руки летают в такт, создавая замысловатые узоры; а меч... Клинок растворяется в воздухе, за рывками не уследить глазом, удары и защита чередуются с такой скоростью, что сливаются в единый стальной кокон! Кажется, мгновение назад он был в другом конце площадки, а вот лезвие уже мелькает у твоих глаз! А спустя еще миг – бам! – разрубает деревян-

ную куклу надвое!

Пандора забылась, говорила об Эсхине почти с обожанием...

«Почему же ты убегаешь от него, девочка?» – хотел спросить варвар, но, небывалое дело, застеснялся.

– Знаешь, слава лучшего мечника не приходит сама собой, – Пандора улыбалась своим воспоминаниям, – В былые времена отца постоянно вызывали на поединки! То один, то другой – всем хотелось помериться силами с Эсхином. Вот только никто, ни один не смог продержаться больше минуты! Отец милосерден – не лишал смельчаков жизни, лишь оставлял шрам, зарубку на память. Своего рода знак, символ победы.

Девушка нахмурилась.

– Помню, один нахал осыпал отца оскорблениями. Ну... не только его, мне тоже досталось... – Пандора слегка покраснела, – Эсхин вырвал наглецу язык и отрубил обе ладони. Чтобы больше не сквернословил и не брал в руки оружия.

Крэг-хан кивнул: достойный поступок! На Севере, правда, выскочку вряд ли бы пощадили, но... другая страна, другие нравы.

– Уже давно никто не осмеливался кинуть вызов Эсхину, – с некоей гордостью закончила речь Пандора, – Его слава и дела говорят сами за себя!

Девушка взглянула на варвара, ее взор потеплел.

– Потому я сильно испугалась... за тебя... там, в таверне.

Когда ты посмел противостоять отцу.

Крэг-хан скривился, что на такой жаре означало улыбку.

– Да я и знать не знал, что это за мужик...

Пандора улыбнулась, грубая шутка скрасила неловкость, северянин уже не казался безучастным комком мышц.

– Вообще-то он не всегда такой, – мечтательно произнесла она, – Я помню его чутким, нежным, любящим... Как-то раз Эсхин приказал построить для меня целый игрушечный дом, чтобы куклам было где жить. Ты не представляешь, как я была счастлива! Наверное, целую неделю никуда не отходила!

Девушка улыбалась, глядя вдаль, Крэг-хан поймал себя на том, что любит ее профилем.

«Зачем же ты убежала?» – в очередной раз подумал он, но вслух ничего не сказал.

Наступил вечер, темнота почти скрыла очертания берегов, когда Крэг-хан завел лодку в тихую, еле заметную со стороны моря бухту. Он устал, путь до Саламина оказался не близкий, да и не привыкли мышцы к подобной нагрузке. Но двигался бодро, пересиливая телесную немощь, ибо не пристало мужчине показывать слабость перед девушкой.

Варвар привязал лодку, Пандора помогла перенести на берег немногочисленные пожитки. Крэг-хан натаскал сушняка, в укромной ложбине загорелся костерок. Раскрыв дорожную сумку, поужинали припасами, что приготовил Тарас, за-

пивая их чистой водой.

Когда дрова прогорели, превратившись в угли, Крэг-хан положил сверху три бревна. Постепенно сдаваясь жару, они занялись, такой костер будет тлеть всю ночь, щедро делясь теплом со своим создателем.

Девушка грелась у огня, вытянув к нему ладошки.

Когда земля рядом с костром прогрелась, Крэг-хан растелил там плащ. Варвар улегся, повернувшись спиной к холоду, на его лице плясали всполохи пламени. Мужчина притянул к себе Пандору, она напряглась, воспротивившись.

– Не бойся, – буркнул он, и девушка подчинилась.

Крэг-хан бережно завернул девичий стан в плащ, могучая рука обняла девушку, тело мужчины щедро делилось теплом, оберегая от ночной стужи.

Пандора лежала, как на иголках, но постепенно все страхи испарились. Варвар не двигался, его дыхание было размеренным, девушка даже чувствовала ритмичное биение мужского сердца. Она согрелась, на разум снизошло спокойствие, девушка сама не заметила, как погрузилась в сон.

Досифей брел по зарослям к своему убежищу на берегу моря. Он был зол, голова раскалывалась после вчерашней пьянки, настроение преотвратительнейшее.

Вечером собирались всегдашней компанией, вино лилось рекой, праздник выдался развеселый, хотя особого повода и не было. Обрывки воспоминаний заставляли морщиться, похоже, в очередной раз оправдалось обидное прозвище – До-

сифей-дуралей. А все потому, что творил по пьяни какую-то несусветную дичь. Стыд, вкупе с головной болью и мерзким жжением в желудке создавали тошнотворный коктейль. Хотелось выплеснуть на кого-нибудь накопившуюся злость, а заодно и содержимое кишечника.

Досифей сплюнул горькую желчь, кляня проклятый остров. А ведь когда-то идея перебраться на Саламин казалась замечательной! Несколько десятков семей обосновались на южном побережье, отстроив небольшую деревушку. Жили дружно, ладно, даже в достатке. Когда все переменялось?

Наверное, Боги отвернулись от общины, чем-то островитяне их прогневали. Земля перестала давать урожай, рыба не шла в сети, зверье в лесу исчезло. Зато стало больше пьянок, лени, нищеты. Молодая веселая жена превратилась в вечно недовольную толстуху. Вела себя безобразно, вчера и вовсе заигрывала со всеми подряд. Досифей не удивился бы, обнаружив ее в постели того же Проциуса.

Ох уж этот Проциус со своей идеей насчет «отряда самозащиты». Конечно, все понимали, что никакой защитой там и не пахнет, занимались банальным разбоем, нападая на одиноких путников. Зато так проще успокоить совесть, да и вообще – как будто бы всегда при деле.

Банда. Досифей поморщился. Какая еще банда, так – сборище неудачников! Нормальное оружие только у него да у трусливого Кутулоса. Остальные обходились ножами и дубинками. А уж умение сражаться... Бывшие крестьяне ско-

рее могли напугать грозным видом, чем впечатлить привычками. Ну и пырнуть по-простому – в живот, в бок, со спины.

Досифей отыскал нужное место, зарубки на дереве помогли забраться наверх. Еще в начале лета он соорудил в ветвях могучего дуба что-то вроде шалаша или гнезда. Здесь можно отлежаться, затаиться, в корзине имелись кое-какие припасы, а главное – никто не знает про убежище, заметить или отыскать его без подсказок нереально. В тоже время, тут отличный наблюдательный пункт: хорошо видно море, бухту, значительную часть побережья и острова.

Мужчина залез в убежище, тело обессилено растянулось на досках. Он намеревался пролежать как минимум до вечера, пока боль в голове поутихнет, а желудок перестанет бунтовать. Закрывающиеся глаза глянули на морские просторы, взгляд скользнул по песчаному пляжу... И Досифей обомлел, чуть не вскрикнув от неожиданности.

Лодка! Так и есть, возле входа в бухту, у берега, привязанное суденышко. Усталость забылась, глаза забежали в поисках приплывших людей. Вот и костер! В ложбинке, в удобном местечке, все по уму. А рядом – он аж подскочил от удивления – девушка невероятной красоты!

Молоденькая, стройная, сочная! Досифей облизнул губы, залюбовавшись. Его жене, даже в лучшие годы, далеко до этой красотки!

«Спокойно, Досифей, спокойно, – убеждал себя наблюдатель, – Ты ведь отнюдь не дуралей, что бы ни твердили злые

языки! Не может она оказаться в такой глуши одна!»

Он терпеливо ждал и не зря. Вскоре из зарослей вышел высокий широкоплечий мужчина, девушка встретила его улыбкой, они заговорили, на огне закипел котелок, из сумок появилась немудреная снедь.

Досифей пырился во все глаза, позабыв про недомогание и боль. Душа радовалась, все внутри пело, руки почесывались в предвкушении близкой наживы.

Утром девушка проснулась одна. Согрел плащ, заботливо подоткнутый под бок, она ощущала тепло мужского тела, еще недавно лежавшего рядом.

Глаза открылись, Пандора перекатилась, усевшись поближе к тлеющим углям. Откинув плащ, она потянулась, тонкий девичий стан выгнулся дугой, сквозь ткань свободной одежды проступили контуры скрытых прелестей.

Виной ли тому свежий морской воздух или давешняя усталость, но Пандора с удивлением чувствовала, что отлично выспалась и хорошо отдохнула.

Вернулся Крэг-хан, в одной руке нес пучок зеленой травы, другая сжимала тушку зверька.

Варвар взялся за котелок, в костер полетела порция дров, вскоре вода весело забулькала. Крэг-хан заварил травяной напиток, а освеженный зверек отправился запекаться в угли.

Утренний морской бриз охлаждал тела, начинающийся прилив покачивал привязанную лодку, встревоженные чай-

ки носились над волнами, листва шелестела, радуясь солнцу.

Чай показался Пандоре кислым, но вместе с тем придал бодрости. Хотелось действовать, жить, радоваться, но в тоже время... девушка не хотела покидать этот райский уголок.

– Хорошо здесь, правда? – спросила она.

– Угу, – варвар глянул на девушку исподлобья.

Пандора видела, что мужчину что-то гнетет, тревожит. Ходил быстро, говорил отрывисто, поглядывал мельком, не задерживая взгляд.

Крэг-хан маялся молчанием, тяготили невысказанные вопросы. Наконец, после завтрака, он решился.

– Зачем ты стремишься в Афины?

Пандора развела руками, обезоруживающая улыбка заиграла на губах.

– Не знаю! Всегда мечтала там побывать. Увидеть большой величественный город! Возможно, я смогла бы найти свое место, затеряться среди тысяч людей, спрятаться и жить спокойно.

Крэг-хан сокрушенно покачал головой.

– Боюсь, все не так радужно, как представляется. Одинокой девушке выжить нелегко. Даже не знаю, кто отыщет тебя первой – Эсхин или неприятности.

– А какой у меня выбор? По-твоему, я обречена? – девушка повернула голову, разглядывая беспокойное море.

Шум волн убаюкивал, ветер трепал непослушные вихры, варвар залюбовался лицом Пандоры, величественным, с гор-

до вздернутым носиком и пухлыми детскими губами.

– Я мог бы увезти тебя далеко, на Север... – тихо произнес он после раздумья, – Там Эсхин никогда не найдет. А даже если отыщет... Уйдет ни с чем!

– Север? – удивилась девушка, слегка покраснев, – Я думала, за пределами Греции живут лишь... дикари.

– Там живут свободные племена, – гордо сказал Крэгхан, – Мы не кланяемся никому – ни царям, ни даже Богам.

Девушка с улыбкой посмотрела на северянина.

– И что там делать мне?

– Мое племя примет... нас, – варвар пожал плечами, – Можешь жить, как тебе заблагорассудится. Строить дом, растить детей.

Пандора посмотрела на мужчину новыми глазами. Слова жгли своей искренностью, но еще больше возбуждало то, что не сказано, что лишь подразумевалось.

– Я обдумаю твоё предложение, – мягко ответила Пандора.

Варвар кивнул, не таясь разглядывая спутницу.

– Эсхин ищет тебя с таким остервенением. Наверное, он сильно тебя любит.

– Может быть... – девушка нахмурилась, лоб забавно сморщился, словно тучи налетели на безоблачное небо, – Но дело не только в этом. Есть пророчество...

– Пророчество?

– Да... Эсхин возил меня, еще совсем крошку, в Дельфы,

к Оракулу.

– Что сказала Пифия?

– Как обычно, ничего толкового, – усмехнулась Пандора, – Но Эсхин ухватился за предсказание, он верит, истово и безоговорочно.

Она опустила взгляд, палец ноги небрежно выводил на песке геометрические фигуры.

– Лев разгадает тайну Пандоры, и Сокол падет! – с наигранным пафосом провозгласила девушка, – Вообще-то там в стихах было, но общий смысл такой.

– И что сие значит?

– Я понятия не имею!

– Говорится про Пандору, очевидно, это ты.

– Но у меня нет никаких тайн, что можно разгадать! Поверь.

– А кто такой Лев? И что за Сокол?

– Я не знаю, – девушка грустно пожала плечами, – Ничего на ум не приходит.

Крэг-хан подумал, слова пророчества менялись в голове местами, он пробовал постичь смысл сказанного Оракулом, но получалась лишь полная белиберда.

– По-моему это все чушь собачья, – заключил наконец варвар.

– Вот и я так думаю, – поддержала Пандора, – Но Эсхин так не считает...

– Наверное, знает что-то, неведомое нам.

– Как бы то ни было, он уверен, что мне предстоят великие свершения, – девушка принужденно засмеялась.

Крэг-хан поднялся с земли, отряхиваясь.

– Что-то у меня голова заболела от этих разговоров, – зевнул он, – Пойдем искупаемся?

– Я не умею плавать, – девушка виновато пожала плечами.

Ей в очередной раз удалось поразить варвара. Крэг-хан никак не мог взять в толк, как такое вообще возможно – жить и не уметь плавать? Это что ж теперь, в воду вообще не заходить? Может, это остроумная шутка? Глянул на девушку – нет, не врет. Он с недоумением вспомнил вчерашний день.

– Тебе, наверное, было страшно плыть в лодке?

– Нет, я же была рядом с тобой.

Простой ответ наполнил сердце варвара необъяснимой радостью. Он поднялся, хотелось прыгать, плясать, кричать, хотя Крэг-хан не понимал почему и отчего.

– Пошли! Гарантирую, скоро ты научишься держаться на воде!

Он помчался к морю, сбрасывая одежду, распугал прибрежную живность веселыми криками, брызги летели во все стороны, будто начался небольшой ураган.

Девушка застеснялась, непривычно видеть нагого мужчину, тем более раздеваться в его присутствии. Возможно на Севере, среди дикарей, это в порядке вещей... Варвар плескался, не обращая на нее внимания, девушка медленно подошла к воде. Выждав момент, когда Крэг-хан заплыл по-

дальше, Пандора быстро скинула одеяние, прохладные волны поймали разгоряченное тело в объятия.

Потом Пандора, по примеру варвара, долго оттирала пот с грязью, скребя тело песком и травами.

Наведя чистоту, Крэг-хан завел девушку на глубину. Пандора испугалась, вода плескалась у самого подбородка, носки ног едва задевали песчаное дно.

– Успокойся, я рядом, – сильная рука поддержала девушку, – Ложись на воду и гребь руками, как собачонка.

– Эй, я тебе не собака!

– Конечно, нет, ты лучше собаки! Бульмс... – Крэг-хан закашлялся, получив в лицо целый фонтан брызг.

Целый час он учил Пандору плавать, девушка то пугалась, то злилась, то смеялась вместе со своим наставником. Варвар объяснил, как двигать руками, ногами, как правильно дышать и держать голову.

К концу часа девушка окончательно выдохлась, зато смогла более-менее уверенно проплыть несколько метров. Ее стеснение испарилось, как не было.

– Достаточно! Давай греться, – скомандовал варвар.

Пандора выбралась на берег страшно довольная собой, накинула одежду на мокрое тело. Крэг-хан натянул штаны, а рубаху использовал вместо полотенца.

Пока летнее солнце согревало купальщиков, они успели пообедать. Северянин задумчиво обратился к девушке.

– Почему ты сбежала от отца?

Пандора понурилась, на беззаботном личике появилась печаль. Варвар успел пожалеть, что начал этот разговор, но слово обратно в рот не загонишь.

– На самом деле Эсхин мне не отец, а отчим, – тихо сказала девушка, – Мои родители погибли, когда я была еще младенцем. Я совсем не помню маму и папу. Эсхин Сикионский поступил благородно, взяв никому не нужное дитя на воспитание.

– Тебя обижали? Били?

– Нет! Ты что! Любому, кто меня тронет пальцем, Эсхин бы собственноручно голову оторвал. У меня было много слуг, что ухаживали, исполняли детские капризы.

Девушка подняла глаза к небу, погрузившись в воспоминания.

– Когда я выросла, Эсхин позаботился о лучшем образовании. Он нанял учителей... Я даже умею читать и писать!

Для варвара науки ничего не значили, лишь бесполезная трата времени. Он сделал вид, что весьма впечатлен.

– Так в чем же дело? Если все так, как говоришь... Почему убежала?

Пандора покраснела, ее взор, блуждавший в небе, потупился.

– Из разговора слуг я случайно узнала... В общем, Эсхин собирался меня женить. Якобы я кому-то обещана, еще до рождения.

Она раздраженно пнула носком, запустив небольшой ка-

мешек в полет.

– Знаешь, наверное, все девочки мечтают выйти замуж как минимум за принца. С возрастом проходит. Я и помыслить не могла, чтобы... разделить ложе с абсолютно незнакомым мне... кем бы то ни было.

– Странные у вас порядки, – заметил варвар, – Выдавать девочек замуж, едва они появились на свет.

– А у вас что, по-другому?

– Совсем. Наши мужчины приходят свататься, лишь когда дева достигла известного возраста. Обычно женихи борются за расположение красавицы, а она выбирает лучшего.

– Лучшего или того, у кого больше лошадей в стойле и монет в кошельке?

– Бывает и такое, – засмеялся Крэг-хан.

Они помолчали, прислушиваясь к завываниям ветра.

– Это Эсхин научил тебя... бабьим ухваткам?

– Чего!?! Отец учил меня сражаться! – Пандора вскинула руки, демонстрируя несколько быстрых ударов.

– Ну-ну, – Крэг-хан усмехнулся, – Надеюсь, дерешься ты лучше, чем плаваешь!

– Ах так! – девушка вскочила, широко расставив ноги, – Хочешь попробовать? Сумеешь схватить или ударить – с меня ужин!

Досифей наблюдал за странной парочкой целый день. Видал, как плескались, глаз не сводил с голой девки. А варвар-то и бровью не повел, не ущипнул, не потискал! Чурбан

бесчувственный... Уж будь на его месте Досифей, уж он бы расстарался! Показал бы сучке, что значит настоящий мужчина!

Когда двое обедали, наблюдатель тоже принялся за еду, достав из корзины остатки вяленой рыбы и флягу затхлой воды.

После трапезы спутники что-то не поделили – завязалась драка. Хотя, по мнению Досифея, больше их возня напоминала танцульки. Настоящий бой – когда двое мужиков встают напротив и дубасят друг друга кулаками, пока один не свалится. А тут... сплошные увертки, уклоны, нырки. Если и удар, то ладошкой, а то и вовсе тычок пальчиком.

Наконец, варвар незаметно подставил ногу, девчонка растянулась на песке, шмякнувшись на задницу. Через секунду северянин оказался сверху, завязав руки девушки узлом. Уж тут Досифей не сомневался, что мужик ее поимеет! Ан нет! Поднялся, смеется, еще и песок отряхивать помогает... Может он болезный или, того хуже, евнух?

Досифей глянул на солнце, время давно перевалило за полдень. Сегодня голубки точно никуда не поплывут, на ночь глядя. А значит, можно смотаться в деревню – вся ватага там – да и наведаться сюда вместе. Составить, так сказать, компанию.

Он живо сполз вниз, чуть не сверзившись, заплетающиеся ноги понесли мужчину вглубь острова.

Будь Досифей не таким дуралеем, а может всего лишь

чуть удачливее, он, окинув последним взглядом горизонт, мог бы заметить далеко на западе одинокую лодку. Заметив, мог бы заинтересоваться, кто это плывет на Саламин в гордом одиночестве. А узнав, убежал бы прочь, подальше от чужих разборок и смертельной опасности.

Крэг-хан не заметил, как пролетело время. Вообще-то следовало отправиться в путь рано утром, после завтрака, но... как-то одно за другим, то разговоры, то еда, то купание. Он растерялся, совершенно растворился в девушке, день промелькнул, как биение сердца.

Они плескались в воде до вечера, иногда вылезая погреться на солнце и подкрепиться запасенной снедью. Пандора плавала все лучше, вполне уверенно держалась на поверхности, радости не было границ!

Солнце склонилось к закату, когда они выбрались на сушу в последний раз.

– Хватит на сегодня, – отфыркиваясь сказал варвар, – Пойдем, с тебя царский ужин!

Накинув одежду, молодые люди направились к костру.

Но не прошли и полпути, как навстречу из зарослей выступили пятеро мужчин, разодетых кто во что горазд: рваные обноски чередовались с жалким тряпьем.

Зато оборванцы были вооружены. У одного на поясе болтался топорик, двое держали в руках внушительные дубинки, тип сзади поигрывал длинным ножом, долговязый малый, подошедший ближе других, мог похвастаться кривым

клинком.

Девушка вздрогнула, невольно сдвинувшись за спину Крэг-хану. Варвар стоял, нахмурившись, во взоре читалась неприкрытая угроза.

– Кто это такие? – прошептала девушка.

– Разбойники, – ответил Крэг-хан, ничуть не заботясь, что его услышат, – Обычные мрази.

Долговязый подобрался, схватившись за рукоять клинка.

– Не стоит предвзято судить о людях, с которыми лично не знаком, парень!

Варвар презрительно улыбнулся.

– Поверь, я видел достаточно таких, как ты, чтобы составить верное мнение, – он повысил голос, – Кто у вас главный?

– Слышь, Пень! – оскалился долговязый, обернувшись, – Паренек хочет увидеть главного! Позови-ка Проциуса!

Мужик с ножом, названный Пнем, оглушительно свистнул, через минуту на поляну вышла еще одна группа разбойников.

Крэг-хан обозлился. Нужно было сразу броситься на подонков, с пятью еще имелись какие-то шансы. Отнять оружие, свалить, связать боем, чтобы девушка убежала. Теперь вариантов не осталось. Подонков больше десятка, все вооружены, а у него только кулаки.

– Так-так! Что тут у нас? – вперед выступил полноватый мужчина, абсолютно лысый, со слащавым лицом.

Он единственный был безоружным, варвар решил, что

это-то и есть главарь банды.

– Вот, Проциус, забавный улов вынесло море, – доложил долговязый.

– Вижу-вижу! – подтвердил тот, осматривая добычу, словно оценщик на рынке, – Ну, допустим, варвара мы отправим на Критские рудники. Я слышал, такие, как он, плохо переносят неволю, зато работают за троих. Получим неплохую цену!

Взгляд глубоко посаженных глаз переместился на девушку, Проциус заулыбался, похотливо потирая руки.

– Ну а красавицу можем и придержать для себя, верно парни? – ему ответил дружный одобрительный гул, – Но сначала я сам проверю...

Крэг-хан не сдержался. Удар кулака свалил пухлого с ног, варвар напрыгнул сверху, молотя руками. Спустя пару секунд лицо Проциуса превратилось в кровавое месиво. Никто не успел ничего предпринять, настолько быстро и неожиданно все произошло. Несколько человек шагнули вперед, а северянин уже поднимался с избитого человека, хищно оглядываясь.

– Судя по тому, что никто меня не прервал, не очень-то вы цените предводителя, – осклабился он.

Разбойники молчали, напряженно схватившись за оружие. Проциус вскрикнул, придя в себя, короткие ноги замельтешили, он быстро отполз к кустам, извиваясь всем телом.

– Шука! – завопил он, выплюнув несколько зубов на песок, – Убейте его! А девку не троньте!

Бандиты переглянулись, зашелестело оружие, вынимаемое из ножен.

– А-а-а! – завопил варвар, прыгнув в угрожающую позу.

Головорезы невольно остановились, те, что поближе, даже отступили на шаг.

– Да не шшите! – Проциус поднялся, размахивая руками, – Ваш много, а он один! Пока я жив, я тут главный! – он злорадно воззрился на северянина, – Нужно было убить меня, варвар...

Солнечный зайчик отразился от стали, меч свистнул со скоростью, едва различимой глазом. Голова Проциуса отделилась от шеи, взлетев ввысь, словно камень, пущенный пращей. Тело секунду стояло, пока властная рука не оттолкнула с дороги. Труп упал, забившись судорогами, кровь оросила песок. Из зарослей на поляну шагнул мужской силуэт, облаченный в темные доспехи.

– Будь аккуратнее в своих желаниях, придурок, – настаивательно пробурчал Эсхин.

Разбойники застыли в нерешительности, все взоры обратились на мечника, варвар выдохнул – про него на время позабыли. Пандора глядела на своего отчима со смесью надежды и страха.

– Мужик, ты вообще кто? – крикнул долговязый, стараясь придать храбрости за счет громкости.

– Мое имя Эсхин Сикионский, – спокойно ответил мужчина, – Известный также, как Эсхин Смертоносный. В более узких кругах меня называют Мастером Меча, ну а такие недоумки, как вы, кличут Темным Мечником.

Вздых узнавания пронесся по шайке, наиболее благоразумные или, быть может, трусоватые, попятнулись. Долговязый недоуменно завертел головой.

– Ты... откуда ты тут взялся?

– А ты как думаешь, дуралей?! Приплыл на лодке.

– Слышь, Эсхин, или как там тебя. Это наша добыча! – бандит ткнул клинком в сторону варвара, едва не задев горло.

Крэг-хан не шелохнулся.

– А ты, стало быть, новый главарь? – Эсхин кивнул долговязому, – Раз уж старый скоропостижно скончался.

Досифей оглядел приятелей, возражений не последовало, он довольно кивнул.

– Так и есть! Эй, Пень, хватай девчонку, я придержу варвара! А вы, – он зыркнул на банду, – Смотрите, чтобы этот не дергался!

Острие клинка дрожало в опасной близости от шеи северянина, Пень хмыкнул, направляясь к Пандоре.

– Посмотрим, на что ты годен, – пробормотал Эсхин, обращаясь, казалось, к самому себе.

Рука мечника взметнулась, клинок, вращаясь, полетел по воздуху. Крэг-хан молниеносно вскинулся, ладонь ухватила

брошенный меч. Удар! Обрубок руки долговязого, все еще сжимающий оружие, покатился по песку.

Крик не успел вырваться из глотки разбойника, а Крэг-хан уже оказался рядом. Пень отшатнулся, но поздно. Три быстрых взмаха меча – два тела, рассеченные ударами, повалились в агонии.

Варвар спокойно выпрямился, стирая ладонью брызги крови на лице.

– Меч! – потребовал Эсхин.

Северянин небрежно швырнул клинок, но мечник взял его из воздуха легко и непринужденно, будто с кухонного стола. Клинок крутнулся в руке хозяина и замер, капли крови слетели с острия, оставив оружие чистым.

Банда застыла в ступоре, Пандора глядела то на одного мужчину, то на другого, не зная, чего ожидать. Шелест волн скрашивал тягость наступившей тишины.

– Значит так, – проговорил Эсхин, спокойно прохаживаясь по песку, – Предлагаю следующее. Я отдаю тебе меч, – он глянул на варвара, – Забираю девушку. А дальше вы тут сами разбираетесь между собой.

Крэг-хан сплюнул, его смех разнесся по побережью.

– Мне нравится другой вариант, – весело ответил он, – Я заберу твой меч, и девушка уйдет со мной! А любой, кто посмеет встать у нас на пути – умрет!

Пандора вздрогнула, Эсхин улыбнулся. Головы разбойников синхронно повернулись к мечнику, ожидая, что тот от-

ветит.

– Ты складно говоришь, парень. Но хватит ли тебе сил исполнить задуманное?

– Подойди ближе и узнаешь.

Бандиты невольно разошлись в стороны, на песке образовался круг, словно арена на стадионе. Напуганные, ошарашенные величием момента, оборванцы совсем позабыли о разбое, наблюдая за предстоящей схваткой. Определенно, тут есть на что посмотреть – в бою сойдутся два великана!

Крэг-хан, брезгливо поморщившись, наклонился, клинок из руки долговязого перебрался к варвару. Он покрутился, разминая плечи, меч в руке ожил, засвистел, сплетая замысловатые узоры перед лицом воина.

Пандора упала на колени, затаив дыхание. В лучах предзакатного солнца двое мужчин сошлись в смертельной схватке, словно герои древности. Так, наверное, сражался Ахилл против Гектора или Одиссей против Аякса. Но девушка не могла наслаждаться красотой поединка и искусством бойцов. Одного она любила, как отца, за второго трепетала сердцем.

Крэг-хан атаковал первым. Он нанес серию ударов – с разных углов и по разным уровням. Эсхин без труда отбивался, медленно отступая, меч в руке жил своей жизнью, острие металось вверх и вниз, встречаясь с вражеской сталью. Уклонившись от атаки, мечник ударил сам, клинок молнией взвился к груди варвара. Северянин с превеликим тру-

дом отпрянул, равновесие нарушилось, он перекатился по песку и вскочил, готовый к продолжению. С левой стороны, там, где находится сердце, красовалось свежее рассечение, струйка крови скатилась по животу.

– Ты хорош, но не более, – прокомментировал Эсхин, подходя.

Варвар напал снова. Мощный удар обрушился сверху, за ним еще один, атака переместилась на нижний уровень. Мечник блокировал, его рука дрожала от мощи принимаемых атак. Крэг-хан, отчаявшись достать противника, бросился в глубокий выпад, вложив в него вес тела и всю доступную силу.

На лице Эсхина промелькнула гамма эмоций. Удивление, раздражение, разочарование. Такой промах простителен новичку, но от поединка с варваром мечник ожидал большего. Небрежно отмахнувшись, Эсхин пропустил противника мимо, а потом вся мощь обрушилась на врага в смертельном уколе.

Вот только варвара на месте уже не было. Невероятным образом сложившись, он изогнулся и ударил из совершенно невозможной, не предназначенной для этого позиции. Эсхин с удивлением увидел, как меч рассекает ему руку вместе с наручем. Лишь богатый опыт и отточенные годами инстинкты выручили бойца. В последний момент он отпрыгнул, спасая жизнь. Но левая рука повисла, истекая кровью.

– Хм... Я ошибался, – изумился Эсхин, – Скорость, мощь,

талант... Все задатки великого воина! Но ты не обучен. Пары лет муштры хватило бы, чтобы стать лучшим.

– Справлюсь и так! – огрызнулся северянин.

Эсхин ударил резко, без замаха. Крэг-хан с трудом отразил удар. Прежде, чем он опомнился, мечник обрушил на варвара новые атаки. Северянин отступал, с трудом отбиваясь, в нем все сильнее закипала ярость.

Эсхин прыгнул, вложившись в удар, Крэг-хан ответил со всей доступной злостью. Клинки встретились с оглушительным звоном, посыпались искры. Меч варвара не выдержал, надломившись у самой рукояти. Осколок едва не попал в глаз, оставив шрам на щеке. Крэг-хан упал на спину, сжимая в руке бесполезный огрызок.

Дружный выдох пронесся по поляне, до этого мига зрители забыли, что можно дышать.

– Жаль, придется убить тебя сейчас, – в голосе Эсхина действительно слышалось огорчение.

Крэг-хан приподнялся на локте, внимательно наблюдая за противником. Мечник шагнул, варвар тут же метнул огрызок меча. Эсхин легко отразил снаряд, а варвар успел вскопчить. Туча песка полетела из ладоней в лицо Эсхина, тот отпрыгнул, зажмурившись, но поздно.

Мечник отскочил, меч плел защитные кружева, раненая рука пыталась протереть глаза, зрение расплылось. Крэг-хан даже и не думал прыгать на клинок. Вместо того он прокатился по песку и подсек ноги противника, Эсхин жестко упал

на спину, наугад взмахнул мечом, отражая несуществующие атаки, в ответ прилетела лишь новая порция песка, мечник беспомощно закашлялся.

Варвар подхватился на ноги, разбойники недоуменно пропустили промеж себя, сумка северянина взлетела на плечо. Через секунду Крэг-хан уже стоял возле девушки, протягивая руку.

– Так уж и быть, меч оставь себе! – крикнул он, поднимая Пандору с песка.

Ему пришлось буквально волочь девушку, она растерялась, ноги еле передвигались. Никто из разбойников так и не решился ни преградить путь, ни даже вставить слово. Варвар уверенно потащил спутницу к лодке.

– Пандора! – крик настиг на полпути.

Девушка ощутимо вздрогнула, северянин продолжал бесцеремонно тянуть к воде.

Добежав до лодки, Крэг-хан закинул в нее сумку, следом полетела Пандора. Отвязывать веревку времени не осталось, нож проделал работу гораздо быстрее. Варвар уперся в нос суденышка, ступни заскользили по песку, он взревел, выталкивая лодку подальше от берега.

Крэг-хан вскочил внутрь, весь промокший, весла с лихорадочной быстротой опустились, лодка все быстрее набирала ход.

– Пандора! – голос раздался совсем близко, темный силуэт появился на берегу.

Девушка задрожала.

– Не смотри, – бросил варвар, продолжая грести, – Ничего с ним не случится.

Вскоре темная фигура растворилась в вечерней тени, а потом и берег скрылся из вида. Крэг-хан продолжал неутомимо работать веслами.

– Куда теперь? – спросил он, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

Пандора долго не отвечала, из ее ладоней, звякнув о дно лодки, выпал туго набитый кошель.

– Можем купить лошадей, – задумчиво сказала девушка.

Крэг-хан присвистнул, на взгляд определив количество монет.

– Откуда это?

– Забрала у этого... Проциуса. Пока вы дрались.

Варвар улыбнулся.

– Схватываешь на лету, – похвалил он.

Глава №7

Купец Кохиос хмурился – неужто боги прогневались? Весь день стояла отличная летняя погода: жара, на небе ни облачка, свежий ветерок делает зной сносным. А к вечеру на тебе – откуда ни возьмись набежали тучи, небо нахмурилось, сгустилась тьма, купец всеми внутренностями ощущал приближение бури.

Начался дождь, переходящий в ливень, а до постоянного двора оставалось еще приличное расстояние. Кохиос в отчаяние крутил головой – продвигаться дальше становилось категорически невозможно, но и вставать лагерем здесь – на открытой местности, без укрытия – купцу хотелось в последнюю очередь.

Повезло: один из возниц, Мирон, вспомнил, что в скалах неподалеку якобы есть пещера. Съехали с дороги, медленно тащились в указанном направлении, купец едва сам не бросился на поиски убежища.

Пещеру отыскали легко. Широкий вход, простые подступы, внутрь удалось завести даже упирающихся лошадей. Повозки, ясное дело, остались под ливнем, но промокнуть не боялись – водонепроницаемая ткань защитит товары.

Ливень разошелся во всю, струи воды падали с неба, сливаясь в мутные потоки. Подул холодный порывистый ветер,

непроглядная тьма разрывалась редкими вспышками молний. Началась гроза.

Кохиос оглядел пещеру. В неровном свете факелов она казалась больше, чем на самом деле, в глубину скал уходил сужающийся проход.

– Мы у входа, – пояснил Мирон в ответ на вопросительный взгляд, – Пещеры тянутся далеко и глубоко. Может, до самого Аида.

Купца такое объяснение устроило. Исследовать подземные ходы нет ни смысла, ни желания. Главное, что тут можно переждать непогоду.

В пещере нашлась целая куча сушняка, заготовленная, по-видимому, предыдущими постояльцами. Кохиос возблагодарил богов за такой щедрый дар: мокрая одежда требовала костра. Холод и сырость не прельщали пожилого купца, он предпочитал путешествовать с комфортом.

Разожгли малый огонь, дым растекался по пещере, ища выхода. Судя по всему, где-то вверху имелась небольшая отдушина, слабая тяга уносила задымление прочь, свежий воздух небольшими порциями поступал от входа.

Мокрую одежду развесили сушиться, на костре запыхтел котелок с запоздалым ужином, Кохиос выдохнул и позволил себе немного расслабиться. Он взглянул на Хилона.

Монах работал наравне со всеми: помогал везти телеги, укрывать товары; носил дрова и снесь; ухаживал за лошадьми. Отличный попутчик, старательный работник. Но

гораздо ценнее те знания и умения, что скрыты от глаз.

«А ведь хитрец так и не сказал, что он учудил с таможенной в Коринфе», – подумал купец.

И, как обычно, едва он открыл рот, чтобы задать вопрос, Хилон опередил репликой.

– Чем ты разгневал Богов, Кохиос? – засмеялся монах, – Зевс не жалеет молний! От грома можно оглохнуть! Дождь стеной!

– Я чту Зевса, – пожал плечами купец, – Но ты знаешь, даже обильные жертвы не гарантируют приносят удачу. Иной раз прогневать вседержителя может одно слово или нечаянный поступок.

– Может Гера не угодила мужу, потому Зевс и бесится?

Кохиос нахмурился, раздумывая, не обидится ли бог на столь дерзкое заявление.

– Осторожнее, Хилон, длинный язык до добра не доводит!

– Ты прав, – монах шутливо поднял руки, – Обязательно схожу в храм в Афинах, отведу Зевсу лучшего бычка!

Друзья уселись возле огня, наслаждаясь скромным теплом.

– На богов надейся, а меч держи острым, – с многозначительным видом продекламировал Кохиос.

– Ну, это ты зря. Я много путешествовал, Греция, в сущности, безопасное место.

– Как же, как же... Неужто ты не слыхивал про банду Острозуба?

– Байки... – фыркнул Хилон, – Сказки для запугивания детишек.

– Не такие уж и сказки, – покачал головой купец, – Лет десять назад их страшились все, от мала до велика. На дорогу не выходили иначе, чем с двумя десятками воинов стражи.

– Тем более... Десять лет – долгий срок.

– Да... Тогда собралось целое ополчение. Говорят, банду гнали чуть не до Спарты. Многих порешили, но самого Острозуба так и не взяли.

– Куда же он делся?

– Кто знает... Спрятался, залег на дно.

Хилон уставился на огонь, обдумывая услышанное. Кохиос помешивал варево в котелке.

– Может, и вовсе сдох? От ран или старости.

– Хорошо бы, – с важным видом изрек купец, – Но не далее месяца назад пропал Филандос, помнишь его? Нет? Ну, один хороший приятель, из Фив. Вел караван аккуратно в этих местах. Исчезли все – шесть человек – бесследно. Поговаривают, Острозуб мог вернуться.

– Брось, Кохиос, мало ли что болтают! – отмахнулся монах, – Ты же сам, наверное, распустил половину из этих слухов.

Купец помолчал, не весело ухмыляясь.

– Так-то оно так, – продолжил он, – Но больно уж не похоже на обычных грабителей. Ни одного тела, Хилон, ни единого следа! Зачем бы разбойникам забирать трупы?

– А Острозубу зачем?

Кохиос с удивлением глянул на собеседника.

– Ты что, не знаешь? Для зверей это особый деликатес!

– Каннибалы?!

– Те еще! Острозуб верит, что, поедая врагов, получает их силу и знания...

– Бррр... Отвратительно, Кохиос. Зачем ты рассказываешь такую жуть перед едой? – монаха передернуло от отвращения.

Купец улыбнулся, похлебка почти готова. Зная Хилону, он сомневался, что история сможет испортить ему аппетит.

– А ты думал, просто так этого подонка прозвали Острозубом?

Кохиос поднялся, направившись к выходу. Подышать свежим воздухом, проведать телеги с товаром, ну и отлить заодно.

Гроза как будто поутихла, хотя дождь лил с прежней яростью. Ветер завывал в скалах, крошечная тьма разбавлялась вспышками молний да слабым отсветом огня из пещеры.

Купец обежал телеги, удостоверившись, что с ними порядок. Поскользнувшись, чуть не растянулся на камне. Наконец, устроился под выступом скалы, укрывшись от дождя и ветра. Журчание ручейка вплелось в грохот низвергающейся на землю воды.

Кохиос расслабленно поглядывал в ночную тьму. Внезапно вспышка молнии выхватила из тьмы два мрачных силу-

эта, приближающихся к пещере. Один закутан в плащ с ног до головы, словно сам Танатос, олицетворение смерти. Второй – с голым торсом, мощью и силой не уступающий Гераклу.

Кохиос подпрыгнул на месте от страха.

– Эй! – дико заорал он, в спешке натягивая штаны, – Кто там?! Покажитесь!

Сердце купца забилося с удвоенной скоростью, глаза лихорадочно всматривались в ночь.

«Нагнал страху байками! – попенял сам себя, – Теперь дрожишь, как заяц!»

На крик из пещеры высыпали возницы с факелами и мечами наголо, сзади к купцу подошел Хилон.

– В чем дело, друг?

Кохиос все пытался что-то высмотреть во тьме. Факелы слегка разогнали мрак, купец вытянул руку, указывая в ночь.

В круг света вступили два путника. Купец выдохнул, сейчас они вовсе не казались устрашающими и грозными. Скорее – мокрыми, продрогшими, уставшими.

С голым торсом – явный северянин. За спиной – торба, промокшие волосы тряпкой болтаются на широких плечах. Кохиос встречал таких: по большей части честные, щедрые, торговаться не любят. С ними лучше не юлить, говорить напрямую, товар предлагать только качественный. И главное – не злить.

– Пусть вам благоволят Боги! – северянин шагнул впе-

ред, – Мы – обычные путники. Рассчитывали переждать бурю в пещере.

«Надо же, второй в плащ укутался, а этому все нипочем! – подумал Кохиос, – Даже не дрогнет. Как с гуся вода!»

– Тебя я вижу, варвар, – настороженно заявил купец, – Кто твой товарищ?

Мужчина повернул голову, его спутник скинул с головы капюшон. Кохиос увидел милое личико молоденькой девушки, глаза усталые, зубы стучат от холода.

Хилон так и застыл с открытым ртом. Он узрел девушку такой невероятной красоты, что ноги отказались повиноваться, язык присох к гортани, ум зашел за разум, да там и остался.

Она стояла под струями дождя, пытаясь разгладить непослушные волосы. Повязка отброшена, пальцы используются вместо гребня, черные локоны, промокшие, грязные, ниспадающие на плечи и ниже, не желают повиноваться своей хозяйке. Живое, по-детски непосредственно личико морщится от досады, пухлые губы сжимаются, тонкие брови грозно хмурятся. Небольшой нос вздернут наверх, ярко-зеленые, чуть раскосые глаза смотрят сердито.

Взгляд Хилона переместился ниже. Тонкая шея, длинные пальцы, фигура почти полностью скрыта под плащом. Впрочем, нет сомнений, что она стройна, как лань. Не иначе, сама Афродита спустилась с Олимпа проведать мир смертных!

«Чудны пути предопределения, – подумал Хилон, – Толь-

ко недавно помог парочке сбежать из Коринфа, и вот мы встретились вновь. Но кто бы мог подумать, что я увижу подобную красоту!»

Спутники стояли молча, варвар неотрывно глядел на Кохиоса, девушка дрожала, дождь заливал обоих.

– Законы гостеприимства велят пустить путников внутрь, – тихо произнес Хилон поворачиваясь к купцу.

– Вряд ли наши законы распространяются на варваров и рабынь, – хмуро заметил Кохиос.

– Мы не можем выпроводить их в грозу, – монах покачал головой, – Разве то, что они вышли к нам, не знак судьбы?

– Я не доверяю проходимцам. Этот северянин дик и необуздан. А рабыня слишком горда.

Хилон улыбнулся.

– Ты не прав, друг, она вовсе не рабыня. А за варваром я присмотрю.

– Под твою ответственность!

Монах кивнул, Кохиос приглашающе махнул рукой.

– Проходите внутрь, грейтесь у огня, разделите с нами трапезу, – безрадостно предложил он.

В пещере варвар встряхнулся, словно пес, капли воды посыпались в стороны, волосы разметались по голой спине. Девушка стянула мокрый плащ, Хилон повесил его на стену, украдкой наблюдая за владелицей. Она подошла к костру, задрожав от холода, тонкие руки обхватили плечи в попытке согреться. Монах протянул сухую робу, девушка с благодар-

ностью приняла, укутавшись в теплое.

Кохиос недовольно разливал похлебку по плошкам. Едок-ков прибавилось, а еды – нет. Придется довольствоваться малым. Свою порцию купец проглотил, почти не заметив.

Ели в молчании. Девушка поставила пустую тарелку, звук разрушил тишину.

– Спасибо! Мы... можем заплатить за пищу, – робко произнесла она.

Кохиос небрежно отмахнулся, Хилон улыбнулся.

– Не стоит, – мягко ответил он, – Лучше расскажи, кто вы и куда держите путь в такую непогоду?

– Меня зовут Пандора, а это – Крэг-хан. Мы идем...

– Не важно! – прервал варвар, – Не твое дело, монах.

Девушка испуганно замолчала, Хилон выпрямился, посмотрев на северянина в упор.

– Я ведь не с тобой разговариваю, досточтимый...

Варвар напрягся, мышцы на руке вздулись, готовые к удару, в глазах заплясала злость.

– Подожди! – вскрикнула Пандора, – Не надо! Прошу, Крэг-хан, успокойся! Эти хорошие люди дали нам кров и накормили. Не стоит ссориться из-за пустяков!

Ярость во взоре поутихла, злость отпустила, Крэг-хан ощутил, как раздражение уходит прочь. С чего вдруг он так взъелся на безобидного путника?

Взгляд! Вот что задело. Взгляд полный обожания, который монах кинул на Пандору. А сейчас опять! Как толь-

ко взор мужчины переместился на девушку, в нем загорелось тепло и нежность. Крэг-хан ощутил... укол ревности? Ярость новой волной прокатилась по телу.

Варвар рыкнул, развернувшись, дождь поглотил его своей пеленой. Девушка смотрела вслед со страхом и сожалением.

Хилон попытался было снова завязать разговор, но Пандора отвечала односложно, ее голова повисла, слова звучали еле слышно. Монах постелил поодаль одеяло, отвел девушку к ложу. Пандора улеглась, зарывшись в одежду с головой, через минуту она уже спала.

У костра остались лишь два друга. Кохиос посмотрел на монаха.

– Не стоит злить варвара, друг мой. Я знавал таких, закипают в момент. Если бы не девушка, ты нарвался бы на драку.

– Я знаю, – улыбнулся Хилон.

Он выдохнул с облегчением. Северянина не испугался, но к такому напору и быстрому развитию событий оказался не готов.

«Старею», – решил монах.

Кохиос отправился спать, а Хилон сидел, вглядываясь в темноту. Гроза ушла стороной, дождь затихал.

Варвар заявился, когда Хилон уже вовсю клевал носом. Вошел, вода стекала ручьями, в руках – длинная толстая ветвь. Усевшись у костра, северянин принялся обтесывать один конец ветки, заостряя его.

Хилон наблюдал, как палка постепенно превращается в

кол. Наконец, не выдержал.

– Что ты делаешь?

Крэг-хан глянул, как на слабоумного, монах действительно ощутил себя дураком.

– Хорошо, спрошу по-другому. Зачем тебе кол?

Варвар деловито осмотрел результаты трудов, острие кола нырнуло в огонь, равномерно опаливаясь.

– Зачем вы разожгли костер? – в свою очередь мрачно поинтересовался Крэг-хан.

Теперь уже Хилон глянул с раздражением.

– Хорошо, спрошу по-другому. Как вы собираетесь справиться с медведем?

– Каким медведем?

– С тем, чьи следы у входа. И который спит в глубине пещеры.

Зверь спал глубоко, вольготно. Он не видел снов в людском понимании слова, сознание блуждало в собственном, медвежьем краю.

Не самый крупный экземпляр, что, однако, не помешало зверю дожить до преклонных лет, победив за долгую жизнь многих высоких и могучих конкурентов. Он брал не силой и мощью, а невероятной яростью и напором.

Сон медведя не потревожили ни далекие голоса, ни ржание лошадей. Но вот чего зверь не переносил – дыма. Этот белый вонючий ветерок проникал везде, мешал спокойно дышать, нос подергивался от мерзкого запаха. Медведь

всхрапнул разок, другой, перевалился на бок. Глаза зверя открылись, в них сверкнули злоба и раздражение.

Опять эти мелконогие белокожие зверьки! Как они посмели нарушить сон! Вторглись на чужую территорию, смердят дымом!

Он вскочил, шерсть стала дыбом, огромные клыки оскалились, возмущенный рык сотряс стены пещеры.

Кохиос вскочил в страхе, возницы метались с оружием наперевес, лошади беспокойно ржали на привязи. Девушка вскрикнула, прижавшись к стене. Хилон вскочил, расставив руки и приготовившись к драке. Во всеобщей суматохе спокойным выглядел лишь варвар.

Крэг-хан медленно поднялся, взвешивая кол в руке. В другой полыхал факел.

– Купец! Выводи лошадей! – рявкнул он.

Кохиос согласно закивал, раздавая указания возницам.

– Ты! – варвар повернулся к монаху, – Позаботься о девушке!

Хилон усмехнулся тону приказа, но против содержания не протестовал. Метнулся к не до конца проснувшейся Пандоре, рывком вскинул на ноги.

– Крэг-хан! – воскликнула она, протягивая руку.

Варвар бросил в костер остатки дров, пламя взвилось в человеческий рост, темный силуэт истаял на его фоне.

– Ждите снаружи! – голос северянина заметался меж камней, – Вы мне ничем не поможете!

Хилон вытащил девушку наружу, она шла неохотно, хорошо хоть не сопротивлялась.

Дождь поутих, оставив после себя знатные лужи, сырость и мерзкая прохлада витали в воздухе. Тучи ушли, оставив после себя обычное ночное небо с россыпью звезд. Где-то позади, за скалами, виднелась почти полная луна.

Лошадей отвели подальше, Кохиос и возницы сгруппировались возле повозок. Хилон подбежал, поддерживая Пандору.

– Лезьте на скалы! – приказал он, – Там медведь не достанет.

«По крайней мере сразу», – добавил про себя.

Возницы бросились к стене без понуканий, Кохиос с сомнением оглядел телеги.

– Зверь тут все разнесет, если выберется, – с превеликим сожалением проговорил купец.

– Зато ты жив останешься! – рявкнул Хилон, подталкивая друга в спину.

Кохиос стоял, нелепый, испуганный, мокрый. С бесполезным мечом в неумелых руках. На лице отобразились тяжкие раздумья, он явно подсчитывал возможные убытки.

Наконец, приняв решение, купец раздосадовано махнул рукой.

– Давай-давай! – подначивал Хилон.

Кохиос вцепился в камень, с трудом вскарабкавшись наверх.

– Помоги!

Купец свесился, рука схватила тонкую ладонь девушки. Рывок – и Пандора враз оказалась на вершине.

– Эй! Хилон! А ты куда? – закричал купец, видя, что друг не намерен карабкаться следом.

– Помогу варвару, – бросил тот.

– Ты спятил!...

Хилон больше не прислушивался к крикам. Он обязан помочь, даже если это целиком бессмысленно. С сожалением посмотрел на руки – не догадался забрать у купца оружие. Ладно – схватил подходящий булыжник.

Монах бросился к пещере, пока запал храбрости не иссяк. Он специально не обдумывал действия и план битвы, иначе точно не решился бы на подобное безумство. Главное ввязаться в бой, а там боги подскажут, что делать.

Яростный звериный рев вырвался из пещеры. Боль, злость и запредельная громкость заставили Хилона вздрогнуть. Он застыл, как вкопанный, волосы на голове встали дыбом. Глянул наверх, смелости чуть прибавилось – остальные от жути уселись прямиком в лужу.

Крэг-хан стоял в узком проходе, стараясь укрепить кол в наклонном положении. За спиной ярко горел костер, в руке факел – когда зверь появится, он будет ослеплен светом. Варвар отчетливо слышал недовольное ворчание медведя чуть дальше в пещере, звук приближался неумолимо.

Кол встал между камней, острие направлено в проход. Хорошо, хоть и придется дополнительно удерживать руками.

Теперь главное раззадорить зверя, чтобы он бросился вперед без оглядки.

Как раз в это время морда медведя появилась на самом краю освещенного пространства. Крэг-хан бросил беглый взгляд – зверь не крупный, но свирепый, клыки, налитые кровью глаза, тяжелое дыхание.

Не дожидаясь атаки, варвар быстро пробежал несколько шагов навстречу, факел взметнулся, пламя резко ударило в морду зверя.

Медведь отпрянул, лапища махнула, когти пронеслись в опасной близости от человека. Пахнуло паленым мясом, варвар бросился бежать, зверь яростно рыкнул и кинулся следом.

Крэг-хан прыгнул на камень, вцепившись в дерево – лишь бы кол устоял, лишь бы не завалился. Медведь бросился за обидчиком, ослепленный огнем и злостью, не различая преград. Зверь напоролся на кол, насаживая себя самого, острие пронзило грудь, но дерево не выдержало напора, раздался треск, медведь со всего размаха влетел в стену. Рев, полный боли и ярости, сотряс пещеру, Крэг-хан подскочил, как подброшенный, его спина повернулась к костру, языки пламени едва не лизали кожу.

Зверь ранен, скорее всего смертельно. Но косолапому все еще хватит сил и решимости прикончить обидчика, а заодно и его друзей.

Медведь обезумел от ярости, боль жгла грудь, лапу чув-

ствительно приложило об камень. Белокожий зверек маячил впереди, медведь кинулся в смертоносную атаку. Лапы зверя почти схватили наглеца, челюсти готовились рвать вражескую плоть, но в последний момент добыча ускользнула, медведь на полном ходу влетел в огонь.

Еще более безумный рев вырвался из глотки. Ярость зверя зашкалила, в ней растворилась боль, отключились инстинкты. Он готов был рвать всех подряд, без разбора, лишь бы выплеснуть наружу невероятное звериное бешенство.

Крэг-хан обрушил на морду медведя кистень, метя в глаз. Гнев зверя волшебным образом передался варвару, в душе закипала знакомая злость. Он успел ударить трижды, прежде чем медведь вновь атаковал. В руке Крэг-хана блеснул нож, издав дикий вопль, он бросился на зверя.

Хилон подбежал ко входу пещеры, когда новый рев, полный бешенства, вырвался наружу. Монах оцепенел, ноги сами собой сделали шаг назад.

Никогда и никого он не боялся, но сейчас... Первобытный ужас зародился в душе, липкими щупальцами хватаясь за внутренности. Руки и ноги стали мягкими, ватными, в голове застучал молот, пальцы дрожали, пот выступил по всему телу.

Там, в пещере, чудилось нечто неодолимое, страшное, от чего нет спасения и нет шансов на победу.

Хилон сжал зубы, прикусив губу, воздух с шипением вырвался из легких. Мрачная обреченная ухмылка сменила

гримасу страха, мужчина через силу сделал шаг. Второй шаг дался легче, монах заставил себя подойти ко входу.

Но тут остатки мужества покинули Хилона, он вскрикнул и попятился, потому что из пещеры, медленно передвигая лапы, на четвереньках выбрался медведь.

Он был ужасен: шерсть дыбом, вместо морды – кровавое месиво, глаз будто бы нет, пасть разинута, дышит с трудом. Хилон стоял напротив зверя, не в силах пошевелиться.

Пандора не могла отвести взгляд от безумного зрелища: дикий, разъяренный хищник, высматривающий добычу и бесстрашный безоружный монах, противостоящий ему. На что он рассчитывал? Как собрался победить чудовище?

Вдали сверкнула кривая молния, в ее свете девушка увидела рядом со зверем силуэт варвара. Раскаты грома накрыли зрителей, Крэг-хан нагнулся, рука ухватила нож, торчащий из шеи медведя. Северянин выдернул оружие, последний выдох вырвался из пасти зверя, лапы подкосились, туша рухнула к ногам варвара.

– Мертв? – просипел монах.

Крэг-хан кивнул, отойдя от туши подальше. Его лицо и торс заливала кровь, к счастью, медвежья.

Хилон отвернулся и отошел к скале, помогая Кохиосу и Пандоре спуститься. Небывалое прежде облегчение накрыло монаха с головой, он словно заново родился.

Купец подошел к варвару.

– Признаться, я испугался до усрачки, – руки Кохиоса

дрожали, – Никогда не видел, чтобы медведя завалили с ножом в руках.

– Ну а теперь увидел, – буркнул Крэг-хан.

Пандора скользнула со скалы, Хилон поймал девушку, она невольно оказалась у монаха в объятьях. Мужчина сполна оценил хрупкость и беззащитность девушки, сам себе показался несокрушимым на ее фоне.

– Крэг-хан! Ты цел? – вырвалось у Пандоры, едва она коснулась земли.

Варвар мрачно глянул на нее, девушка только сейчас ощутила чужие руки на талии, резко шагнула в сторону, отстранившись от Хилона.

Крэг-хан рыкнул по-звериному сквозь оскаленные зубы и пошел прочь, спускаясь к ручью.

Пандора кинулась было следом, но Хилон остановил ее.

– Подожди, не ходи, – мягко проговорил он, беря за руку, – Поверь, ему нужно немного побыть одному. Сейчас твой друг не в себе, слишком много ярости, боевое бешенство не схлынуло.

Хилон посмотрел вслед северянину и с сожалением добавил:

– Убить зверя может только другой зверь.

Крэг-хан долго плескался, смывая с себя звериную кровь. Ручей ниже по течению окрасился красным. Вместе с кровью уходила и злость.

Варвару даже стало жалко медведя. Он словно дальний

родич – такой же дикий, свободный, не склонившийся ни перед кем. Бился до последнего вздоха и погиб, сражаясь. Достоянная жизнь, гордая смерть.

Крэг-хан поднял голову, глянув на пещеру. Жаль, что напугал Пандору, рычал на нее, будто животное. Он никогда не причинил бы вреда девушке, просто горячка боя не прошла, а тут еще этот монах... Рассудок варвара на миг помутился, он потерял контроль.

Северянин сполоснулся, холодная вода придала свежести уставшему телу, в голове прояснилось, мысли потекли легко и четко.

Он извинится. Прямо вот сейчас поднимется, подойдет к Пандоре, да прямо так и вывалит.

«Прости, я накричал на тебя. Это неправильно.»

Крэг-хан вертел слова так и эдак, но ничего умнее не придумал. Да, так и скажет.

Приняв твердое решение, варвар поднялся. Пробравшись между камней, забрался ко входу в пещеру. Путники сидели здесь, возле телег горел новый костер, пройти внутрь пещеры мимо медвежьей туши никто не отважился.

Лицо варвара посуровело, челюсти сжались, желваки заходили ходуном. Пандора сидела у костра, рядом с ней – монах. Мужчина как раз протягивал девушке чашку горячего чая, та с благодарностью приняла напиток. Они о чем-то тихо заговорили.

Все извинения улетучились из головы Крэг-хана, будто их

и не было. Секунду он стоял, не зная, на что решиться. Потом прошел мимо, рука ухватила одеяло, глаз выбрал место поудобнее, варвар растянулся на земле. До рассвета несколько часов, можно немного отдохнуть.

Пандора заметила северянина, когда он прошел мимо. Вскинулась, проводила тревожным взглядом. Когда он улегся, девушка хотела подойти, поговорить. Но Крэг-хан показался таким далеким, уставшим, неприступным, что не решилась тревожить.

Хилон смотрел на Пандору во все глаза. От него не укрылся взгляд, кинутый девушкой на варвара. Сердце монаха предательски екнуло, потому что в этом взгляде он прочитал тревогу, обожание и любовь.

Кохиос спал чутко, ворочался с боку на бок, во сне приходил медведь, да не один, а со своей родней. Звери окружили Кохиоса, он пытался убежать, но ноги заплетались, земля не держала. Один из медведей вцепился в плечи купца, тряс и рычал...

– Вставай, Кохиос! Проснись!

Купец открыл глаза, вскрикнув. Чертов сон! Над ним склонился Хилон, он то и дергал за плечо.

– Плохой сон? Ты стонал.

– Чертов медведь... – пожаловался купец, поднимаясь.

– Пора собираться.

Кохиос спустился к ручью, омовение в ледяной воде привело в чувство, но хорошего настроения не прибавило.

В лагере во всю шли сборы: возницы запрягали лошадей, собирали немногочисленные пожитки. Туша медведя по-прежнему горой лежала возле входа в пещеру, никто не осмелился прикоснуться. Кохиос взглянул на варвара – тот словно забыл про давешнего врага.

– Кхм... Северянин... – пробурчал купец с намеком на почтительность, – Вы с девушкой можете ехать с нами.

Крэг-хан кивнул, будто услышал нечто само-собой разумеющееся, его котомка уже лежала на одной из телег.

Пандора не находила себе места. Ей очень хотелось поговорить с Крэг-ханом, узнать, как он себя чувствует. Но варвар с самого утра ни секунды не сидел без дела: помогал управляться с лошадьми, вывозить телеги на дорогу, перекладывать вещи. Девушка жаждала его внимания, схватить за руку, заглянуть в глаза. Но... стеснение и испуг не позволяли выполнить задуманное. К тому же она не могла подобрать нужных слов... Оставалось только кидать в его сторону робкие взгляды, да замирать, когда северянин проходит мимо.

Летнее солнце быстро осушило лужи, хотя почва все еще оставалась влажной. Деревья после дождя стояли довольные, трава на глазах увеличивалась в размерах, птицы щебетали, радуясь свежему утру. Пандора посмотрела на ярко-голубое небо, мечтательная улыбка разукрасила лицо девушки.

Наконец, общими усилиями повозки вывели на дорогу. Кохиос, как глава каравана, уселся в первой. Пандора с Крэг-

ханом заняли место в следующей. Хилон, к явному неудовольствию купца, присоединился к девушке.

Крэг-хан устал. Слишком много событий за последние дни, сплошные битвы, а отдохнуть удалось лишь несколько часов. К тому же он чувствовал себя не в своей тарелке рядом с монахом. Хилон был таким умным, чутким, обходительным... Не то что варвар.

Беседа Пандоры с монахом текла легко и беспрепятственно, как весенний ручеек по проталинам. Крэг-хану оставалось только удивляться, как у них получается обсуждать все подряд. Казалось, попутчики могут говорить на любую тему: то про погоду, то про торговлю, то про встречного всадника, да и еще на сотню разнообразных тем.

Вот Пандора заметила у обочины розовый цветочек, вспомнив, что в детстве возле дома росло много таких. Хилон тут же подхватил тему, рассказав о растении, что на самом деле это сорняк, который все фермеры пытаются извести. Объяснил, как он растет, как опыляется... даже заумное название выдал, заставив девушку рассмеяться. А Крэг-хан? Молчал, чувствуя себя неловким деревенским увальнем. Пандора обернулась, спросив, нравится ли ему цветок, а он только и смог выдавить из себя мрачное «угу».

Девушка честно пыталась втянуть северянина в разговор, но Крэг-хан словно язык проглотил. Отвечал односложно, бурчал. Когда вставлял слово, получалось как-то нелепо, не попад.

Варвар ощущал... нет, не гнев, не злость. Зависть! Он искренне позавидовал монаху, у которого язык подвешен, что надо. Как красиво и складно он заливает, Пандора слушает, раскрыв рот, то и дело раздается смех, шутки летают с одной стороны на другую.

Крэг-хану быстро надоело вслушиваться в чужие речи, он спрыгнул с телеги, возница следующей чуть сдвинулся, пропуская варвара к себе. Северянин кинул под голову мешок и, откинувшись назад, задремал, не обращая внимания на скрип колес и постоянную тряску.

Пандора поглядывала на варвара, но так и не могла придумать, как с ним заговорить.

– Это твой муж или возлюбленный? – спросил Хилон, перехватив очередной взгляд.

– Что? Нет! – Пандора смутилась и покраснела, – Я не замужем! Мы с Крэг-ханом просто...

Разговор прервал Кохиос весьма бесцеремонно подозвав к себе монаха. Хилон пересел на ведущую телегу, не скрывая раздражения.

– В чем дело, друг?

– В тебе, Хилон! – яростно зашептал купец, – Или ты думаешь, я не вижу, что ты делаешь?

Монах задумчиво почесал подбородок.

– А что, по-твоему, я делаю?

– Не строй из себя дурака! Я предупреждал тебя не злить варвара! А ты напрямую подкатываешь к его женщине!

– С чего ты взял, что Пандора – его женщина? Она так не считает.

– Ба! Девчонка может думать что угодно. Главное, что в голове у северянина! Ты, похоже, витаешь в облаках, не замечаешь ничего вокруг. А я видел взгляд варвара, и это взгляд собственника!

Хилон замолчал, сидя с задумчивым видом.

– Знаешь, Кохиос, эта девочка... Возможно, первая, кого я полюбил за многие годы. Вот так – сразу и бесповоротно. Неужели ты думаешь, что я оставлю Пандору и отойду прочь только потому, что какой-то варвар считает ее своей?

– Первая говоришь? Какой-то варвар? – взъелся купец, – Ну а Крэг-хан первый, кто на моих глазах убил здорового дикого медведя! Один! Ножом!

Монах грустно посмотрел на своего друга.

– Будем надеяться, что я умнее медведя.

Глава №8

Путешествие продолжалось большую часть дня, без перерыва. Телеги ехали медленно, возницы берегли силы лошадей. Колеса скрипели, местность практически не менялась: зеленые луга с небольшими вкраплениями деревьев, где-то вдалеке виднелся лес.

Кохиос восседал на головной телеге, Хилон оставался рядом с другом. Крэг-хан ехал на замыкающей, Пандора сучала в середине каравана. Никакого другого занятия, кроме как дремать, лениво поглядывая на дорогу, девушка не придумала.

На ночлег Кохиос решил остановиться на постоялом дворе неподалеку от Пирея. По задумке купца караван не будет заезжать в город, зато завтра можно попробовать добраться до Афин за один дневной переход.

Большие телеги не помещались на огороженном подворье, Кохиос провел караван чуть дальше, остановившись на специально отведенной для этого площадке неподалеку от постоянного двора. Повозки встали треугольником, распрягли лошадей, внутри импровизированной ограды заплясал костер.

Пандора сидела за столиком в трактире, ее не покидало чувство одиночества и обреченности. На столе накрыта

нехитрая снедь, вкусные запахи долетают до носа, ложка лениво ковыряется в тарелке, но аппетита совсем нет. Вокруг тихий говор постояльцев, смех выпивох, обычные звуки таверны.

Крэг-хан увел ее из каравана, едва они остановились, даже попрощаться с купцом не соизволил. На постоялом дворе он снял комнату с двумя кроватями, купил девушке ужин и строго-настрого наказал никуда не уходить.

– Я доберусь до Пирея, куплю лошадей, – прокаркал варвар, – Завтра продолжим путь верхом. Скоро вернусь!

И вот девушка осталась одна, но даже тени былой уверенности не сохранилось. Радужная жизнь, что представлялась, пока она жила за стенами усадьбы Эсхина, оказалась на поверку совсем другой. Разбойники, головорезы, да и просто дикие звери только и ждали, пока одинокая девушка появится в их поле зрения.

Пандора опустила глаза, стараясь не привлекать внимания. Через силу запихала в себя остатки трапезы. Ей хотелось пить, но смелости подойти к стойке не хватило. Казалось, вокруг если и не враги, то точно недоброжелатели.

Девушка седьмым чувством ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Пандора подняла голову, сердце забилось радостней, страх и настороженность отступили, улыбка помимо желания заиграла на губах – у входа в трактир стоял Хилон, глядя на нее теплым взглядом. Пандора призывно махнула рукой.

Хилон облегченно вздохнул, входя на постоянный двор. Путешествие утомило больше, чем он предполагал. Все неровности дороги отстучали чечетку по его пятой точке, а непрерывный скрип колес едва не свел монаха с ума.

Дверь приоткрылась, пропуская его внутрь, Хилон шагнул и застыл на месте, увидев Пандору. Он глядел на нее, как в первый раз, заново поражаясь красоте.

Она сидела скромно потупившись, взгляд блуждал по полупустой тарелке. Водопад темных волос укрыл шею и плечи, тонкие брови насуплены, нос смешно морщится, пухлые губы сжаты, лицо грустное. Держится ровно, стройное тело напряжено, тонкие руки двигаются, как деревянные.

Напугана, смущена. Но так она показалась монаху даже более женственной, захотелось подойти, утешить, защитить от всех страхов и тревог мира. Определенно, если девушка и не Афродита, то либо ее сестра, либо дочь!

Сзади раздался возмущенный оклик, в спину прилетел ощутимый тычок, Хилон очнулся и, наконец, соизволил освободить проход.

Он от природы был общительным, стеснительность или робость никогда не входили в число присущих ему недостатков. Но сейчас, перед лицом такой красоты, Хилон опешил. Как он подойдет, какие слова окажутся по вкусу богине?

Пандора подняла взор, ее взгляд встретился с взглядом монаха. Девушка явно обрадовалась, взмахнула рукой.

Хилон улыбнулся. Такая возможность выпадает раз в жиз-

ни, а может, и еще реже! Он будет самым большим глупцом, если упустит свой шанс.

Монах подошел, приветствие само слетело с языка, дружелюбная улыбка тронула губы, тело склонилось в почти-тельном поклоне. Девушка ответила, завязался разговор, и Хилон возликовал.

Если внешностью девушка походила на Афродиту, то разумом не уступала самой Гере! Монах ощутил, будто нашел недостающую часть себя, вторую половину. Общие интересы, схожие взгляды, неумолкающая ни на минуту беседа, где Хилон черпал для себя все новые, удивительные грани ее характера. Мысли Пандоры восхищали, монах не мог отделаться от чувства, что ни с кем ему не было так интересно за последние... долгие годы жизни.

Определенно, в эту девушку можно влюбиться! Что он, похоже, не преминул сделать.

Две лошади галопом влетели на постоянный двор. Крэг-хан выбрался из седла, поводья послушно легли в ладонь. Второй скакун, без наездника, выглядел посвежее. Ничего, за ночь отдохнут, восстановят силы, а завтра сильно спешить не придется.

Варвар провел лошадей на конюшню, сунул служке монету. Глаза округлились, когда тот увидел размер своей платы. Сонливость тут же слетела с паренька, он мигом развил бурную деятельность. Убедившись, что лошадям обеспечен безукоризненный уход, Крэг-хан направился в общую залу.

Скинув плащ, варвар протиснулся в дверь. Гремела музыка, постояльцы веселились во всю, никто не обернулся, не заметил нового гостя. А Крэг-хан еле устоял на ногах, сердце дало сбой, на невообразимо долгий миг замерло, прежде чем стучать дальше.

Пандора танцевала, весело прыгая в такт музыке. Напротив выплясывал монах, проклятый Хилон.

Рука мужчины обнимала тонкий стан девушки, лежала чуть ниже узкой талии. Ладони Пандоры покоились на плечах Хилона, ее лицо покраснелось, радостная улыбка не сходила с губ. Веселый ритм музыки подхватил счастливую пару, они унеслись, вращаясь, в дальний конец зала.

Крэг-хан чуть сместился, темная ниша приняла в свои объятия, занавеска скрыла от глаз. Кулаки сжались, в груди горел пожар, он наблюдал.

Танец закончился, мужчина усадил Пандору за столик. Он держал ее за руку, а девушка и не подумала отстраниться. Завязался разговор, она жадно ловила слова собеседника, смеялась шуткам. Мужчина, в свою очередь, внимательно слушал речь Пандоры, а потом, внезапным порывом, губы поцеловали ладонь девушки. Ее щеки зарделись, глаза наполнились нежностью, она быстро чмокнула Хилона в щеку.

Голова варвара пошла кругом. Его женщина поцеловала другого! Не в силах больше выносить этого зрелища, он вихрем вылетел на улицу.

Моросил дождь, холодные капли приятно освежали. За-

кипящая ярость варвара едва не вырвалась наружу, лишь невероятным усилием воли удалось удержать себя в руках.

Больше всего Крэг-хан сейчас хотел ворваться в трактир, в ярости перевернуть столы, выпустить кишки наглому монаху, чтобы изменница ужаснулась и признала вину. А потом – убить и ее! Потому что такая женщина недостойна жить.

Почему недостойна – варвар объяснить затруднялся. Его никогда не воротило прочь от ночных бабочек, припортовых девок, торговавших своим телом. Да что там, он и сам к ним, бывало, хаживал. С улыбкой смотрел на жен, что гуляют на стороне, пока муж в отъезде. Но здесь, теперь... Когда дело коснулось его лично... Крэг-хан не мог вынести предательства.

Но кинуться внутрь означало вновь поддаться своему животному гневу.

Во-первых, этим он показал бы, что Пандора ему небезразлична, что он сходит с ума. Такого гордость варвара допустить не могла. Мужчина должен идти один, с высоко поднятой головой, к своей неведомой цели. А пресмыкаться и бегать за юбками – удел глупцов, либо юнцов.

Во-вторых, противно идти на поводу ярости. Впервые за много лет варвар сумел победить внутреннюю злобу, пусть и благодаря Пандоре. Сдаться сейчас – значит проиграть вдвойне.

А в-третьих... Дождь омывал лицо, а перед глазами до сих пор виделось счастливое лицо девушки, когда она танцевала,

когда смотрела на монаха. Ее непринужденный смех, неприкрытая радость, тепло во взгляде... Смог бы Крэг-хан так осчастливить ее? Достоин ли он Пандоры? Сердце варвара сжалось от этих мыслей.

Он принял решение.

Мальчик-слуга в изумлении отпрянул, когда варвар вбежал на конюшню. Быстро снарядив только-только обихоженную лошадь, Крэг-хан запрыгнул в седло, пятки ударили по бокам, скакун вылетел на дорогу и помчался прочь.

Пандора забыла о времени, давно ей не было так хорошо и интересно. Беседа с Хилоном приносила неслыханное удовольствие. Мужчина слушал с неподдельным интересом, вникал в слова. Впервые за долгое время Пандора нашла того, кто принимал ее мысли без всяких скидок и условий. Когда же мужчина отвечал, слова казались на редкость мудрыми, полными скрытых значений.

Они танцевали и это так здорово! Пандора веселилась от души, Хилон оказался неплохим танцором, он разбирался в еде и винах, его шутки заставляли смеяться и, что редкость, никого не обижали.

«Где же Крэг-хан? – оглянулась девушка, – Он пропустит все веселье!»

Но уже в следующий момент тень сомнения пробежала по лицу. Понравилось бы варвару тут? Нашел бы он общий язык с Хилоном? Радовался бы шуткам? Пандора закусила губу.

Эй представился Крэг-хан. Могучий, величественный, необузданный. Такой ни перед чем не остановится, будет сражаться за свою мечту до самой смерти. Не преклонит колени, не сдастся. И красивый... Дикой, звериной красотой, будто тигр или лев, изготовившийся к прыжку.

А Хилон? Мысль пришла неожиданно и поразила ее своей простотой. Вот же он, рядом, такой живой, заботливый, непосредственный. В нем тоже ощущается сила, не только внешняя, но и глубинная, внутренняя. Он старше, но все также хорош собой, возраст, казалось, лишь прибавил опыта и разума, ничего не отняв взамен.

Чем больше Пандора смотрела на мужчину, тем больше в ней поднималось нежности, симпатии, чувства горячей признательности.

Словно почуяв сомнения, Хилон внимательно посмотрел на девушку.

– Что-то не так? Может, хочешь отдохнуть?

Ну вот, разве Крэг-хан сказал бы так? От него только и слышно: «Пошли!» да «Стой!». Может, ему и вовсе не интересно, что на душе у подруги?

Пандора улыбнулась кавалеру, вечер продолжался.

Скорей бы пришел Крэг-хан, а потом... Что будет потом Пандора не могла придумать. Она должна уйти с варваром, но не может даже подумать, чтобы оставить Хилона... От этих мыслей разболелась голова.

«Будь что будет!» – решила девушка.

Хилон был обескуражен. Вечер прошел идеально, он наслаждался каждым мгновением, проведенным вместе с Пандорой. В какой-то момент на лицо девушки набежало облако сомнений, она, несмотря на все его попытки растормошить, погрузилась в тяжелые раздумья.

«Разве я чем-то обидел? – ломал голову Хилон, – Нет. Тут дело в другом!»

Он пытался разговорить, вернуть прежнее веселое настроение, но все втуне. Девушка помрачнела еще больше, а потом и вовсе ушла в свою комнату, сославшись на усталость. Хилону не оставалось ничего другого, как проводить ее до дверей.

Неужели она любит Крэг-хана? Может, Кохиос прав, и монах совершенно напрасно влез в чужие отношения? От этих мыслей Хилон поморщился, по спине пробежал холодок. Кем бы она не была, какими бы обязательствами не связана, он не отступится! Монах прожил достаточно, чтобы понять, что за любовь приходится биться, во всех смыслах этого слова.

В памяти всплыли слова торговца, услышанные недавно в Коринфе: «Кто знает, может совсем скоро ты встретишь ту, кому захочешь сделать достойный подарок?»

«Как в воду глядел! – подумал Хилон, улыбнувшись, – Но где теперь тот торговец со своими побрякушками?»

Крэг-хан скакал всю ночь. То подгонял коня в галоп, то позволял пойти рысью. Лунного света едва хватало, чтобы

различать дорогу, но мысли варвара настолько смешались, что он не мог думать об опасностях ночного путешествия. Главное – как можно быстрее увеличить расстояние между собой и Пандорой, словно это могло защитить душу от тягучей, разрывающей боли.

Перед самым рассветом остановился возле ручья, небольшой отдых необходим и животному, и наезднику. Он прошелся пешком, ведя коня под уздцы. На вершине невысокого холмика позволил себе обернуться.

Брови варвара грозно нахмурились, с языка сорвалось проклятие. Рука до боли сжала рукоять ножа, а сердце защемило вдесятеро сильнее, чем раньше. Крэг-хан вспорхнул в седло и погнал коня назад, выжимая из скакуна остатки сил. Потому что на горизонте, на месте, где должен находиться постоянный двор, в ночной темноте даже с такого расстояния хорошо виднелось зарево пожара.

Крэг-хан не обманывал себя. Это не отблеск костра и не причудливая игра света. Именно пожар, а значит горит трактир. А значит – поджог. А значит – нападение. Сердце болезненно сжалось, но он отогнал слабость. Сейчас понадобится сила, пригодится ярость, поможет даже злость. Пятки варвара застучали по бокам лошади.

Хилон пробудился, заслышав лязг оружия. Он вскочил, показалось, что зрение изменяет – пламя вырывалось из окон постоянного двора, люди разбежались, служки пытались вывести лошадей из конюшен. Темные тени мелькали на фо-

не огня, слышались крики ярости и боли, стоял гул, звон, тарарам. Царил полнейший хаос.

Он кинулся к телегам – Кохиос лихорадочно запрягал, чтобы отвести драгоценный груз подальше.

– Что случилось? – заорал Хилон, – Это что, набег?

– Хуже! – отмахнулся купец, – Это хуже варваров, хуже персов! Разбойники! Я же предупреждал! Может, те самые каннибалы!?

Хилон грозно нахмурился, шагнув к трактиру. Кохиос схватил за руку, попытался вразумить.

– Стой! Не ходи! Не полезем, и нас не тронут! Сам видишь – трактирщик воспротивился, и вот что вышло! – купец смотрел на монаха почти умоляюще, – К тому же ты безоружен!

Хилон остановился в сомнении. Вдруг его как молния ударила.

– Пандора! – воскликнул монах, позабыв обо всем.

Не обращая внимания ни на что, он кинулся к постоялому двору.

Навстречу выбежал полуголый мужик, в одной руке – меч, в другой – факел, на лице тупая радость и безумие.

Монах легко ушел от неловкого удара, руки ухватили голову противника, резкое усилие, хруст – безжизненное тело валится у ног.

– Хилон! – крик поневоле заставил обернуться.

Кохиос взобрался на задок телеги, его рука бросила что-

то тяжелое. Глаза монаха уловили блеск стали, ладонь привычно ухватила рукоять. Отсалютовав купцу мечом, Хилон бросился дальше.

Он подбежал к главному входу, но пламя не позволяло по-пасть внутрь. Заслышал стук копыт и крики – большой отряд конницы скакал прочь, на привязи остались лишь несколько скакунов.

Бросился к окнам, встретились двое вооруженных, одежда в крови, на лицах – безумие. У одного в руке – факел и промасленная ветошь.

– Вы что творите, скоты! – взревел Хилон.

Мечник ослабилась, взявшись за оружие. Хилон убил его походя, проткнул горло, пока тот замахивался. Второй бросил факел и подступил, размахивая клинком. Ему хватило двух ударов – по руке и по шее. Убивать подонков оказалось легко – их мастерство оставляло желать лучшего.

Хилон побежал вдоль окон, заглядывая в зал трактира. Везде видел одно и то же – огонь, тела, кровь, полнейший разгром. Труп трактирщика возле самого входа.

Обежал здание, встретился еще один головорез, Хилон заколол его на бегу. Ринулся к заднему ходу, жар едва позволял протиснуться в дверь. Только влетел внутрь, как встретил двух кабатчиков – запомнил их со вчерашнего вечера.

– Куда! Сгоришь! – его схватили с двух сторон, выталкивая на улицу.

– Пандора! – закричал Хилон, будто это все объясняло.

Как ни странно, они поняли. Мужчина, державший за руку, встал лицом к лицу, крик отрезвил монаха.

– Никого! Живых! Не осталось! Только огонь!

Значение слов дошло медленно, Хилон как-то сразу обмяк.

– Друг! Друг! – увидев, что монах слушает, кабатчик направил его к выходу, – Успокойся, тут уже никого не спасти! Если хочешь помочь – бегом к колодцу! Мы пытаемся потушить пламя! Может, хоть что-то уцелеет!

Хилон выбрался наружу, вскоре к нему присоединились кабатчики. Жар становился нестерпимым, находиться даже рядом со входом было невозможно. Мужчины кинулись к колодцу, там уже толпился народ.

Ступор застиг монаха, все произошло слишком неожиданно. С минуту он стоял в глубокой задумчивости, потом бросился помогать.

Борьба с огнем длилась остаток ночи и почти все утро. Дело безнадежное, Хилон это понимал, все понимали, но никто не останавливался. Нужно что-то делать, беда объединила людей в редком слаженном единстве.

Второй этаж давно рухнул, дерево прогорело целиком. Пламя затихло только тогда, когда гореть стало нечему.

Хилон вытер пот, руки разболелись, мозоли сорваны, вся одежда в копоты, дым и запах горелого, казалось, пропитал насквозь. Монах подошел к колодцу, вода немного освежила.

Во двор кабака влетел взмыленный конь, на последнем издыхании. Из седла выскочил молодой черноволосый мужчина, кинулся к пожарищу. Пробежал вдоль черного остова, крик прорезал воздух.

«А вот и варвар, – апатично подумал Хилон, – Ты-то где был?»

Крэг-хан не верил своим глазам – постоянный двор спален дотла!

– Пандора! – крикнул он, потом развернулся к людям, – Девушка! Невысокая! Красивая! Где она?!

Его взгляд остановился на Хилоне, глаза недобро сощурились.

– Ты! Где Пандора!? – Крэг-хан угрожающе надвинулся на монаха.

– Ее нет... – мягко ответил Хилон.

– Ублюдок! Что ты с ней сделал!?

Хилон не ожидал такого напора, первый удар чуть не пропустил. Голова отклонилась сама собой, кулак просвистел возле уха, второй тычок монах отвел ладонью.

– Успокойся! – прокричал он, отталкивая варвара, – Остынь, парень!

Крэг-хан и не думал успокаиваться, ярость взяла верх над разумом. Он налетел на монаха, размахивая кулаками, Хилон перехватил удар. Резко вывернул руку, надеясь скрутить варвара, но тот, извернувшись, сделал кульбит через голову, оказавшись за спиной монаха. Хилон крутнулся, кулак при-

летел в плечо, ответная плюха смазалась по лицу северянина.

Хилон вдруг понял, что одолеть неистового противника будет непросто. Меч, одолженный Кохиусом, остался у коловца; ярость и сила варвара не позволяли обезвредить, не навредив. Можно убить или покалечить, но делать этого не хотелось. Да и по силам ли? Впервые за долгое время Хилон встретил достойного соперника. Варвару не хватало умения, но он с лихвой компенсировал необученность звериной прытью и ловкостью.

Крэг-хан атаковал. Монах отступал шаг за шагом, с трудом отводя удары. Наконец, Хилон поймал мощный выпад, рука попала в замок, противник пронесся мимо, умелый толчок развернул его почти на месте, небольшое усилие – варвар оказался над головой монаха! Бросок! Любой иной растянулся бы на земле, испуская дух, но Крэг-хан, как кошка, перевернулся в воздухе, приземлившись на четыре конечности. А уже спустя миг его ступня просвистела в опасной близости от носа Хилона – монах успел уловить сильный запах пота.

Неожиданная идея пришла в голову монаха. Он продолжал отступать, уворачиваясь. Вдруг, нога Хилона подвернулась, он пошатнулся, кулак Крэг-хана с силой вмазался в ухо.

Монах упал, кувыркнувшись в воздухе, тело рухнуло в придорожную канаву, расплескав кучу брызг. Тут же попытался вскочить, но поскользнулся, рухнув лицом в грязь.

Крэг-хан остановился. Ярость ушла, хотя злость никуда не делась. Он молча наблюдал, как монах осторожно выбирается из канавы – весь в грязи, мокрый и жалкий. Продолжать бой расхотелось.

Хилон поднялся, пытаюсь утереться. Это было непросто. на нем не осталось ни единого чистого пятнышка. Варвар застыл неподалеку, злое выражение не сходит с лица. Ну, хотя бы драться не лезет!

– Господин! – тихо произнес молодой кабатчик, подойдя ближе, – Вы спрашивали про девушку...

Две головы повернулись к нему, парень застыл в нерешительности.

– Говори! – рявкнул Крэг-хан, бедный пацан аж присел от страха.

– Рассказывай, парень, – мягко попросил Хилон, – Никто тебя не тронет.

Крэг-хан бросил на монаха неприязненный взгляд, но кивнул согласно.

– Перед тем, как начался пожар... как они подождгли... я видел! Десяток человек вбежали в трактир... открывали все комнаты... хозяин пытался остановить, а его – мечом!... они хватали девушек... а мужчин убивали...

– Куда их увели? – выспрашивал Хилон.

– Не знаю... Я спрятался, едва успел выпрыгнуть из огня.

– Что это за люди?

– Это... не люди... демоны! Они убивали просто так, ради

забавы.

– Разбойники?

– Наверное... Кто еще может творить подобное?

– Спасибо, парень! – Хилон повернулся к варвару, – Я думаю, Пандора жива!

Если бы взглядом можно было убивать, монах уже давно присоединился бы к мертвецам. Крэг-хан, не говоря ни слова, пошел к усталой лошади, сумка с припасами перекинулась с седла в руки.

– Я забираю его! – варвар взялся за повод коня, чьего владельца сразил Хилон ранее.

Крэг-хан не спрашивал дозволения, просто поставил в известность. Никто и не возразил, варвар запрыгнул в седло, конь сорвался с места, унося нового хозяина.

Хилон подошел к телеге, где Кохиос с интересом наблюдал за происходящим.

– Красивая драка, – сказал купец.

– Да уж, варвар задал мне жару, – монах сдергивал с себя грязное одеяние.

– Как-то подозрительно не вовремя ты поскользнулся, – заметил Кохиос, бросив приятелю чистую рубаху.

– Бывает... – усмехнулся Хилон, потирая синяк, расплывающийся за ухом.

Купец с изумлением наблюдал за своим спутником. Широкая одежда монаха скрывала фигуру, но сейчас, когда Хилон стянул робу, взору предстало тело воина. Поджарое, му-

скулистое, тренированное, без следа лишнего жира. Шрамы разной формы и размеров испещряли торс сверху до низу.

Хилон накиннул рубаху.

– Надеюсь, ты не против, если я оставлю эту штуку себе? – он крутнул мечом перед глазами.

– Ты решил выйти на тропу войны?

– Догоню варвара. Помогу спасти девушку. Это доброе дело.

– Поможешь, ага. А что потом?

– Потом? – Хилон ненадолго призадумался, – Посмотрим...

Он направился к лошадям, держа меч в руке.

– Эй, Хилон! – крикнул Кохиос вдогонку, – Помнишь мои слова насчет Эсхина? Я передумал! Пожалуй, поставлю на тебя!

Глава №9

– Извольте попробовать, досточтимый, – трактирщик подал блюдо с глубоким поклоном, – Лучшее жаркое в округе!

Эсхин благосклонно кивнул. Насчет округи он сомневался, но для этой дыры яства явно выше средней планки. Жаркое в глиняном горшке, свежее испеченные лепешки, фрукты, зелень, сносное вино и виноградный сок. Для завтрака более чем достаточно.

Он ел неторопливо, чинно, с сознанием собственной значимости поглядывая по сторонам. Трактир пустовал, немногочисленные посетители, завидев мрачную фигуру Эсхина, спешили убраться восвояси, вежливо раскланиваясь. А те, что решились позавтракать в общей зале, ели быстро, уставившись в тарелку, стараясь ни в коем случае не встречаться взглядом с мечником.

Такое положение дел Эсхина вполне устраивало. Он не любил толпу, громкие крики и гул разговоров. Завтракать приятно в относительной тишине и покое.

Потому, кстати, и выбрал не самое известное заведение в Пирее. Пусть здесь не так чисто и просторно, меню не блистает изысками, а музыкантов в зале и вовсе нет. Зато недостатки с лихвой компенсируют удаленность от центра, немногочисленность и старательность прислуги.

Конечно, хозяин сразу узнал правителя Сикиона, в распоряжении мечника тут же оказалась лучшая комната, задремавший было повар немедленно кинулся готовить запоздалый ужин, слуги носились с немногочисленными вещами гостя. Эсхин обмолвился о коне, трактирщик истово закивал, обещая, что к утру в распоряжении досточтимого будет великолепный скакун. Хозяин заикнулся было насчет девиц, Эсхин небрежно отмахнулся, того как ветром сдуло.

Ночь пролетела незаметно, Эсхин выспался, усталость отступила вместе с раздражением. Заканчивая завтрак, он решил, что когда будет в Пирее в следующий раз, определенно остановится здесь же.

Жаркое закончилось, мужчина допил сок, с удовлетворением откинувшись на удобном стуле. Подбежал трактирщик, осведомившись, не угодно ли еще чего.

– Спасибо за гостеприимство! – монета из блестящего металла брякнула о стол.

Хозяин согнулся еще ниже, с почтением забирая деньгу. Эсхин платил щедро, покрывая все издержки. Возможно, он один сейчас сделал постоялому двору месячную выручку.

Мечник поднялся, направляясь к выходу, трактирщик семенил перед ним, не разгибаясь. Возле дверей ждал оседланный конь, переметные сумки бугрились от продуктов, вещи поджидали владельца.

Мужчина взлетел в седло, благосклонно кивнул хозяину. Тот залепетал что-то о великой чести, но Эсхин не слушал.

Он не любил лести и подхалимства, хотя, что греха таить, иногда приятно осознать собственную важность. Пятки сжали бока лошади, не сказав ни слова воин выехал за пределы двора. Только когда пыль от копыт рассеялась, а всадник скрылся за поворотом дороги, трактирщик позволил себе распрямить усталую спину, морщины на лице разгладились, он воздал хвалу богам за то, что все закончилось благополучно.

Эсхин скакал по дороге прочь от Пирея, меч в ножнах привычно отбивал ритм по бедру, мысли невольно возвращались к поединку с варваром.

Мечник всегда ценил в людях силу, в мужчинах – способность постоять за себя, в воинах – искусность обращения с оружием. Уже давно он не встречал соперника, не то что равного, но способного хоть чуть приблизиться к собственному мастерству. Разум требовал не забывать о скромности, но все же – объективно – Эсхин считал себя лучшим мечником во всем известном мире.

«Пока какой-нибудь дерзкий зарвавшийся юнец не докажет обратное», – усмехнулся про себя воин.

Он отнюдь не тешился мечтами, вполне осознавал, что рано или поздно годы возьмут свое. Тело станет грузным, зрение слабым, реакция притупится, скорость сменится медлительностью, ноги будут еле передвигаться, а руки висеть плетью. Но сейчас то время казалось уделом далекого будущего, Эсхин чувствовал себя в самом расцвете сил, и более

того – богатая практика вывела мастерство мечника на новый уровень. Теперь воин мог побеждать с помощью опыта там, где раньше брал лишь грубой силой и скоростью.

И все же, поединок с варваром показал, что не стоит упиваться собственной непобедимостью. Излишняя самоуверенность и недооценка противника не приводят ни к чему хорошему. Вышел на бой расслабленным? Дрался вполсилы? Играл в поддавки? Едва не поплатился жизнью! Получил по заслугам!

Эсхин сморщился, глянув на левую руку. Перевязь уже не краснела, рана заживала, но последствия рассечения останутся надолго. Варвар оказался первым из долгой череды смельчаков, кто сумел ранить мечника. Вид собственной крови отрезвлял, сомнение враз слетело с небес на землю: раз можно ранить, значит можно и убить. А этого совсем не хотелось.

Варвар... Определенно талантливый паренек. Сила, скорость, ловкость – важные качества, но они есть у многих. Для бойца важно другое – воля, дух, бесстрашие. Все это Эсхин видел у противника сполна. Кроме того, северянин обладал жутким чутьем, он словно чувствовал поединок и врага. Интуиция в некотором роде окупала полную необученность. Только за счет невероятного чутья парень и смог противостоять опытному мечнику.

Впрочем, Эсхин не возлагал на варвара слишком больших надежд. Безусловный талант, но, если талант не развивать –

он бесполезен. Сколько таких одаренных видел мечник – десятки, сотни? Те, что считали, будто данное природой уже делает их выше других. Но правда в том, что обычный работага, имеющий пусть не самые выдающиеся задатки, зато вложивший в тренировки все силы – рано или поздно превзойдет любого талантливого лентяя. Лишь тонны пота и мозоли на руках от бесконечных упражнений делают из простого мечника – хорошего, а из хорошего – лучшего.

Да, варвару удалось ранить Эсхина и, что еще обиднее, уйти безнаказанным. Но то до поры.

«В следующий раз я его убью, – решил мечник, – Быстро и без выкрутасов.»

Мысли от поединка невольно вернулись к Саламину. Эсхин остался на острове в не самой приятной компании. К тому же ночью разразилась настоящая буря, он не успел убраться на материк, пришлось переждать непогоду в убогой деревеньке островитян.

Прямой опасности не было, на него смотрели со страхом, изгибались чуть не до земли в почтительных поклонах. Эсхин опасался подлого удара в спину, яда в пище или, того хуже, подцепить какую-нибудь заразу в этом рассаднике. Он провел ночь, не смыкая глаз. Едва рассвело и позволила погода, как мечник тут же сел в лодку, направив ее в сторону Пирея. Путь оказался не близкий, пришлось обогнуть значительную часть острова. Да и высадившись на сушу, Эсхин оказался вдали от дорог и населенных пунктов. Только к ве-

черу добрался до города, где и заночевал.

Скакун вылетел к перекрестку дорог и остановился, всадник спешил, в задумчивости разглядывая развилку.

Ехать на юго-запад никакого смысла – дорогу у Афин стерегут верные люди, они не пропустят никого без досмотра. Но другие направления... практически равноправны. Девушка могла пойти куда угодно, возможно, она уже побывала здесь, а может, только на подходе.

Эсхин отвел коня в сторону от дороги, тот послушно пощипывал травку. Мечник снял доспехи, с трудом засунув кожу в суму. Из торбы на свет появилась металлическая тарелка с рисованным грубым орнаментом, немного съестных припасов и вода.

Воин ловко разжег крошечный костер, тарелка встала на специальную треногу так, чтобы огонь доставал ее снизу. По мере того, как металл нагревался, на поверхности явственно проступили непонятные рубленые письмена, а в центре – изображение громадной ненасытной пасти.

Эсхин выложил на тарелку нехитрую снедь: горсть вареного риса, кусок лепешки, долька яблока. Но все это ничто без последнего ингредиента.

Мечник закатал рукава рубахи, небольшой походный нож резанул предплечье, закапала кровь, щедро орошая жертвоприношение.

Едва первые капли коснулись тарелки, как Эсхин пошатнулся, взгляд помутился, разум на мгновение покинул тело.

Вокруг мечника сгустилась тьма, середь бела дня набежали тучи, на лице проступило мрачное злобное выражение, будто некое чудовище силилось вырваться наружу. Долгий, как вечность, миг – и все исчезло. Солнце светило, от темных знаков не осталось и следа.

Эсхин с натугой вдохнул, замотав порез тряпицей. Рядом, на руке красовалась целая череда подобных шрамов. Да, боги любят кровавые жертвы, особенно темные боги.

«Эх, Пандора! Куда же ты бежишь? И, главное, зачем? – с горечью подумал мужчина, – Разве я не окружал тебя заботой? Разве не исполнял твои прихоти, желания? Обеспечил всем, тренировал, дал образование! И вот твоя плата за доброту!»

Возможно, стоило целиком посвятить ее в таинство пророчества, чтобы девушка прониклась важностью и величием миссии, возложенной на нее судьбой. Но Эсхин сомневался, что в юной голове найдется место таким вещам, как «долг» и «ответственность».

Быстро собрав вещи, мечник сел в седло. Он точно знал, куда ехать. Боги приняли дар, и воздали дарителю требуемое. Теперь, стоило чуть напрячь взор, перед глазами Эсхина возникало смазанное темное облако, похожее на указующий перст. Рано или поздно, но оно приведет напрямик к Пандоре. Правда, в любом случае стоило поторапливаться – эффект продлится не дольше половины суток.

Скакун помчался, взбивая копытами дорожную пыль,

всадник держался в седле непринужденно, отдавшись воспоминаниям.

Так уж повелось из-за великого мастерства Эсхина, окружающие считали его чуть ли не побратимом Ареса, бога войны и кровопролития. Воин не торопился развеивать чужие заблуждения, к чему заниматься пустой болтовней? Он исправно жертвовал Аресу, впрочем, как и Афине, и Зевсу.

Мало кто мог бы подумать, а уж достоверно знали и во все лишь пара человек – что Эсхин в действительности служит Аиду, царю подземного мира, и богу смерти Танатосу. Впрочем, последний обладал стальным сердцем, жертвы его не прельщали, кроме одной единственной – жизни человека.

Аид же, напротив, принимал жертвы охотно. Черный теленок или бычок – любимая пища темного бога. Не считая, конечно, лучшего лакомства – теплой человеческой крови.

Эсхин хорошо помнил тот момент, когда юношей попал в величественный и светлый храм Зевса в Олимпии. Молодой парень стоял, разинув рот, не веря, что люди могли создать подобное великолепие. Не иначе сам громовержец помогал устанавливать гигантские колонны, водружать на них парапеты, закидывать наверх каменные глыбы для создания могучей крыши. Размеры и красота храма поражали воображение. Юноша казался себе муравьем на фоне сотен высоченных колонн, и в то же время он явно ощущал присутствие богов – где, как не здесь, можно разговаривать с ними?

Зевс получил от молодого человека щедрые дары, парень

потратил все имеющиеся деньги на богатую жертву. Он не просил ничего для себя или друзей. Юноше хотелось лишь одного – чтобы громовержец подал знак, сказал хоть слово, направил, поддержал. И... ничего.

Пролетели несколько часов бесплодного ожидания, жрецы отворачивались, замученные настойчивостью парня, но Эсхин не услышал даже тихого шепота божества.

Покинув храм, он уселся неподалеку с печальным отрешенным видом. Юноша настолько отдался невеселым мыслям, что не заметил, как рядом оказался пожилой жрец в темных одеяниях.

– Что, парень, разочарован? – голос выдернул Эсхина из раздумий.

Юноша внимательно оглядел жреца, явной угрозы не увидел.

– Зевс не пожелал говорить со мной, – пожаловался молодой человек.

– Хм... Олимпийцы бывают горды, высокомерны... или просто заняты другими делами. Если желаешь, я познакомлю тебя с богом, что всегда отвечает верным слугам.

– О ком ты?

– А! Я говорю про великого Аида! Повелитель загробного мира, он держит в узде многих чудовищ, встречает умерших у себя в царстве. Ибо смерть не минует никого, а значит нет бога главнее.

– А как же Зевс?

– Зевс могуч, спору нет! – жрец уважительно склонил голову, – Но без Аида он не победил бы Титанов! Зевс, Посейдон, Аид – братья равны во всем.

– Почему же люди... так мало почитают владыку мертвых?

– Люди глупы. Надеются прожить подольше, не понимая, что рано или поздно смерть придет за каждым. Как бы ты не пыжился, настанет час, когда Харон повезет тебя через Стикс в царство тьмы. Но не пугайся! Хоть Аид повелевает мертвыми, в нашем мире он тоже может дать многое. Ведь по силе он не уступит и Зевсу!

Эсхин в растерянности оглядел себя.

– Прости, жрец, у меня не осталось ничего, что я мог бы отдать Аиду. Все, что было, забрал Зевс...

– Не печалься, парень, – жрец криво улыбнулся, – Конечно, у тебя есть то, что придется по вкусу темному богу.

– Что же это?

– Всего лишь капля твоей крови.

Эсхин встряхнулся, натянув поводья. Не хватало только уснуть на скаку! Воспоминания... Вроде бы еще не настолько стар, чтобы целиком им отдаваться. С другой стороны – дорога скучна, никаких неожиданностей, почему бы не подумать о приятном?

Старый жрец – Эсхин так и не узнал имени – не обманул. Аид действительно принимал жертвы, и, что более важно, одаривал взамен! Он не давал нечеловеческой мощи и

сил, нет. Этого у молодого Эсхина хватало с избытком и так. Аид предлагал... помощь. Незаметную, вроде бы незначительную, но в тоже время, как выясняется со временем, неопределимую. Как, например, сейчас – в поисках беглянки.

Около полудня всадник оказался у обуглившихся остатков постоянного двора. Вокруг суетились погорельцы, люди сновали, словно муравьи. Эсхин остановился неподалеку, возле трех телег. Караванщики как раз приготовили обед, запах сытной похлебки щекотал ноздри мечника. Купец глянул приветливо, поднял довольное лицо.

– Приветствую, путник! Раздели с нами трапезу, пока боги милостивы!

– Благодарю! – Эсхин спешил, глядя на головешки, оставшиеся от трактира, – Ты не выглядишь слишком опечаленным общим горем.

– Увы! Такова природа человека. Я сочувствую чужой беде, но рад, что она обошла меня стороной. Товары не пострадали, можно беспрепятственно продолжать путь.

Эсхин уселся, благодарно приняв миску с едой.

«Странно, – подумал он, – Не признали. Неужто Темный Мечник не такая уж важная персона?»

А потом дошло – он без доспехов! Мало кто за пределами Сикиона отличал властителя города в лицо, большинство узнавали лишь по темным доспехам. А когда узнавали – начинали пресмыкаться и лебезить.

«Нужно почаще путешествовать налегке, – решил Эс-

хин, – В этом есть что-то... необычное.»

– Так что тут произошло? – спросил мечник, не прерывая трапезу.

– Набег, – промычал купец, пережевывая пищу, – Целая банда! Я думаю, сам Острозуб вылез из берлоги. Мужчин убили, трактир сожгли, женщин угнали в плен.

Услышав последние слова, Эсхин вздрогнул.

– Что же никто не торопится на выручку?

– Ну... Я простой купец, – он демонстративно склонил голову, – Кохиос к вашим услугам. Увы, не в моих силах сражаться с бандами. На то есть стражники, ополчение, армия в конце концов.

– Неужто тут собрались одни купцы? – Эсхин обвел взглядом местность.

Кохиос поежился: тон, коим было сказано, не понравился.

– Почему же... двое пошли по следу. Дикий варвар и мой... приятель – Хилон.

– Двое значит... – мечник поставил пустую миску на землю, – А с этим варваром случайно не было девушки? Такая невысокая, красивая, темноволосая.

– Как же, была! Только ее тоже заневолили, потому варвар и ринулся вдогонку! – купец призадумался, – А ты, стало быть, знаешь их?

– Знаю, – ответил Эсхин, поднявшись, – Я должен отвезти девушку в Сикион.

– Сикион? – удивился Кохиос, – Это там, где правит Эс-

хин Кровавый?

Мечник улыбнулся.

«Определенно, стоит иногда ходить без доспехов, – подумал он, – Такого прозвища я еще не слышал!»

– Эй, не обижайся! Подумаешь, ну нравится вождю казнить всех, кто слово против скажет, так что с того... Главное, жители не против, – купец хохотнул, – Как тебя зовут, путник? Глядишь, буду в Сикионе, хоть одна душа знакомая найдется!

Эсхин не ответил, вместо этого открыл сумки. Вынув доспехи, начал неторопливо облачаться. По мере того, как нагрудник, поножи и наручи заняли свои места, веселое лицо купца вытянулось, гримаса недоумения сменилась все больше проступающим страхом.

Мечник уселся в седло, конь нетерпеливо гарцевал, всадник нацепил шлем, поправил перевязь меча.

– Я... я... я... – запинаясь забормотал караванщик.

– Ты – Кохиос, купец, – строго закончил Эсхин, – Я запомню это имя. Будешь в Сикионе, обязательно заезжай. Приятно познакомиться!

Всадник миновал сгоревший трактир, на полном ходу без труда держась протоптанному пути банды. Кохиос долго смотрел вслед, утирая обильный пот и кляня себя за длинный язык.

Эсхин скакал во всю мочь, сердце воина тревожно сжималось. Пандора! Она не могла погибнуть, слишком много на-

дежд с ней связано, слишком великая миссия возложена на девушку! Она настолько важна, что мечник не задумываясь пожертвовал бы ради девушки всем, жизнью в том числе.

Пророчество... Слова звучали в голове Эсхина точно так же, как их когда-то изрекла Пифия...

Лев разгадает тайну Пандоры, и Сокол падет.

Как и все прорицания, оно загадочно и оставляет широкое поле для возможных толкований. Что за лев? Что за тайна? Эсхин не знал, хотя пытался выяснить всеми доступными способами. Зато он сразу понял, кто такой Сокол, и ради его падения мечник сделал бы что угодно.

Увы, девушке не суждено понять всю важность пророчества, осознать невероятную тяжесть предназначения. Для нее слова Пифии – не более, чем забавный стишок, потешка для детей. Также легкомысленно к воле богов отнеслись и родители девушки.

Эсхин хорошо помнил, как лучший друг, Фотий, попросил съездить с ним в Дельфы. Жена Фотия, Агата, и маленькая Пандора, еще закутанная в пеленки – все были счастливы посетить храм великого Аполлона. Как обычно, ничто не предвещало беды.

Но когда Эсхин услышал пророчество, сказанное маленькой девочке... Он едва дотерпел до усадьбы Фотия, прежде чем начать серьезный разговор. К смущению и великому беспокойству воина, друг не придал особого внимания предсказанию. Он смеялся, шутливо отмахиваясь от слов Эсхи-

на, на все увещевания реагировал одинаково несерьезно и неуважительно.

Гнев захлестнул голову, мечник схватился за оружие. Видят боги, он не хотел ничьей крови! Фотий и не подумал испугаться, наоборот, подошел вплотную.

– Хватит, Эсхин, уймись, – спокойно проговорил он, – Неужто ты хочешь меня убить из-за какой-то словесной белиберды?

«Не понимает! – раздался голос в голове мечника, – Избавься от него!»

До сих пор Эсхин не решил для себя вопрос: чей это был голос? Его собственный, или вмешались боги?

Всего на единый миг темная пелена застлала взгляд воина, а когда он пришел в себя, Фотий лежал у его ног с перерезанным горлом. В таком виде их застала Агата, войдя в комнату. У Эсхина не оставалось выбора.

Чтобы спасти девочку, он подстроил все так, будто ее родителей убили разбойники. Растил, воспитывал, давал ей все, в чем только можно нуждаться. И не на секунду не забывал, ради чего все это. Рано или поздно, пророчество должно исполниться!

Долгие годы Эсхина мучили угрызения совести, но сейчас, десятилетия спустя, он отчетливо понимал: даже та чудовищная жертва принесена не зря! Ради великой цели порой приходится идти на немислимые поступки. Платить невозможную цену.

Как бы то ни было, мечник умолял Аида отнестись к Фотию и Агате благосклонно, и бог дал слово! С тех пор Аид и Танатос шли рука об руку возле Эсхина, он ощущал постоянную поддержку, и сам не оставался в долгу.

Всадник усилием воли выкинул лишние мысли из головы, сосредоточившись на погоне. Пусть чутье и указывает путь, но о засаде оно не предупредит, ровно как и о внезапно возникшей на пути яме.

Через несколько часов быстрой езды по хорошо заметному следу, Эсхин остановился у неширокой реки. Перейти воду вброд здесь не составило бы труда и, судя по следам, бандиты так и сделали. А вот дальше начались странности.

Банда вошла в реку, но с другой стороны из воды появился след лишь одинокого всадника, остальные будто сквозь землю канули. Вернее, сквозь воду.

Эсхин задумался. Чутье однозначно указывало направление, но и загадка не давала покоя. Впрочем, для поиска решения хватило ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы немного перекусить и восстановить силы.

Очевидно, головорезы перешли реку вброд. Потом они каким-то образом скрыли следы. Возможно, пошли по воде вдоль берега или как-то их замели. В любом случае, бандиты явно опасались погони и пытались уйти, оторваться, сбив преследователей с пути.

За бандой гнались двое, но след с другой стороны только один, да и тот ведет не в нужную сторону. Разделились?

Или... они изначально были не вместе. Очевидно, один из преследователей, более опытный, повторил трюк бандитов, не оставив за собой никакого следа. Второй не смог прочитать ситуацию и поехал наугад, ошибившись с направлением.

Эсхин удовлетворенно кивнул. Загадка разрешилась, непонятным осталось только одно: кто из двоих сумел выбрать нужный путь, а кто опростоволосился. Найти ответ на этот вопрос не представлялось возможным, мечник, более не задерживаясь, двинулся по течению реки, доверившись чутью.

Он скакал остаток дня, изредка останавливаясь, чтобы подкрепиться и сверить направление. В вечерних сумерках Эсхин почуял, что цель путешествия близка: Пандора где-то неподалеку. Он спешил, поводя спутали ноги коня, чтобы не забрел далеко, сам продвигался дальше в полном вооружении, с максимально доступной осторожностью.

Пришлось преодолеть глубокий овраг, по дну тек журчащий ручей. Напившись, Эсхин взобрался по косогору, взгляд наконец-то отыскал убежище разбойников.

В небольшой долине увидел каменные развалины, оставшиеся, судя по всему, с незапамятных времен, от древних строителей. Бандиты приспособили руины под свои нужды, ничего, впрочем, не восстанавливая, скорее наоборот – изгадив даже то, что уцелело. Мечник своими глазами видел отхожее место, устроенное на месте древнего дома.

Вокруг развалин шла каменная стена высотой в рост человека, кое-где обвалившаяся, в нескольких местах отсутствовали целые пролеты. Внутри хватило пространства для небольшого загона, около десятка каменных домов переустроили в нечто, напоминающее шалаши с хлипкими тростниковыми крышами. В северной части деревушки ширился миниатюрный амфитеатр, с двумя рядами полуразрушенных сидений. Чуть дальше виднелось здание, бывшее когда-то дворцом. Оно и сейчас сохранило часть величия, пусть и погребенного под тяжким бременем прошедших веков. Крыша обвалилась, колонны попадали, в стенах зияли провалы и трещины. И все же – там жили. Сразу видно, что руины обжиты, причем довольно основательно.

Эсхин окинул стену опытным взглядом. В одном месте заметил провал, сверху на зубцы обрушилась массивная колонна. В сгущающихся сумерках мечник без труда пробрался к этому месту, осторожно, чтобы не сдвинуть ни единого камешка, забрался на стену, каменный выступ вкупе с заваленной колонной надежно укрыли лазутчика от посторонних взглядов. С нового наблюдательного пункта воин сумел подробно рассмотреть, что происходит внутри.

В центре амфитеатра горел большой костер; по кругу, возле каменных сидений – целый ряд столов, накрытых для общего ужина. Тут и там сидели вооруженные мужчины самого дикого вида. Кто-то ел, большинство пили. Неподалеку стояла громадная, несколько метров высотой и необъятная в

обхватит, бочка, к которой то и дело подходил один из выпивох, наполняя кружку. Только сейчас Эсхин оценил стоящий смрад – судя по запаху, бочка содержала отнюдь не воду и даже не вино, а натуральный спирт.

Напротив замка стол отличался особым убранством, здесь же стоял богато расписанный стул, больше похожий на трон. Восседал на нем здоровый лысый дядька, широкий, почти квадратный, с выпирающим пузом, огромными лапами и веселым, остервенелым лицом.

Определенно, это был главарь. Как там его назвал Кохиос? Острозуб? Эсхин не мог разглядеть зубов, но кличка подходила детине более чем. Густые брови, бешеные глаза навывкате, нос картошкой, расплывающийся в омерзительной ухмылке рот, мощная волосатая грудь, громкий пронзительный хохот и громогласный голос. Больше всего лидер разбойников походил на демона, выбравшегося напрямиком из Тартара.

Мечник перевел взгляд на южную часть амфитеатра, где, сгрудившись в нелепую кучу, сидели пленницы. Руки женщин связаны, в глазах легко читаемый страх. Они жались друг к другу, то и дело издавая истерические завывания. Время от времени какой-нибудь мужлан, проходя мимо, отвешивал пинок или оплеуху, попадая по несчастной жертве. Невероятный ужас спеленал пленниц получше любых пут.

Эсхин с облегчением разглядел среди женщин Пандору. Значит она жива, ее все еще можно спасти. Только вот как?

Воин бегло насчитал около тридцати мужчин. Большинство из них пьяны или скоро будут, но тем не менее. Тридцать – это не три, нахрапом не взять. Задавят, нахлынут толпой или расстреляют из луков. К тому же остается главарь, а он совсем не так прост, как кажется. Наверняка не дурак подрасться, раз может держать такую шоблу в узде.

Эсхин осмотрел все подходы к деревне. Не заметил ни следа варвара. Впрочем, началась ночь, спрятаться в тени не составит особого труда ни для кого.

Празднество в деревне продолжалось. Разбойники пили, орали, но такое ощущение, что поджидали чего-то особенного.

Вот из толпы выдвинулся здоровый бугай, женщины завизжали, увидев его рядом. Он грубо схватил одну из пленниц за руку и, не обращая внимание на сопротивление, уволок в развалины под одобрительные возгласы толпы.

Мечник возблагодарил богов, что бугай выбрал всего лишь какую-то пухлую кухарку. Главное – спасти Пандору, остальные жертвы воина особо не интересовали.

Эсхин прикидывал, как можно вызволить приемную дочь. Хороший вариант – подождать, пока перепьются. Ночь прикроет темной вуалью, пары спирта не позволят пьяницам сопротивляться. Тихонечко войти, освободить девушку, и так же тихо раствориться в ночи. Отличная идея, если только до тех пор Пандору никто не тронет.

Будь в распоряжении Эсхина хотя бы с десятков лучни-

ков... или отряд умелых мечников... Он без размышлений отдал бы приказ атаковать! Грамотно расставить людей, распределить цели, слаженно ударить, застав разбойников врасплох – перебить превосходящие силы головорезов не составило бы труда. Мечник горько пожалел, что отправил людей в Афины, а не взял с собой.

Ладно, придется действовать исходя из того, что есть. Нужен какой-то хитрый план, трюк, отвлекающий маневр. Нужно что-то придумать, но что?

Пока воин размышлял, в толпе раздались торжествующие вопли. У костра установили рогатины, двое мужиков вынесли длинный вертел с насаженной тушей разделанного животного. Вертел установили над огнем, вопли перешли в оглушающий вой, толпа волновалась, люди бесились, впадая в алкогольный экстаз.

Эсхин присмотрелся, и его чуть не вывернуло. Ладони вспотели, кулаки сжались, волосы под шлемом встали дыбом. Потому что на костре жарилось вовсе не животное, окровавленное тело раньше принадлежало человеку. Хотя опознать в мясе пухлую кухарку, еще недавно пышущую жизнью и здоровьем, вряд ли кто-то бы смог.

Мечник с трудом проглотил слюну. Это не люди! Изверги, скоты, животные! Эсхин решил, что когда спасет Пандору, все равно вернется сюда с отрядом воинов и перебьет мразей. Не должно такое жить!

Разбойники сгрудились у костра, в центре амфитеатра.

Они с нетерпением ожидали готовности любимого блюда. Громко рыгнув, главарь поднялся с трона, величественная походка привела его к пленницам. Он долго всматривался в испуганные лица, выбирая жертву. Эсхин схватился за меч, потому что рука головореза потянулась к Пандоре.

Все планы мигом вылетели из головы мечника, нужно действовать, и действовать прямо сейчас!

Мясистые пальцы главаря схватили девушку за волосы, она дернулась, брыкнулась, но тщетно. Боров, громко засмеявшись, поволок к трону, вокруг бесновалась недочеловеческая масса.

Эсхин заметался, не зная, что предпринять, но прежде, чем он решился...

Дикий вопль, заглушивший голоса и смех, разнесся над амфитеатром. Черная тень отделилась от верхушки колонны и, раскинув конечности, обрушилась в самый центр толпы. Несколько разбойников разом рухнули, еще двое упали под мощными ударами. Яростный вопль не прекращался, Эсхин с трудом узнал разукрашенного демона, разящего врагов на смерть. Глаза мечника округлились от изумления.

«Я недооценил тебя, варвар! – подумал Эсхин, подрываясь, – Ты не просто бесстрашен, ты целиком безбашенный! Надо быть с тобой поосторожнее!»

Меч едва слышно свистнул, вылетая из ножен. Не издав ни звука Эсхин бросился на врагов.

Глава №10

– Ха-ха-ха! – взревел Острозуб, подняв кружку с пойлом, – Гуляй, рванина!

Праздник шел полным ходом, отрывались весело, самозабвенно, с размахом. Спирт тек рекой, еды хватало, а скоро придет время главного блюда – человечинки!

Главарь ощерился, показав приятелям клыки. Вообще-то точить зубы никакой нужды нет, наоборот – больно и неудобно. Но устрашающий эффект того стоил: иным неслухам хватало увидеть хищную улыбку, чтобы вновь стать покорными овечками. А те, кто не внял, сводили близкое знакомство с пудовыми кулаками бугая.

Острозуб не всегда был таким здоровым, напротив, в детстве отличался особой хилостью, был тощим, как жердь, аж ветер сдувал. Обижали все, кому не лень, каждый норовил пнуть мелкого или отвесить подзатыльник. Очень своеобразная игра.

Зато потом, внезапно, он вошел в возраст. Раздался, кости расплзлись во всю ширь, а на кости постепенноросло и мясо. Буквально за год Острозуб стал самым большим среди сверстников, после обогнал и тех, кто старше.

Уж тут-то он развернулся! Отыгрался за все страдания! К несчастью обидчиков, парень обладал не только злобным

нравом, но и очень хорошей памятью. Отыскал каждого, кто хоть раз его задел, и страшно мстил: метелил до полусмерти или сначала запугивал до усрачки, а потом избивал.

Примерно тогда же Острозуб открыл для себя новое развлечение: насильничать. Первый раз получилось случайно, девка сама раззадорила, так что у молодой парень враз позабыл обо всем на свете. Думала поматросить и бросить, ан нет – ухватил за руку и сделал все, что хотелось, не обращая внимания на мольбы и крики. Ну а потом уж пошло-поехало: выбирал бабу получше, покрасившее, тащил в сарай или на сеновал, а там... дурное дело не хитрое!

Именно тогда Острозуб усвоил два основных закона окружающего мира: вседозволенность и безнаказанность. Обладая устрашающей внешностью, буйным нравом и медвежьей силой, он мог позволить себе творить что угодно, и никто в деревне не решался и слова поперек сказать. Бывали смельчаки, кто воспротивился, но... иных бил, других калечил; некоторые пропали бесследно; одного особо строптивного нашли посреди деревни с размозженным черепом. Односельчане хорошо понимали, чьих рук дело, с тех пор боялись еще больше.

Все хорошо до поры до времени, пока особо беспокойные не послали в полис за помощью. Явился отряд стражей, вооруженные воины, Острозуб сразу понял, что расклад сил не в его пользу. Он сбежал, только пятки засверкали. Позднее появлялись мысли вернуться и раскатать деревню по брев-

нышку, но всегда находилось что-то более увлекательное, до банальной мести руки так пока и не дошли.

Главарь рыкнул, допив спирт. Рука нащупала закусь, пасть растянулась в довольной ухмылке, к столу уже спешил Мелкий – местный мужичек на подхвате – с полной кружкой забористого напитка.

С юности окружающие боялись Острозуба. Кто поумнее – уходили с дороги, не связывались; кто послабее – пресмыкались, служили; ну а глупцы – пытались противостоять, заканчивали такие плохо. И лишь один человек ни во что не ставил силача – его собственный отец.

Отец – обычный пьяница, промышлявший перепродажей всякого барахла, да другими темными делишками. Сколько Острозуб себя помнил, ни разу не мог добиться похвалы от предка, слышал в свой адрес лишь ругательства и полные презрения издевки. Пока был слаб – отец ругал за слабость, стал сильнее всех – презирал за мощь и взрывной характер. Сын больше всего на свете хотел добиться расположения родителя, позже пришло осознание, что это невозможно, да и стало уже ни к чему.

Острозуб неожиданно взъярился, воспоминания об отце высвободили необузданный гнев. Главарь глянул бешено, кулачище смазал по морде мужику, попавшемуся под руку, тот упал и остался лежать в грязи. Ярость отпустила, бугай захохотал без всякого повода.

Больше всего Острозуб жалел, что отец бесследно пропал

во время одной из своих вылазок, что с ним случилось – тьма знает. Но выпустить ему самолично кишки не удалось, осталось только скрежетать зубами в бессильной ярости. Пожалуй, это до сих пор было одним из заветных желаний главаря – встретить предка и поквитаться за пережитые унижения.

Влив в себя очередную порцию спирта, Острозуб развеселился. Вокруг шла кутерьма, кто пил, кто пел, иные плясали, падая в пьяном угаре.

«Вот это жизнь! – подумалось главарю, – Не то, что раньше!»

Сколько приключений пришлось пережить после, как сбежал из родной деревни – не передать.

Он устроился дровосеком, прилежно валил деревья, пока раз, в угаре пьянки, не зарубил пятерых собутыльников. Почему? За что? Острозуб не помнил, да и не важно. Пришлось в спешке бежать, не дожидаясь кары.

Потом был землекопом – та же история. Напарник излишне остроумно пошутил или вякнул без почтения – бум, лопата раскроила череп. Острозуб сам удивлялся той легкости, с какой отнимает чужие жизни. Труп закопал в той же яме, что рыли, и со всей возможной скоростью двинул дальше.

Пробовал работать грузчиком в порту, благо сил хватало с избытком. Тут его спровоцировали две бабы, кладовщицы, очень уж нравилось им строить глазки могучему парню. Острозуб сделал выводы и как-то раз, задержавшись после смены, надругался над обеими. А потом, подумав, прикон-

чил, чтобы не болтали лишнего.

Таким макаром сменил десятки работ, и везде за ним тянулся кровавый след из трупов, убитых, растерзанных, покалеченных и изнасилованных. Остроzub не мог себя сдерживать, да и, если честно, не старался. Такова уж его природа, таков нрав – буйный, властный, бешеный.

Так бы он и скитался, абсолютно бесцельно и бессмысленно, если бы судьба не привела однажды в Пирей. Там Остроzub нанялся гребцом на небольшое торговое суденышко. Корабль вышел в Средиземное море, стремясь найти новые богатые рынки, да только купец, видать, чем-то прогневал Посейдона. Налетел ужасный шторм, буря то поднимала судно до небес, то бросала в морские бездны, большую часть команды смыло в море. Остались лишь шесть человек, включая купца и Острозуба. Вокруг – бескрайние водные просторы; в трюме – пусто, ни еды, ни воды; весла сломаны, мачта покорежена, корабль едва на плаву; жажда и голод сводят с ума; надежды выжить – нет.

Пока другие роптали на судьбу, да призывали на помощь богов, Остроzub твердо решил, что умирать – не согласен! Выбрал самого слабого моряка и незаметно придушил его, а потом – полакомился.

Так он впервые попробовал человечинку, вкус понравился, но еще больше – ощущение силы и мощи, что дала пища. Когда правда открылась, команда пришла в ужас, но они слишком ослабли, чтобы сопротивляться. Остроzub един-

ственный был бодр, полон сил и смотрел на будущее с оптимизмом. Своих собратьев по несчастью каннибал связал, чтобы не бросились в море, но не убивал, не то мясо испортилось бы раньше времени.

После долгих недель скитаний по волнам, полуразрушенное судно прибило к пустынному берегу. К тому времени из команды в живых остался один – Острозуб.

Он выжил, и, что тоже важно, пришло понимание и осознание каннибализма. Оказалось, что человечина – не только вкусно и питательно, но и дает небывалый прирост силы. Как будто поедая жертву, Острозуб получал часть ее сил и умений.

Нехитрую мысль подтвердил случайно встреченный жрец в темных одеяниях.

– Поклонение темным богам – Аиду, Танатосу – подразумевает кровавые жертвы. Аид принимает животных, черного быка, к примеру. А вот бог смерти не любит жертвоприношений, для него единственный приемлемый дар – человеческая жизнь.

– Почему я не знал об этом раньше? – сокрушался Острозуб.

– Об этом не принято говорить, – усмехнулся жрец, – Былые времена наши предки приносили кровавые жертвы. Отдать богу сына или дочь считалось за норму, и боги вознаграждали сторицей. А сейчас... род людской хиреет, люди мельчают... Человеческие жертвы больше не в чести. При-

носящие их теперь изгои, преступники...

– А можешь показать необходимые ритуалы? – глаза Острозуба жадно блеснули.

Наивный жрец долго наставлял молодого мужчину, пока нужные слова, рисунки, обряды не врезались в память.

– Также, проведя ритуал, ты не только получаешь силу съеденного, – закончил нравоучения жрец, – С тобой будет благословение темного бога. Станешь удачливее, продлишь молодость, придет успех в делах. Понятно?

Острозуб очень хорошо усвоил урок, и чтобы доказать это, тут же убил жреца, и, как тот учил, принес жертву Танатосу, под конец полакомившись останками. Никаких угрызений совести убийца не испытывал, наоборот – небывалый душевный подъем, радость от прикосновения к божественной силе.

С тех пор Острозуб приносил богам регулярные человеческие жертвы. Его силы росли с каждым разом, нрав стал демоническим, он убивал из простой прихоти, а порой и вообще без причины.

Примерно в то же время Острозуб сколотил банду. Началось с обычных городских отбросов, кучки нищих подонков, что пожелали ограбить молодого путника, случайно оказавшегося в их владениях. То, что они не на того напали, горе-грабители ощутили, когда Острозуб одним ударом убил ихнего главаря, а потом, недолго думая, за жарил тело на костре. Большинство разбежалось, но самые отмороженные

остались, разделив с каннибалом лакомство. Так у Остроzub появились первые последователи.

Со временем банда разрасталась, недостатка в человеческом мусоре никогда не случалось. К Остроzubу примыкали лишь самые беспринципные, низменные представители человеческого рода. Если даже в человеке оставалась хоть щепотка светлого, то через месяц-другой в банде, свет исчезал, его заменяла кромешная тьма, бесчувственность. Для подонков не существовало особой разницы кого убивать, насиловать, неволить: знакомых, родственников, да хоть бы и бывших соратников. Лишь один кумир, один идол являлся для отребья незыблемым – сам Остроzub. Он всегда оставался бессменным лидером, чьи приказы выполнялись беспрекословно.

Остроzub быстро понял преимущества коллектива: банда проворачивала дела гораздо большего масштаба, чем мог бы позволить себе одинокий негодяй. К тому же главарь никогда не держался за кого-либо из головорезов – с легкостью жертвовал любым ради своих целей. Текучка кадров большая, зато никаких проблем с послушанием!

Они нападали на караваны, грабили деревни, порой Остроzub задумывался о набеге на полис, но он хорошо понимал, что любая мало-мальски тренированная и добротнo вооруженная военная сила легко даст отпор сборищу необученных голодранцев. От полного разгрома банду спасало лишь то, что их не могли найти. Головорезы всегда нападали

неожиданно, с разных направлений, там, где не ждали. Мобильность и скрытность – два основных преимущества шайки.

Естественно, создание банды ничуть не отменило кулинарных пристрастий предводителя. Он продолжал приносить регулярные кровавые жертвы Аиду и Танатосу, человечина считалась у разбойников особым, изысканным лакомством. За людьми специально охотились, загоняя в рабство. Пленники трудились, пока оставались силы, а потом их съедали всех до единого.

Вскоре Острозуб задумался о том, что банде нужно убежище: постоянное место, лагерь, где можно держать припасы, отдыхать от набегов и наслаждаться праздной жизнью. Как-то раз, в заброшенной глуши, шайка набрела на развалины старого города, их и решили приспособить под базу.

Постепенно руины более-менее обустроили, приспособили к проживанию. Нашлось место для жилья и для развлечений, для лошадей и для рабов. На обжитом месте наслаждаться бытием оказалось гораздо удобнее: все-таки оседлость предоставляет больше комфорта, чем кочевая жизнь.

Но, в подходе нашлись и недостатки. Банда потеряла в мобильности, набеги оказались привязаны к определенной местности. Жители роптали, купцы нанимали дополнительную охрану, рано или поздно удача должна была отвернуться от шайки.

Так и произошло. Головорезы получили скоординиро-

ванный отпор, на поимку банды создали силы ополчения. Острозуб понял: это по его душу! Он бросился в бега, совершенно не заботясь о товарищах. Войско долго гоняло шайку, истребив практически полностью. Выжил лишь главарь, да с десятков хитрецов, сумевших раствориться среди мирного населения.

Тогда Острозуб понял: нужно залечь на дно, взять паузу, немного остепениться.

Так убежище разбойников превратилась в скрытую от лишних глаз деревушку. Численность шайки вскорости достигла былых размеров, хоть и приходилось заниматься исключительно законопослушной деятельностью.

Варили самогон, продавая в деревнях; копали торф, рубили лес. Порой Острозуб позволял провернуть темное дельце, вроде торговых махинаций, обворовывания зарвавшихся купцов или поджога излишне строптивой деревни. Но все это делалось осторожно, чтобы не вызвать подозрений и не навлечь беду на самих себя.

Спокойная жизнь в чем-то даже импонировала Острозубу: он открыл в себе талант руководителя, проснулась организаторская жилка, нравилось наводить порядки, извлекать прибыль из чужого труда. Если бы не буйный нрав и пристрастие к человечине...

Двух вещей постоянно недоставало в разбойничьем убежище: человеческого мяса и женщин.

Ни одна представительница прекрасного пола не могла

долго ужиться среди сборища мразей. Если и находилась бедолага, что, по своей воле или против нее, оказывалась в деревушке, то рано или поздно она подвергалась насилию. Снасильничал один, потом другой, вскоре бедняга превращалась в общее достояние. Ну а когда приходила в совсем непотребный вид, не оставалось ничего иного, чем ее съесть.

Так проходили годы, долгих десять лет постоянных ограничений и скрытничества. Наконец, терпение Острозуба иссякло, он решил, что можно высунуть нос из норки, пришла пора пожить красиво. Первый, пробный набег на караван беззащитного купца прошел как по нитке, без сучка без задоринки. Впервые за долгое время удалось принести достойную жертву богам, в полной мере, без ограничений насладиться человеческой плотью. А вскоре пришло время второго набега – главной целью которого Острозуб постановил добыть как можно больше женщин в услужение.

Нельзя сказать, что он не планировал дело. Конечно, определенная схема действий была. Острозуб выбрал подходящий постоялый двор, где, как известно, работало много девушек. Выбрал время, когда рядом не будет отрядов стражи. Но на этом проект себя исчерпал: дальше предполагалось поступать, как придется. Импровизировать, так сказать.

Все пошло, как по маслу: неожиданное ночное нападение застало кабатчиков врасплох, никто не мог оказать достойного сопротивления. Наскочили, двери слетели с петель, головорезы ворвались внутрь, женщин выволакивали прочь со

связанными руками.

А дальше... Острозуб не планировал убивать без лишней нужды, а тем более сжигать таверну. Зачем? Если можно оставить прибыльное место, а через известный промежуток времени повторить набег. Но... Кровь ударила в голову, бешенство овладело главарем, а от него передалось и прочим.

Завидев трактирщика, что пытался воспрепятствовать проникновению, Острозуб одним ударом рассек его чуть не на две части. Кровь фонтаном оросила убийцу, он совсем потерял голову в угаре, глаза забегали в поиске новых жертв. Разбойники метались, выискивая женщин, а мужчин безжалостно толкали на расправу главарию. Кто первым придумал идею с поджогом – не ясно, но скоро каждый вооружился факелом, распространяя пламя по всему трактиру.

Острозуб ликовал, неистовствовал, упивался разбоем! Давно уже он не ощущал подобной свободы и безнаказанности! Определенно, стоит вернуться к активным действиям, слишком уж засиделись у себя в деревне!

Огонь захватил трактир, бешенство понемногу отступило. Острозуб дал команду уходить, разбойники залезли на коней, захваченных женщин волокли на веревках. Несколько особо отмороженных бандитов остались беспредельничать, их судьба не особо интересовала главаря. Банда исчезала со всей доступной скоростью, пока не рассвело. Теперь главное – любой ценой избежать преследования, уйти от возможной

погони.

С горем пополам добрались до реки, женщины обессилены, многие не стояли на ногах. Пришлось взять с собой, перекидывая через седла. После переправы применили давно известный трюк: прошли по воде, чтобы скрыть следы. Идти пришлось долго, подходящее место для выхода на сушу находилось на изрядном расстоянии. Зато вероятность затеряться увеличилась многократно. И даже выйдя из реки, всадники оставили за собой команду «заметальщиков», что стирали следы ветками. Умелого следопыта не обманешь, но Острозуб вообще на рассчитывал на погоню, так уж, перестраховывался.

В убежище прибыли далеко после полудня, усталые, но довольные. Тут же начались приготовления к пиршеству, пленных сгрудили в кучу посреди амфитеатра, их пора придет вечером.

Пир продолжался, веселье было в самом разгаре. Острозуб довольно взглянул на пленниц. Богатый улов, давненько такого не случалось! Должно хватить надолго, особенно если растягивать удовольствие.

Последняя мысль здорово развеселила главаря, он дико взвыл и безумно заулюлюкал, радуясь предстоящим развлечениям. Среди добычи оказались самые разные женщины: и худые, и полненькие; и стройные, и фигуристые; и покладистые, и с норовом. Есть из чего повибирать!

Попалась одна и вовсе благородных кровей, суда по ви-

ду. Держится гордо, нос не опускает, лицо не прячет, хоть и заметно, что боится не меньше остальных. Ничего-ничего! С такими даже интереснее! Острозуб любил ломать людей. Покалечить разум, сломить дух – удовольствие гораздо большее, чем просто изнасиловать тело. А если дух силен, привык повелевать, а не быть рабом... Тем сложнее испытание, тем изысканнее понадобятся издевательства, тем больше радость от победы!

Главарь уже разговаривал с горячкой. Наметанный глаз сходу выделял ее в толпе простолюдинок по манере держаться, по особой осанке. Острозуб подошел вплотную, заставив пленницу задрожать, рука вздернула девичий подбородок.

– Кто такая? Как звать? – рывкнул главарь.

Она отшатнулась, мужчина рывком вернул на место.

– Отойди, животное! – пропищала девушка, – Из пасти воняет!

Острозуб дико расхохотался.

– Выкобенивайся, пока можешь, – прогрохотал он, – Скоро ты будешь умолять, чтобы я позволил тебе быть моей! Потому что выбор невелик – коли достанешься ребятам, они сюсюкать не станут. Быстро пойдешь по кругу, да еще и не один раз!

Главарь заметил тень ужаса в глазах девушки, она дрожала, как осиновый лист, но ответила гордо, без страха.

– За мной придут, не сомневайся! Ты пожалеешь, что связался не с теми и будешь умолять о пощаде!

– У-тю-тю... – ухмыльнулся Остроzub, – Все так говорят, поначалу... Неужто ты думаешь, что за такой важной персонай вышлют целую армию?

– Мой отец найдет меня! Он придет, и мой... муж!

– Неужели? – главарь расхохотался пуще прежнего, – Поведай мне, что же это за великие воины, что отважатся вдвоем отправиться на спасение пленной принцессы?

– Мой отец – Эсхин Сикионский! А муж – непобежденный вождь с севера, он сразил не один десяток разбойников и убил медведя голыми руками!

Остроzub ударил без замаха, ладонью, плашмя. Девушка упала, как подкошенная.

– Будь даже твой отец Гераклом, а муж – Ахиллом, они найдут здесь лишь смерть.

Бандит смачно сплюнул на девушку и отвернулся. Не то чтобы ее слова совсем не взволновали Острозуба. Он слышал имя Эсхина, и принял информацию к размышлению. Но не отпускать же теперь девчонку! Тем более, что нет причин ей доверять. Мало ли что болтают пленницы, надеясь спастись!

«Острая штучка, – подумал Остроzub, – Оставлю напоследок, в качестве десерта!»

Пандора держалась из последних сил, несмотря на то, что удавалось внешне выглядеть гордой, неприступной и полной мрачной решимости. В глубине души поселился страх, он все разрастался, перерождаясь в неконтролируемый, инфер-

нальный ужас. Ужас вырывался наружу, выплески заставляли девушку жалобно всхлипывать, пальцы до крови впивались в кожу, спина сутулилась, Пандора старалась сжаться в незаметный комочек. Когда ужас отступал, она вновь выпрямлялась, принимая независимый вид. Но эти промежутки без страха становились все меньше, мужество покидало девушку вместе с физическими силами.

Там, в трактире, ее застали врасплох. Пандора сквозь сон слышала грохот, крики, топот ног, но не придавала этому значения. Когда дверь комнаты распахнулась от удара, девушка толком даже не смогла рассмотреть вошедшего, не говоря уже о сопротивлении.

– Что... – вскинулась было спросонья, но тут же получила удар по голове.

Прежде чем пришла в себя, руки оказались надежно связаны. Ее стащили по лестнице, грубо поволокли на улицу. Вокруг девушка видела озверевшие лица, кровь, разрушение, начинающийся пожар. В центре залы с ужасом заметила огромного окровавленного мужчину, расправляющегося с беззащитными жертвами.

«Где Крэг-хан? – в ужасе думала Пандора, – Почему до сих пор не пришел?»

Ее бросили на землю вместе с другими пленницами, головорез умчался в поисках новой жертвы.

Был шанс скрыться, убежать, рвануть в сторону, в кусты. Теперь Пандора кляла себя последними словами, за то, что

не воспользовалась возможностью. Но тогда страх приковал к месту, ноги налились свинцовой тяжестью, происходящее казалось нелепым нереальным розыгрышем, что вот-вот должен закончиться. На секунду ей почудилось, что если не сопротивляться, не злить бандитов, то, вероятно, отпустят... Неимоверная глупость, если вдуматься.

Их привязали к лошадям, заставив бежать следом. Те, что не выдерживали, падали, бедняжек волоком тащили по земле. Пандора передвигала ноги автоматически, сосредоточившись на том, чтобы не споткнуться. Ей хватило сил ни разу не свалиться, хоть дорога и далась с трудом. Переправа через реку освежила, холодная вода взбодрила, хотя и заставила померзнуть.

Когда к девушке подобрался громадный мужчина, тот самый зверь, что безжалостно убивал в таверне, она сразу поняла – главарь. Собрала остатки сил и мужества, чтобы разговаривать с ним как подобает дочери Эсхина – гордо, прямо, не пресмыкаясь. Ей удалось, хоть и трясло от пережитого страха. Теперь Пандора сомневалась – не зря ли все это? Не лучше ли было притвориться сломленной и покорной с самого начала? Какая участь ожидает теперь?

Другие пленницы, девушки и женщины, плакали, не стесняясь слез. Они жались друг к другу, а после того разговора не раз обращались к Пандоре.

– Это правда? – спрашивали они, – За тобой придет целая армия?

Девушка уверенно кивала, не желая отнимать последнюю надежду.

– Нас тоже спасут, так ведь?

– Обязательно! – заключала Пандора, далеко в этом не убежденная.

В самом деле, кто может спасти? Ни про какую армию речи, конечно, не идет. Крэг-хан? Но куда он запропастился? Может, что-то задержало? Или... северянин просто бросил подругу? Девушке вдруг вспомнился нелюдимый вид варвара в последние дни. Возможно, нужно было уделить ему больше внимания, найти силы поговорить, да хоть бы и просто посидеть рядом...

А отец, Эсхин? Пандора ведь сама сбежала, изо всех сил скрывалась от него. Не решит ли, что хватит, пора предоставить дочери свободу действий? Не кинет ли на произвол судьбы, вопреки, а может и во исполнение проклятого пророчества?

Хилон? От одного воспоминания о нем девушке стало теплее. Но что с того тепла? Решится ли монах пойти за малознакомой девушкой, да еще в логово зверя?

И даже если кто-то из них придет... Пандора с ужасом огляделась, окинув взором стойбище головорезов. Что смогут трое отважных мужчин против такой оравы? Отец – великий воин, но даже он не справится в одиночку с решительно настроенной многочисленной бандой.

Чем больше проходило времени, тем больше мрачных

мыслей селились в голове девушки. Надежда угасала, уступая место обреченности, горечи и липкому безликому ужасу.

Глава №11

Хилон клял себя за то, что не бросился в погоню сразу. Умом он понимал, что все равно не смог бы, вероятно, помочь Пандоре – одиночка не справится с шайкой – но сердце подсказывало, что попытаться стоило. То ли дело варвар – монах невольно восхитился парнем – не стал предаваться излишним раздумьям, строить планы, взвешивать возможности, оценивать шансы. Вскочил на коня – и бросился за своей возлюбленной!

«Почему я не сделал тоже самое? – сокрушался Хилон, – Даже не подумал, что так можно... Неужто ждал появления варвара?»

А ведь если бы поскакал сразу... Догнать бандитов удалось бы без труда, а там – судьба решалась на кончике острого клинка.

Монах оборвал бесполезные рассуждения – от них только хуже, самокопание сейчас непозволительная роскошь. Он скакал, стараясь не сбиться со следа, тщаь догнать не то что разбойников – хотя бы настичь варвара, чтобы продолжить путь вместе.

Следопыт из Хилона аховый, и он хорошо это осознавал. Пока что удавалось не сбиться с пути лишь потому, что банда оставила легко различимый след, который потерял бы разве

что слепой. Так продолжалось до тех пор, пока след не уперся в реку. Хилон преодолел преграду и остановился в глубоком раздумье – дальше он не видел ничего, что указало бы нужное направление.

«Вправо или влево, два варианта. Великий Зевс, помоги выбрать правильно!» – взмолился Хилон, повернув вверх по течению.

Он ехал долго, внимательно осматривая оба берега речки в поисках хоть какой-то подсказки. Прошло не меньше часа, прежде чем монах понял, что выбрал неверное направление. Хилон с тоской огляделся, с языка помимо воли слетело ругательство, усталый конь развернулся.

Еще час на обратный путь, Хилон вновь оказался у переправы, но теперь он разглядел новый след! За то время, что монах отсутствовал, тут проехал всадник, повернув вниз по течению. Его след, местами теряющийся, но потом вновь проявляющийся на песке, Хилон с трудом, но различал. Порой приходилось блуждать, возвращаться или какое-то время идти наугад, но чутье помогало монаху вновь разыскать нужное направление.

«Спасибо, Зевс! – прошептал Хилон, – Так или иначе, ты ведешь к цели!»

Крэг-хан полулежал в засаде на вершине каменной колонны. Он выбрал это место загодя, когда разбойники едва принялись располагаться в становище, не начав даже приготовления к пиршеству. Благодаря удачной позиции, наблюда-

тель мог рассмотреть происходящее во всех деталях, а при необходимости скрытно выбраться и уйти прочь.

Варвар настиг разбойников у самой деревни, скрытно проследив за их передвижениями. Трюк с переправой позабавил северянина, не заставив, правда, опытного следопыта ни на миг усомниться в правильном направлении. Он автоматически, не отдавая себе отчета, повторил действия разбойников, пройдя по воде. Лишь после подумал, что, может, стоило оставить легко различимый след для возможных помощников... Но не возвращаться же теперь назад?

Крэг-хан облазил на брюхе всю деревню, глаз наметил пути отхода, нос сунулся в каждый дом, память усвоила закоулки развалин, разум упрямо искал варианты спасения пленниц. Ближе к сумеркам варвар пробрался к колонне, взявшись за наблюдение.

Ярость понемногу закипала в душе северянина. Когда он видел издевательства над женщинами, ладонь невольно стискивали рукоять ножа. Лишь усилием воли удалось удержать себя от преждевременных необдуманных действий. А подумать тут было над чем.

Когда-то давно, когда Крэг-хан был еще маленьким мальчиком, они играли с отцом в снежки. Мужчина слепил ком, посмотрел на мальчика.

– Если в тебя прилетит снежок, что будешь делать?

– Разобью! – весело, ответил маленький варвар.

– А если это будет большой ком? – отец легко швырнул в

мальчугана снежный шар.

– Увернись! – парень легко отпрыгнул в сторону.

– А если пойдет лавина?

На секунду мальчик задумался.

– Убегу? – он вопросительно посмотрел на отца.

Тот смотрел серьезно, потом улыбка осветила суровое лицо.

– Такова природа людей. Мы бьемся с тем, что нам по силам; избегаем больших сложностей; в страхе бежим перед тем, что считаем неодолимым.

– Разве это неправильно? Неужто я должен дожидаться, пока меня завалит снегом?

– Конечно, нет. Если попадешь под лавину, будешь последним дурнем. Но запомни – величайшие деяния в истории начинались с того, что кто-то переборол страх и повернулся лицом к опасности, бросил вызов там, где прочие пасовали. Не бойся сразиться с невозможным – глядишь, возможности появятся. Великий человек не отступит ни перед чем для достижения цели.

Маленький Крэг-хан так и не понял тогда, чего хочет от него отец: то ли нужно убегать от лавины, то ли нет. Понимание пришло позже, возможно, только сейчас.

Много ли чести выходить на схватку с тем, кто заведомо слабее? Крэг-хан мог бы сразиться с любым разбойником по отдельности, но кто даст ему такой шанс?

Много ли достоинства избегать сражения, когда враг

сильнее? Варвар легко мог оставить все, как есть, бросить девушку и уйти никем не замеченным.

«А много ли ума в том, чтобы бросаться в бой, не имея никаких шансов на успех?» – неприятная мысль вывела варвара из себя.

«Но ты же сам хотел стать великим воином – вот твой шанс! Великий сражается там, где другие бегут!»

«Это шанс стать не великим, а мертвым!»

«Ничто хорошее не дается легко.»

Внутренний диалог окончился ничем, Крэг-хан взъярился еще больше, не придя ни к какому решению. Он наблюдал, как разбойники пируют, напиваются, веселятся.

Варвар едва не выдал себя, когда головорез уволок одну из женщин в развалины. Крэг-хан готов был прыгнуть в толпу, его удержала только очевидная бессмысленность такого поступка. Но стоило увидеть, что сделали с пленницей, как он раскаялся в своей сдержанности.

Проклятые каннибалы! Они хуже зверей!

В племенах к женщинам относились с почтением. Во-первых, почти каждая могла сама дать сдачи; во-вторых, за женщиной всегда стоял мужчина. Потому разговаривали уважительно, вольностей не позволяли. Ударить женщину считалось последним делом. Что же касается человеческого мяса... Даже прямого запрета не было, ибо никто в здравом уме

до такого не додумался.

Крэг-хан видел перед собой полных негодяев, сборище отребья, для которых нет ничего святого. Гнев накатывал волнами, с новой силой застилая взор.

Громадный главарь рыкнул, поднялся. Варвар проводил могучую, чуть расплывшуюся от жира, фигуру взглядом. Когда рука главаря потянулась к Пандоре, Крэг-хан не выдержал.

Разум отключился, никакие доводы больше не работали, сердце требовало вмешаться, первобытная ярость ударила в голову. Он вскочил на ноги.

По мере того, как сгущалась тьма, темные щупальца страха завладели Пандорой целиком. Она сидела, скукожившись, руки обхватили колени, лицо спряталось за предплечьем, взгляд уставился в одну точку. Последняя надежда оставила девушку, даже если кто-то и придет за ней, то слишком поздно – спасти будет некого, только мстить.

Вокруг пировали разбойники. Со всех сторон доносились ужасные вопли, гогот, мерзотный запах заставлял морщиться от отвращения, откровенно похотливые взгляды вгоняли в депрессию. Такое ощущение, что ждали лишь сигнал хозяина, чтобы начать истязание пленниц.

Большой дядька подошел, бездумный оценивающий взгляд обежал женщин. Пандора затряслась от ужаса, когда он скользнул по ее тонкой фигуре. Бугай ухватил за руку ближайшую девушку, милую, чуть полноватую официантку,

рванул на себя.

– Нет! Отпусти! – завопила бедняжка, но головорез лишь засмеялся, таща девушку за собой.

Пандора, несмотря на напускную храбрость, не посмела даже пикнуть против. Она сжалась еще больше, стараясь стать незаметной.

Но все это было пустяками по сравнению с тем, что она ощутила, увидев бывшую пленницу на вертеле! Страх пронзил девушку с небывалой силой, такого ужаса она не испытывала никогда ни до, ни после. Разум отказался воспринимать реальность, на какое-то время Пандора потеряла сознание, приходя в себя лишь урывками.

Огромный главарь схватил ее за руку, Пандора в полузабытьи попыталась вырваться – бесполезно, добилась лишь того, что зверь ухватил волосы, сильно дернув голову. Девушка вскрикнула, здоровяк поволок по земле к своему трону.

Невообразимый громогласный крик, перекрывший прочие звуки, заставил главаря остановиться, Пандора вздрогнула, отыскивая источник вопля.

В толпе головорезов металось нечто темное, смертоносное, девушка сначала решила, что там беснуется демон. Лишь пару мгновений спустя Пандора с удивлением узнала Крэг-хана. Воин яростно бросался на врагов, полностью игнорируя ответные выпады, множество головорезов уже упали, кровь лилась рекой.

Безумная надежда пробудилась в душе Пандоры, вперемежку с иррациональной радостью. Он не забыл, не бросил! Он пришел за ней!

Дикий смех главаря едва не убил появившуюся надежду.

– Это и есть твой спаситель? – завопил он, дергая девушку за волосы, – Смотри, как он умрет!

Пандора с ужасом увидела, что Крэг-хан окружен. Неожиданность и яростный порыв помогли раскидать врагов, но теперь головорезы оправились, схватились за оружие. Варвар с трудом отбивался, в одну руку он подхватил секиру, в другой сверкал короткий меч, он раз за разом описывал оружием широкую дугу, отбрасывая соперников, но долго так продолжаться не могло.

Крики боли и бряцание оружия раздались с другой стороны, заставив повернуть головы. Через толпу пробивался на помощь воин в черных доспехах. Никто из разбойников не мог противостоять свирепому напору, меч сверкал смертельной молнией, сраженные тела падали одно за другим.

– Отец! – радостно воскликнула девушка, вызвав злой оскал держащего ее зверя.

Головорезы невольно расступились, воин в черном соединился с варваром, они встали спиной к спине.

– Убейте их! Пьянь подзаборная! – заорал главарь, взмахнув рукой.

Теперь на двух храбрецов бросились все, в стороне остался лишь сам вожак. Он за волосы подтащил девушку к трону.

Уселся на место, с упоением наблюдая кровавую схватку.

Острозуб наслаждался неожиданным зрелищем, вид крови возбуждал, делал вечер еще более прекрасным. Его нисколько не заботила смерть приспешников, наоборот – появилась возможность разнообразить меню, подольше сбегать ценных женщин.

Он смотрел за боем с удивлением, чуть позже – с восхищением. На секунду даже стало завидно, настолько хорошо эти двое отбивались. Словно великаны против толпы мелкотни; как настоящие герои древности, восставшие покарать ослабших современников; будто два бога войны, сошедшие с Олимпа дабы преподать смертным урок. Долго сопротивление не продлится – любое умение ничто перед натиском толпы – но посмотреть на великое искусство все равно приятно.

Эсхин сражался с остервенением. Подспудно он понимал, что, возможно, это последняя битва в его жизни – вероятность победить отсутствует. Тем сладостнее упивался боем! К тому же, впервые за долгие годы, его прикрывал боец, которому не страшно доверить спину! Варвар бился, как дикий зверь, с невиданной яростью и ловкостью.

На мечника кинулись трое. Один удар он принял плашмя на руку, от второго ускользнул, третий отразил оружием. Меч взметнулся, брызнула кровь, враг упал, сраженный в шею, двое отскочили. Сбоку уже летел клинок, готовый поразить голову. Крэг-хан прыгнул, не задумываясь, удар

пришелся на меч, топор варвара безжалостно обрушился на неумеху, раскроив плечо. Эсхин, в свою очередь, взмахнул оружием, отражая удар в спину северянина, разбойник повалился сраженный.

Крэг-хан бился самозабвенно, бешенство схлынуло, оставив только холодную расчетливую ярость. Он словно видел одновременно во всех направлениях, везде поспевал, уклонялся, блокировал, атаковал, убивал. Торс и руки испещряли десятки новых порезов, кровь забрызгала воина с ног до головы, боец не обращал внимание на пот, усталость и тяжелое дыхание. Он целиком ушел в бой, растворился в смертельном танце, вошел в состояние боевого безумия, когда уже все равно, выживешь или нет – главное подороже продать жизнь.

Удар! Варвар пригнулся, рубанув по ногам. Блок, уклон – выпад! Еще двое валятся наземь, но на их месте тут же возникают новые противники. Атака сбоку – Крэг-хан едва успел извернуться, ответный выпад мечом не достиг цели, зато клинок кинувшегося головореза болезненно рассек плечо. От смерти спас только вовремя подоспевший Эсхин, зарубивший врага двумя точными молниеносными ударами.

– Не вздумай умирать, варвар! – крикнул мечник, описывая оружием широкую смертоносную дугу.

Крэг-хан выпрямился, поднимая оружие.

Шаг за шагом их оттеснили к краю амфитеатра, двое оказались прижаты к стенке громадной бочки. Оба тяжело ды-

шали, силы бойцов оказались на исходе. Понимая это, враги не торопились нападать, сберегая жизни.

Эсхин решил, что пришел смертный час, выхода нет. Варвар сплюнул, могучий запах самогона, доносящийся из бочки, едва позволял дышать. Внезапно Крэг-хану пришла в голову бредовая идея, он обрадовался ей, как дите конфете: ведь до этого не было совсем ничего.

– Дай мне минутку! – крикнул мечнику, вскидывая топор.

Эсхин ничего не ответил, его меч прыгнул вперед, отгоняя излишне смелых врагов, тут же пришлось сделать выпад вбок, и в другую сторону, мечник едва сдерживал нападающих. Он услышал громкий стук, взгляд, кинутый мельком, подтвердил – топор варвара обрушился на бочку, Крэг-хан рубил дерево в районе крана. Мечник не понял, на что надеется северянин, разве что решил напиться перед смертью. Размышлять было некогда, приходилось сражаться за двоих, Эсхин держался с трудом. Он ринулся было вперед, но мощная рука ухватила мечника за плечо, потащив вбок. Эсхин едва не звезданул мечом, вовремя остановился, поняв, что это варвар.

– В сторону! – рявкнул Крэг-хан.

Топор обрушился на бочку, дерево треснуло, поило стремилось вырваться наружу, брызгая мощным напором. Еще один удар, трещина превратилась в дыру, поток ударил в толпу разбойников. Варвар размахнулся, секира сверкнула, разбивая доски на куски. На этот раз бочка не выдержала, целая

стенка улетела прочь под могучим напором жидкости. Самогон волной устремился во внутренности амфитеатра, сбивая головорезов с ног, превратив толпу в барахтающихся нытиков, что старались встать на ноги.

Острозуб наблюдал за битвой, привстав над троном, глаза ловили каждый отблеск оружия. Когда варвар разбил бочку, волна вонючей жидкости сбила разбойников с ног, главарь заржал, радостно потирая руки – развязка близка, больше странной двойке не протянуть. Взор вождя скользил по разливающемуся морю, внезапное понимание пронзило мозг, страх иглой уколол сердце.

– Уходите, идиоты! – заорал Острозуб, но поздно.

Волна самогона докатилась до костра, жидкость вспыхнула за миг. Полыхнуло, рвануло, пламя взвилось выше крыш, тут же осев вниз, жар пыхнул на лицо. Пленницы с громким визгом разбегались, удержать их некому, Острозуб не обращал на женщин внимания, заворуженно уставившись в огонь.

Дикие крики заживо горящих носились над амфитеатром. Силуэты метались в пламени, падали, поднимались, снова валились наземь.

Несколько горящих вопящих тел вырвались из громадного костра, отбежав в сторону. Там они корчились в агонии, один за другим свалившись на камень.

Один из головорезов, пожираемый пламенем, упрямо полз к своему главарю. Опознать его Острозуб не мог: кожа

и волосы сторели полностью, на месте лица осталась страшная мешанина крови и черного обугленного мяса. Он не дополз буквально несколько шагов, страшно закричал и упал бездыханным.

Острозуб всякого повидал в жизни, никогда не страдал излишней пугливостью или робостью. Но сейчас ему стало не по себе. Жуткое зрелище прижало мясника к стулу, он не мог пошевелиться, не мог отвести взгляд, наблюдая за гигантским полыхающим костром.

Прошло несколько страшных минут, прежде чем пламя начало утихать, среди мельчающего огня виднелись лишь темные холмики обгоревших трупов. Острозуб повернул голову, вспомнив, наконец, о девочке, что продолжал удерживать подле себя.

– Вот и все, девочка, – благоговейно прошептал он, – Остались я да ты, ты да я.

Девушка не ответила, она продолжала со слезами смотреть в огонь. Внезапно ее глаза округлились, сдавленный крик вырвался из уст.

Острозуб резко повернулся, глаза выкатились от невозможного зрелища, челюсть упала, руки затряслись мелкой дрожью.

Через огонь шла черная человеческая фигура, только в два раза выше, и шире в плечах. Лица и конечностей различить невозможно, на их месте лишь тьма, уверенные шаги пролегают между павших, огонь, как по волшебству, рас-

ступается перед идущим. Волна ужаса накатила на главаря, он бухнулся на колени, воздев руки перед приближающимся божеством.

– Т-т-т-т-анатос! – возопил Острозуб.

Фигура подходила, постепенно уменьшаясь в размерах. Из огня шагнул силуэт громадного, но вполне человеческого роста. В отблесках огня Пандора с благоговением разглядела дымящийся от жара плащ.

Взметнулись руки, плащ отлетел в сторону, перед застывшими зрителями предстал варвар, похожий на демона преисподней. Черная раскраска смешалась на голом торсе с потеками крови, своей и чужой; дикие глаза, горящие бешенством; жесткое лицо, стиснутые губы, обгоревшие волосы; от всего тела исходил пар, как от кипящего котла. Взгляд безжалостных глаз остановился на Острозубе, тот взвизгнул, как поросенок перед бойней.

Главарь взмахнул рукой, но прежде чем успел ударить девушку, раздался грозный свист, нечто тяжелое ухватило предплечье, не давая руке двигаться. Острозуб скосил взгляд – в стуле торчала секира, намертво пригвоздив плоть к дереву. Только теперь пришла боль, он заорал благим матом.

Пандора вырвалась из разом ослабевшей хватки, кинулась в объятья варвара.

– Крэг-хан!

Северянин ничего не ответил, мягко отстранив девушку. Со стороны руин показался идущий быстрым шагом Эс-

хин. Девушка закусила губу, глядя на отца. Он прошел мимо, как ни в чем не бывало, остановился напротив вопящего главаря. Острозуб судорожно пытался выдернуть впившуюся в плечо секиру, но даже его недюжинной силы для этого не доставало.

– А это у нас, значит, главный? – спокойно поинтересовался Эсхин.

Клинок медленно вошел в живот Острозуба, заставив надрывать голосовые связки. Эсхин медленно проворачивал лезвие, глядя прямо в глаза жертве, пока бугай бился в предсмертной агонии, вопль, полный боли и ужаса носился над древними развалинами. Пандора отвернулась, закрыв лицо руками, Крэг-хан смотрел мрачно, без осуждения. Наконец, мечник вырвал оружие из ослабевшего тела, отступил на шаг. Голова Острозуба безжизненно повисла, крик затих навсегда.

Эсхин и Крэг-хан встали напротив, их взгляды скрестились.

– Отойди в сторону, парень, и я сохраню тебе жизнь, – тихо проговорил мечник.

Варвар лишь крепче сжал рукоять короткого меча, приготовившись к новому бою. Эсхин повел плечами, нога северянина мягко отступила, мечи плавно двигались в воздухе, ожидая встречи друг с другом.

– Стойте! – раздался крик, – Хватит!

Пандора впрыгнула между мужчин, как разъяренная кош-

ка.

– Не надо больше драться! – ее тон сбился на просительный, на глазах выступили слезы, – Хватит на сегодня смертей!

Эсхин опустил меч, девушка шагнула к нему, оба вопросительно взглянули на варвара.

– Крэг-хан, прошу! – мягко проговорила Пандора, – Это мой отец!

Варвар взглянул в глаза девушки. Постепенно его взор потеплел, гнев отступил, руки расслабились, плечи поникли, меч опустился острием в пол.

Он смотрел только в ее глаза, поэтому удар меча прошел совершенно незамеченным. Боль кольнула грудь, сердце прыгнуло и застыло, судорога сдавила легкие, дыхание с хрипом вырвалось наружу, крик девушки резанул по ушам.

Эсхин выдернул меч из груди варвара, взмахнув, убрал в ножны. Крэг-хан опустил взгляд, наблюдая, как кровь толчками выходит из аккуратного разреза. Пандора бросилась к нему, но мечник схватил за голову, зажав рот ладонью.

Силы оставили Крэг-хана, он не мог вздохнуть, сердце силилось биться, но пауза затягивалась. Варвар упал на колени, тело медленно завалилось на бок. Тьма застлала взор, последнее, что он услышал перед тем, как умереть, были слова Эсхина:

– Молодец, дочка. Без тебя с ним пришлось бы повозиться.

Глава №12

Прохладная вода приятно освежала усталое тело, Эсхин привольно раскинулся в личном бассейне, улегшись на гладкой плитке. Мечник уже побывал в жаркой бане, где как следует пропарился, потом настал черед обливаний ледяной водой, теперь же можно просто расслабиться, ощущая, как тело восстанавливает силы в блаженной неге.

Мысли Эсхина блуждали далеко, раз за разом возвращаясь к битве с разбойниками. Странно, но почему-то именно этот момент виделся мечнику самым светлым за последний десяток лет. Как будто там, стоя спиной к спине с молодым варваром, отбиваясь от превосходящих сил, сражаясь за свободу и честь дочери – именно тогда он жил по-настоящему! Сбросил шоры с глаз, смотрел на мир незамутненным взглядом, бился за торжество света, против самой что ни на есть темной тьмы. И, что больше всего удивляло Эсхина – они победили! Взвешивая ситуацию с разных сторон, анализируя произошедшее, воин в который раз осознавал – шансов выиграть не было. И тем не менее, он жив, а банда каннибалов – мертва. Это ли не перст судьбы, не живое подтверждение силы пророчества?

Эсхин поморщился, вспомнив смерть варвара. На самом деле он не собирался убивать северянина, во всяком случае

так, тогда. После того, как дочь заставила опустить оружие, мечник готов был пожать недавнему соратнику руку, с языка срывались слова похвалы. Но... выиграла вдруг проснувшаяся гордость, в глаза ударила не до конца отступившая жажда крови. Словно некое зло, сидящее внутри, резко подстегнуло, вздернуло руку, властно приказало – убей!

И сейчас, чем больше мечник думал об этом, тем больше приходил к выводу, что поступил правильно. В самом деле, северный выскочка уже несколько раз дерзко позволял себе пойти наперекор воле Эсхина! Наверняка и в будущем от него было бы множество проблем. Даже если в тот раз они разошлись бы миром – в чем мечник искренне сомневался – рано или поздно все равно пришлось бы схлестнуться с варваром в поединке. А так – нет человека, нет проблем!

Эсхин с благодарностью вздохнул: не иначе сам Аид направил руку верного слуги, нанеся смертельный удар, возблагодарив, таким образом, за долгие годы служения. И действительно! Наконец-то мечник понял, что он – ни много ни мало – правитель Сикиона! Не пристало важному мужу биться с каждым встречным поперечным, будто простому холопу. На то есть верные слуги и стража. Аид не зря показал верный путь к исполнению пророчества – любой, кто хоть что-то имеет против, должен умереть, причем сразу, быстро, решительно, бесповоротно.

Время поединков ушло, настало время крови! Хватит жалости, потуг на справедливость и игр в воинскую честь. От-

ныне будет одна справедливость, одна честь, один закон – слово Эсхина! Спасибо богам, спасибо Аиду за новую мудрость, ниспосланную свыше!

Эсхин вышел из купальни, слуга подал полотенце, другой накрывал на стол дневную трапезу. Неторопливо вытершись, мужчина прошел к столу, уставленному яствами. Он насыщался, наслаждаясь вкусом изысканных блюд, запивая разбавленным вином, ощущая приятную свежесть и бодрость в уже немолодом теле.

Немного отдохнув после еды, мечник поднялся, привычная одежда заняла место банного полотенца, Эсхин на минуту задумался и решил спуститься в храм. Свое личное капище, устроенное в полуподвальном помещении, где можно спокойно, вдали от лишних глаз, помолиться богам, принести жертвы, поговорить по душам с самим Аидом, попросить помощи у Танатоса. Поддержка бога никогда не будет лишней, тем более сейчас, в сложный ответственный момент.

В жизни Эсхин рассчитывал лишь на себя и немногочисленных верных слуг, в чьей неподкупности и преданности был уверен.

Навсифой служил Эсхину долгие годы, пожалуй, с самого начала восхождения хозяина. Он начинал молодым прислужником, выполнял простейшие поручения, ухаживал за одеждой и обувью. Время шло, задания становились ответственной, мечник начал явно доверять молодому слуге, выделяя среди прочих. Прошло много лет, сегодня Навсифой

мог назвать себя правой рукой хозяина, при этом ничуть не покривив душой.

Доверие, вот что главное в службе – этот урок слуга усвоил с раннего детства. Доверие заслуживается долгим тяжелым трудом, постоянным бдением на благо хозяина, исполнением самых сложных, порой даже невыполнимых, поручений. Но Навсифой не обманывал себя – то, что заработано с таким трудом, может быть потеряно в момент, быстро, по щелчку пальцев.

Конечно, определенный запас доверия у Навсифоя имелся – хозяин не прогнал бы за одну оплошность. Но... смотрел бы уже иначе, дважды подумал бы, поручать ли следующее дело. Эсхин крут, грозен, могуч, скор на расправу, хотя и справедлив.

А ведь он не всегда был таким... Навсифой помнил Эхина молодым, веселым парнем, любителем розыгрышей, любимцем девушек, постоянным завсегдатаем дружеских пиршеств. Уже тогда хозяин был незаурядным бойцом, поспорить на мечах с ним могли единицы, но судьба воина не казалась молодому парню сильно привлекательной. Когда же все изменилось?

Пожалуй, после поездки в Дельфы. Вернулся оттуда Эсхин совсем другим человеком. Еще бы, лучший друг с женой погибли в результате разбойничьего нападения, их малолетняя дочь чудом уцелела, тут любой бы за голову схватился! Только вот Навсифой путешествовал вместе с хозяином, и

уж он-то точно знал, что не было никаких разбойников.

Знал, но никогда не спрашивал об этом Эсхина. Ни то что не спрашивал, даже намек, малюсенького жеста не допускал. Вообще старался не вспоминать о поездке, будто и не было ее. Может, за то хозяин и ценил преданного слугу. А еще Навсифой хорошо понимал, что как только скажет Эсхину хоть слово про свои сомнения – тут же поплатится жизнью.

А потом... хозяин изменился. Стал мрачным, задумчивым, частенько уходил в глубокие размышления. От тягостных дум Эсхина спасали две страсти: военное искусство, в котором он достиг всех мыслимых и немыслимых высот, и девочка, Пандора, малолетняя дочь убитого друга. В ней хозяин души не чаял, она всегда сгоняла черные тучи с лица Эсхина, наполняла радостью, заставляла улыбаться. Так молодой человек превратился в мужчину, воина, и, по стечению обстоятельств, в отца.

Началось долгое восхождение к власти. Стать единоличным хозяином Сикиона оказалось не просто. Не сразу приняли нового молодого лидера, да и когда признали, не обошлось без большой крови. И все это время рядом с хозяином неизменно был он – Навсифой, готовый помочь, подставить плечо, выполнить любое задание.

Вот и сейчас слуга трясся на медленно бредущей лошадке, прокладывая себе путь через сгущающийся вечерний сумрак в самом гнусном, нелицеприятном районе Сикиона. На

этот раз задание хозяина оказалось трудным, но, что больше тревожило слугу, оно граничило с безумием. Эсхин поручил привезти маленькую беспризорную девочку, которую никто не будет разыскивать.

Зачем ему девчонка? Навсифой, не будь дураком, не задавал подобных вопросов. Но, конечно, догадывался. И от этих догадок волосы на голове слуги вставали дыбом. Давно уже для него не было секретом, что хозяин поклоняется Аиду, а бог подземного мира щедро одаривает Эсхина благодатью. Верный слуга был горд, что господин нашел общий язык с богом. Но чтобы так... Человеческие жертвы – это уже слишком, наверное... Впрочем, Навсифой не утруждал себя излишней чувствительностью. Главное – выполнить волю хозяина, остальное – не важно.

Лошадь мерно выстукивала копытами по мостовой, потом звук сменился на чавкающий, дорога превратилась в обычную грунтовку. Еще немного и Навсифой окажется посреди грязных, забытых богами трущоб.

Ему нравилась такая жизнь, Навсифой любил угождать хозяину. И, что немаловажно, Эсхин щедро оплачивал верность, исполнительность и честность. Навсифой давно стал одним из самых состоятельных граждан Сикиона, он сам мог бы иметь десятки слуг, если бы захотел. Но, что еще более важно, должность Навсифоя принесла ему уважение окружающих.

Ему кланялись почти так же подобоострастно, как хозяи-

ну, вслед глядели со страхом. Слово Навсифоя стоило лишь чуть меньше, чем приказ самого Эсхина. По щелчку пальцев появлялись доступные женщины, приглянувшиеся вещицы, готовые услужить рабы. Вслед слуге глядели с завистью даже преуспевающие купцы и богатые землевладельцы. Власть, вот что ощущал Навсифой. Эсхин обладал незыблемой властью, осязаемая часть которой перешла и к слуге. Если с богатством еще можно было, скрепя зубами, расстаться, то собственноручно отказаться от власти... Навсифой не согласился бы ни за что на свете.

Мужчина огляделся. Каменные и деревянные дома остались далеко позади, вокруг он видел лишь покосившиеся шалаши из тростника, да полуразвалившиеся землянки. Людей, по темному времени, на улицах почти не было. Не считая тех, кто не имел пристанища даже в виде наскоро выкопанной ямы. Навсифой знал, что здесь хватает сирот, беспризорников, да и просто детей, чьи родители не обращают на отпрысков особого внимания. Люди сношаются, этого никак не отнять, хоть и мрут, как мухи, зато плодятся, как тараканы.

Уже скоро слуга увидел то, что искал. Маленькая замухрышка, лежащая в грязи, едва ли не в луже. Из одежды только рваный кусок ткани, грязная, как из помойки, запах соответствующий, да еще наверняка и блохи. Ну да ничего, потом можно отмыться в бане.

Навсифой спешился, брезгливо оглядел девочку.

– Как тебя звать? – спросил он, малышка не отвечала, затравленно глаза на страшного дядю, – Впрочем, неважно.

Слуга поднял ребенка, завернул в теплое одеяло, усадил в седло перед собой. Девочка была тонюсенькая, как скелет, страшная, наполовину беззубая. Глаза смотрели с испугом и совсем не детской горечью.

«Если бы я не подобрал, скорее всего умерла бы ночью от голода или холода, – решил Навсифой, – Впрочем теперь ее судьба еще более темна и незавидна.»

Он натянул поводья, лошадь мерно побежала обратной дорогой. В очередной раз слуга выполнил приказ Эсхина, а что сделает с девочкой хозяин – не имеет никакого значения.

Пандора сидела за столом, в ступоре уставившись на деревянную столешницу. В последнее время она все больше уходила в себя, часами неподвижно созерцая мебель, а мыслями блуждая в далеких мирах. В душе девушки поселилась обреченность, мир замкнулся в ней самой, будто ничего кроме не существовало.

Она часто представляла Крэг-хана, в мечтах он был живым, здоровым, сильным и красивым. Но рано или поздно мечтания невольно возвращались к ужасному моменту смерти, когда человек, которого она называла отцом, подло, исподтишка убил ее возлюбленного.

Пандора винила себя в случившемся. Ведь это она остановила варвара, в нелепом благородном порыве заставила опустить оружие, расслабиться. Как она могла не замечать, что

отец превратился вдруг в такое же чудовище, против которых раньше сражался? Если бы она знала, что произойдет! Если бы Крэг-хан не послушал ее, если бы не отвел взгляд. Если бы он отразил подлый удар. Если бы...

Девушка всхлипнула, в очередной раз припомнив ту череду эмоций, что промелькнула в глазах варвара в последние секунды жизни: любовь, недоумение, боль, изумление, вопрос, разочарование и... пустота.

До сих пор Пандора не могла принять произошедшее, отказывалась верить в реальность. Казалось, что это лишь сон, дурной, страшный кошмар, от которого нужно только проснуться.

Грезы Пандоры становились все более реалистичными, а окружающий мир казался серым и неинтересным. Грань между сном и явью стиралась, девушка мягко погружалась в безразличное состояние сомнамбулы. Она практически не разговаривала, с трудом поглощала пищу, слугам приходилось водить ее за руку, чтобы девушка умывалась и принимала ванны.

Засыпала только при свете, ночью часто пробуждалась с криком, долго еще находилась в плену ужасных видений. Пандоре казалось, что ничто в мире больше не доставляет удовольствия, не прельщает. Вокруг остаются только серость, страх и горечь потери.

В комнату еле заметно вошел Эсхин, скрипнула, закрываясь, дверь. Звук шагов приблизился, мужская рука легла на

плечо Пандоры.

– Как ты, дочь?

Девушка медленно возвратилась к реальности, взгляд постепенно обрел осмысленное выражение, на лице появилась злость, губы скривились в презрительной гримасе.

– Не зови меня так!

– Почему же?

– Ты мне не отец! Не хочу тебя больше видеть.

Она бы убежала прочь, но твердые руки Эсхина удержали на месте, больно сжав плечи.

– Отпусти! – почти крикнула девушка, – Чудовище!

Воин грустно вздохнул.

– Почему...

– Только чудовища поступают так, как ты! Ударил, прикрывшись женщиной! Ты убил... убил... Крэг-хана!

– Я сделал лишь то, что должно, – терпеливо пояснил мужчина, – Лишь то, что велит пророчество.

– К черту твой долг! К дьяволу пророчество! Тебе просто нравится убивать!

– Ты не права, – Эсхин понемногу выходил из себя, трудно объясняться с помешанной, – Я не безумец и не маньяк! Ты должна понять, есть нечто гораздо важнее меня и тебя. Важнее всех нас вместе взятых! Пророчество должно исполниться, от этого зависит судьба Греции! Я не могу рисковать ради дикаря, каким бы прекрасным он тебе не казался.

– Ты подлец! Трус! Ты даже не дал поединка!

– Хватит, девочка, больше никаких поединков. Я уже не мальчик, чтобы доказывать что-то кому бы то ни было. А самому себе я уже все доказал. Отныне никакого риска, мы будем жить, чтобы свершить то, что нам предначертано богами.

Пандора вскрикнула, голова упала на руки, тело сотрясилось от рыданий. Эсхин смотрел сочувственно, мягко поглаживая приемную дочь по спине.

– Я отвергаю твоих богов! – сквозь всхлипывания с трудом произнесла Пандора, – Я не верю больше ни в какое пророчество. А если оно и есть, то пусть горит синим пламенем! Не хочу иметь ничего общего ни с ним, ни с тобой!

Воин нахмурился, брови гневно сошлись на переносице, ладонь нервно сжалась.

– Послушай, девочка, и постарайся усвоить то, что я скажу. Ты выросла в моем доме, хочешь того или нет, но я считаю тебя дочерью. И пока ты здесь – ты целиком и полностью в моей власти. Ты будешь делать то, что я скажу! Будешь жить так, как я пожелаю! Верить в то, во что верю я! И поклоняться моим богам, как своим собственным!

– Нет! Никогда! – хриплый крик сорвался с губ Пандоры. Эсхин молча размахнулся и наотмашь ударил по лицу. Девушка упала на пол, прокатившись несколько шагов, из разбитой губы закапала кровь.

– Запомни! – рявкнул Эсхин, – Я сделаю все, чтобы исполнить предначертанное! Все! Меня не остановит ничто!

Даже твое глупое самовлюбленное упрямство!

Мужчина выбежал прочь, гневно хлопнув дверью. Пандора осталась лежать на полу, сотрясаясь от рыданий. Слезы текли по лицу девушки, смешиваясь с кровью, она проплакала не меньше часа, пока, вконец обессиленная, не уснула прямо на полу.

Пришел вечер, приближалась ночь, на Сикион опустилась тьма, принеся с собой прохладу и свежесть. На небе мерцали россыпи созвездий, с моря подул свежий ветерок, город уснул вместе со своими жителями. Эсхин глянул на небо, кивнул сам себе – пора!

Пересек внутренний дворик, оставил за спиной просторный коридор, бесшумно отворилась дверь в храм, мелькнули ступени, освещенные скупым пламенем свечей.

Здесь все готово к обряду. Круглый постамент очищен, обильные жертвы уложены в соответствующих местах. По окружности нанесен сложный орнамент, магические письмены на неизвестном языке выведены вдоль главных диаметров. Вершины вписанного треугольника украшают символические изображения богов: величественного Аида, неумолимого Танатоса, ужасную Гекату. На алтаре маленькая девочка, обнаженная, намертво привязанная к каменному желобу. По счастью без сознания, да так оно и лучше, ни к чему лишние крики.

Криков хватало и без того. Распятая на боковом алтаре Пандора вопила не переставая. Эсхин скорбно поморщился,

подходя ближе. Он с участием посмотрел на бьющуюся в путах девушку, мягко покачал головой.

– Не бойся дочь, тебе ничего не грозит, – постарался успокоить воин, – Поверь, я делаю все это только ради твоего блага.

Пандора разразилась криками, требуя отпустить ее и, одновременно, убираться прочь. Глупышка! Сама не понимает своего счастья.

– Дочь, воплями ты делаешь только хуже, – грустно заметил Эсхин, нацепив на девушку кляп, сразу заглушивший звонкий голос.

Он еще раз оглядел храм – все на месте: инструменты, жгуты, веревки, заготовки, все уложено, почищено, приготовлено. Слова обряда накрепко врезались в память, последовательность действий известна, незачем больше откладывать неизбежное.

Эсхин взял нож, Пандора в страхе отпрянула, насколько позволяли запоры, задергалась, пытаясь отстраниться подалеже. Мужчина ловко и аккуратно разрезал одежду, сорвал с девушки белье, оставив ее абсолютно голой. Она мычала сквозь кляп, всхлипывала от страха, глаза выразительно стреляли в отчима пронзительными взглядами. Мечник не обращал внимания, перейдя к девочке, повторил все манипуляции и с ее одеждой.

Подготовка окончена, нож отправился отдыхать, его место занял острейший скальпель. Эсхин тяжело вздохнул, низ-

ким речитативом проговорил первые слова обряда, острие коснулось кожи девочки. Она тут же очнулась и дико заверещала, дергаясь на привязи. Это необходимое зло, жертва должна оставаться живой, и, по возможности, в сознании как можно дольше.

Эсхин кромсал, резал, не обращая внимания на брызги крови и истошные вопли жертвы. Тут была определенная система, дело не в жестокости и вовсе не в мучениях. Главное правильно расположить раны, чтобы кровь стекала определенными путями, собираясь в главном резервуаре.

Девочка выдержала совсем мало, сознание покинуло тельце. Жизнь еще теплилась, но это тоже ненадолго. Кровь струилась ручьями, Эсхин то и дело произносил слова заклятий, поочередно орошая кровью различные части алтарного камня. Мельком глянул на Пандору – та обвисла на веревках, потеряв сознание от ужаса. Мужчина макнул в резервуар специальным пестиком, тщательно окропил дочь кровью, произнося очередное заклинание. Девушка дернулась, тело изогнулось дугой, затряслось в божественном экстазе.

Эсхин отвернулся, самое сложное позади, осталась завершающая часть ритуала. Он потянулся, рука ухватила небольшой амулет из темного, как Тартар, камня. Вскинув голову, мужчина прокричал последнее заклятие, амулет упал в сосуд с кровью.

Подул непонятно откуда взявшийся ветер, свечи разом потухли, погрузив комнату во тьму. В ушах загудело, раз-

дались нечеловеческие вопли, Эсхин пошатнулся от удара, потрясшего весь храм. Тьма пульсировала силой, жила своей, особой, неживой жизнью. На мгновение щупальца тьмы охватили Эсхина целиком, как и его дочь, потом разом схлынули. Все кончилось. Мужчина ощутил себя стоящим на коленях в сером полумраке.

Дрожащие руки не с первой попытки смогли разжечь огонь. Наконец, одинокая свеча осветила забрызганный кровью алтарь с истерзанной жертвой. Эсхин глянул вбок, на Пандору – жива, грудь еле видно вздымается.

Он разжег больше свечей, принес несколько ведер воды. Помылся сам, тщательно протер губкой тело дочери, вычищая каждое пятнышко. С большими предосторожностями достал из сосуда амулет, толстый кожаный шнурок вделся в прорезь. Эсхин завязал аккуратный узел, камень опустился на шею девушки. Пандора застонала, из горла вырвался звериный хрип, тело несколько раз дернулось. Потом она открыла глаза.

Эсхин со страхом отступил – яркие радужки дочери истлели, взгляд совершенно спокойный, без намека на страх или неудовольствие. На него глянули совершенно черные, без единого просвета, зрачки.

– Отец, – без тени эмоций, словно перед ней не лежал освежеванный трупик, проговорила Пандора, – Освободи меня.

Мечник удовлетворенно кивнул и протянул руки к верев-

кам.

Корабль пришел в Сикион ранним утром, пассажиры тут же перебрались на берег, к полудню разгрузка закончилась. Тем удивительнее оказалось для лодочника везти запоздавшего странника.

– Почему вы не уплыли на берег утром, вместе с остальными? – не удержался Федос.

– Я никуда не тороплюсь, – с грустной улыбкой ответил пассажир.

Он был одет, как монах или служитель одного из многочисленных культов. Далеко не юн, хотя все еще в отличной форме. Фигура выдает немалую силу, на лице отголоски скрытой печали, следы жизненных лишений.

Федос занимался перевозками многие годы и уж в чем-чем, а в людях научился разбираться. Этот монах вызывал в нем странную смесь эмоций. С одной стороны – безусловно добрый, спокойный, отзывчивый. Но в тоже время есть в нем что-то скрытое, внутренняя мощь, которую не стоит высвобождать без особой необходимости.

– Жизнь коротка, – философски заметил лодочник, – Всегда стоит поторапливаться.

– Мне ли об этом не знать, – еще грустнее заметил монах, – Но... от судьбы в любом случае не убежишь, как бы быстро ты не разогнался.

– Тоже верно, – согласно кивнул Федос.

Ему понравилось такое развитие беседы, лодочник любил

поболтать на отвлеченные темы, перемыть косточки богам и порассуждать об устройстве вселенной. Но, прежде чем он успел вставить очередную мудрость, пассажир резко переменял тему.

– А что, какой-то праздник? Город украшен, порт блестит чистотой. Сикион преобразился.

– Как же, праздник. Свадьба как-никак!

– Да! И кто женится?

– Известно кто! Наш благородный правитель Эсхин!

– Замечательно. Кто же избранница знаменитого мечника?

Федос задумался, подбирая слова. Тут он вступал на очень тонкий лед, который мог подломиться от любого неосторожного движения.

– Господин нашел себе воистину подходящую пару. Молодая, красивая, умная...

Монах внимательно глянул на лодочника, тот слегка помурился под испытующим взглядом.

– Ты как будто не рад этой свадьбе... В чем дело?

Федос сплюнул в море, с удвоенной силой налег на весла.

– Пойми меня правильно, монах. Я уважаю господина и очень благодарен ему. Кто бы что ни говорил, но благодаря Эсхину Сикион процветает. Ну... по большей части.

– Но...

– Но! – лодочник огляделся, как будто кто-то мог подслушать их разговор, – Жениться на своей дочери, пусть даже

приемной... как по мне это перебор.

Монах задумчиво потер подбородок.

– А что же она?

– Она? Счастлива! По крайней мере так кажется со стороны.

– Гм... Ну а ты сам-то что думаешь?

– Да кому какое дело до моих дум! – озлился Федос, – Попахивает тьмой, вот что я тебе скажу!

Он замолчал, недовольный собой. Зря поддержал глупый разговор, зря позволил монаху разговорить, зря разоткровенничался. Как бы теперь не поплатиться за смелость.

Хилон молчал, не желая больше смущать пожилого гребца. Когда лодка достигла берега, он щедро расплатился и быстро покинул порт. Смешавшись с толпой, монах без лишней суеты продвигался к главной площади города.

Значит, свадьба. Получается, он приехал как раз вовремя. Хилон ни секунды не сомневался, что Пандора может выйти замуж за отчима лишь под сильнейшим принуждением. То есть – ей понадобится помощь. Как и чем он сможет помочь – другой вопрос.

Город и впрямь преобразился. Широкие улицы вычищены, повсюду украшения, бесплатно раздают соки и закуски. Даже уличные торговцы ведут себя чинно, с достоинством, не пристают ко всем встречным с назойливыми предложениями. Народ радостный, довольный, лишь краем глаза можно заметить смущенные перешептывания, да и то – о чем они

– догадаться невозможно.

Народу становилось все больше, людской поток вынес Хилона на главную площадь. Посмотреть на церемонию бракосочетания правителя собрался, похоже, весь Сикион, а возможно и окрестности. Хилон удивился, такой толпы он не видел даже во время Олимпийских игр. Здесь собрались все – мужчины, их жены, любовницы, дети, пришел и стар, и млад. Каждый хотел оказаться поближе к высокому помосту, чтобы воочию увидеть Эсхина и молодую жену. Но для Хилона то был не просто вопрос зрелищности, он усиленно заработал локтями, пробираясь сквозь толпу, учтивые извинения то и дело слетали с его уст.

Монах вспотел, солнце жарило нещадно, тепло людских тысяч, стиснутых друг с другом, подняло температуру еще выше. Когда Хилон сумел пробиться напрямик к помосту, пот покрывал тело целиком, волосы слиплись, по спине бежали теплые ручейки. Он проклял свою недогадливость – фляга с водой значительно облегчила бы ожидание, но захватить питье не удосужился.

Вокруг помоста установили невысокий – до пояса – деревянный заборчик, ограничивающий доступ. Кончено, хлипкое сооружение не смогло бы сдержать наплыв огромного количества людей. Толпу осаживали три ряда стражей, оцетившихся мечами и копьями. Хилон осмотрел оцепление – умелые воины, пробиться через строй в одиночку не смог бы и Геракл. Впрочем, Хилон не рассчитывал бросаться на вы-

ручку прямо здесь и сейчас, он даже не вооружился.

Первыми на помосте, под приветственный свист толпы, появились музыканты. Барабанщики взмахнули палочками, грохот разнесся над площадью, задавая ритм веселью. Бум-бум-бум! – гремели раскаты, люди принялись пританцовывать, Хилон ощутил, что помимо воли, его сердце также старается биться в такт.

Вступили духовые, громкие протяжные звуки гармонично вписались в общую какофонию. Арфистов не было – нежные трели все равно не слышали бы даже те, кто стоял рядом. Зато гром барабанов и завывания горнов слились с восторженным человеческим хором, простая, но завораживающая музыка разлетелась над площадью, достигая каждого. Хилон не мог не признать суровой притягательности примитивного ритма, практически все вокруг прихлопывали и притопывали, по коже побежали мурашки, настроение толпы передалось сходу.

Музыка продолжалась долго, потом в какой-то момент неожиданно смолкла. На помост вышли две фигуры в белых одеяниях: мужская и женская.

Толпа восторженно взревела! Гром голосов, свист, крики – казалось, монах сейчас оглохнет от невероятной по громкости мешанины. С трудом удалось сосредоточиться, вглядываясь в людей на помосте.

Эсхин стоял прямо, выглядел просто неимоверно властным, гордым, сильным. В его фигуре без труда читалась го-

товность повелевать, уверенность в себе, тело буквально светилось невероятной внутренней силой. И в тоже время он был красив, той мужественной, brutальной красотой, что сводит с ума женщин и не вызывает неприязни мужчин. Идеальный правитель, непобедимый воин, талантливый вождь, лидер от природы, безусловный герой, почитаемый чернью, любимый обычными гражданами, уважаемый богачами. Его боялись, ему поклонялись, его боготворили.

Пандора, не менее величественная и отчаянно прекрасная. Снежно белые одежды контрастно подчеркивают смуглость кожи, темные волосы водопадом льются по плечам, узкий пояс перехватывает осиную талию, позволяя оценить стройность фигуры. Высокая грудь гордо выпячена вперед, подбородок вздернут вверх, на губах застыла торжествующая полуулыбка.

Хилон был ошеломлен, сражен ее красотой. Он и раньше считал Пандору прекраснейшей девушкой на земле, но сейчас она преобразилась, повзрослела, стала более женственной. Ее красота раскрылась полностью, расцвела, как бутон под весенним солнцем.

Но больше всего монаха поразили глаза. Абсолютно холодный, бесчувственный взгляд, скользящий поверх голов. Она смотрела на людей, как на стадо жертвенных бычков, как на необходимый резерв, оценивая количество и качество человеческого ресурса.

Хилон сжался, внезапно ему расхотелось встречаться с

девушкой взглядом. Он кожей ощутил исходящую от нее темную мощь, неприкрытую мрачную силу. Человека будто подменили, если такое только возможно.

Взор Пандоры неумолимо остановился на Хилоне, будто притянутый магнитом. Монах съежился, почувствовав себя кроликом перед удавом. Он уловил в глазах девушки узнавание, потом взгляд стал надменным, максимально презрительным. Холод вполз в грудь Хилона, ухватил сердце цепким кулачком, в глазах потемнело, дыхание сперло. Секунда – и все прошло, Пандора отвернулась, отпустив монаха. Хилон пошатнулся, едва устояв на ногах.

Девушка шагнула к Эсхину, их губы встретились. Толпа заревела с новой силой, приветствуя кумиров. Громогласное скандирование продолжалось все время, пока длился страстный поцелуй.

На помост взошли жрецы, появились жертвенные животные, яства. Эсхин шагнул на видное место и вскинул вверх руки.

Власть этого человека ошеломила Хилона с новой силой. Казалось бы – простой жест, но многотысячная толпа умолкла, затихли крики, закончились разговоры, прекратился даже шепот. В наступившей тишине монах легко различал голоса жрецов, проводящих церемонию.

Обряд длился недолго – около получаса – и все это время пораженный Хилон стоял в полной тишине среди огромного скопища разномастных людей. Все внимательно слушали,

ловили каждое слово. Когда Эсхина и Пандору объявили мужем и женой, одобрителный выдох разом пронесся над площадью. Эсхин взмахнул рукой, девушка сдержанно наклонила голову, человеческое море задохнулось от радостных рукоплесканий. Виновники торжества величественно удалились, на площади началось безудержное празднование.

Хилону понадобилось несколько часов, чтобы выбраться из объятий ликующей толпы. Впрочем, на улицах города царило точно такое же безумие. Все поголовно радовались, кричали, поздравляли друг друга со счастливыми улыбками на лицах. Монах с трудом продирался подальше от центра города, голова раскалывалась от криков, мужчину начало подташнивать.

Лишь добравшись почти до городской черты, Хилон смог вздохнуть немного свободнее. Он протиснулся в небольшой дворик, где укрылся от восторженных криков прохожих. В центре двора стоял полукруглый каменный очаг, где и сейчас, несмотря на жаркий день, горело яркое пламя.

Скрипнула дверь, навстречу монаху вышел старик в жрецеском наряде.

– Доброго дня! – проговорил Хилон, опережая вопрос жреца, – Скажи, досточтимый, что это за место?

– Это храм, – спокойно ответил старик, – Здесь мы почитаем Митру – бога огня и солнечного света.

– Можно я немного посижу у пламени? – попросил монах, устало опустившись на каменные ступени.

Жрец внимательно оглядел Хилона, взгляд старика смягчился.

– Отдохни, сколько потребуется, – мягко сказал он, – Огонь не ослабеет, если от него зажечь другие.

Старик развернулся и скрылся в доме. Хилон глянул на безоблачное небо, с благодарностью принимая легкое дуновение ветерка.

Он с болью вспомнил церемонию. Можно принудить выйти замуж, но принуждение заметил бы любой зрячий. А Хилон не увидел ни следа насилия, Пандора действовала исключительно по своей воле, больше того, на ее лице монах прочитал удовлетворение, полное одобрение происходящего.

Получается, девушка получила то, чего сама хотела? Выходит, Пандора счастлива?

Глава №13

Квартал легкодоступных женщин в Афинах никогда не засыпал, жизнь кипела здесь постоянно. Сюда заходили самые разные посетители – и матросы, и степенные купцы, и обычные горожане. Под стать спросу существовал и выбор – на любой вкус и цвет. Самый изысканный ценитель женской красоты нашел бы здесь подругу на чал, на ночь, а чем черт не шутит, и на всю жизнь.

Селена жила в отдаленной части квартала, сюда заходили редко, что вполне устраивало девушку. Своих клиентов она знала – не в лицо, понятно, а вообще, типаж. Почему-то больше всего внешность Селены нравилась стареющим толстякам, не отличавшимся в постели особым задором и фантазией. Зато они готовы хорошо платить за нежное отношение.

Нельзя сказать, что профессия ночной бабочки нравилась Селене, другой жизни она просто не знала. Мать занималась тем же ремеслом, девочка выросла среди блудниц, торговать телом было для нее также естественно, как для булочника продавать лепешки. Когда мать умерла, Селена по наследству заняла дом и место в квартале.

Девушка не могла похвастаться большими доходами, денег едва хватало на жизнь. Впрочем, она никогда не завидо-

вала более успешным подругам. Иногда Селена видела, как к иным выстраивались целые очереди посетителей, тогда ей становилось жаль бедняжку, попавшую на поток: придется не просто обслужить всех, нужно еще и приветливо улыбаться, делать вид, что получаешь удовольствие.

Селена знала, что ничего другого в жизни ей не светит. Вырваться из квартала получилось за долгие годы у считанных единиц, и то они отличались либо незаурядной внешностью, либо глубоким умом. Вариант уйти один: подцепить на крючок мужчину, влюбить в себя случайного посетителя, да так, чтобы захотел сделать шлюху постоянной любовницей. Да только где же взять такого простофилю, да еще и достаточно состоятельного для содержания новой пассии? Боги не дали Селене сногсшибательной внешности, не наделили гениальным разумом, не наградили талантом соблазнения. Здесь она родилась, здесь живет, здесь, скорее всего, и умрет.

От грустных мыслей девушку отвлек появившийся вдали прохожий. Он шел, внимательно вглядываясь в лица женщин, учтиво отвечая на приветствия, вежливо игнорируя заигрывания. Одет, как монах, что само по себе не такая уж редкость, хотя служители богов не частые гости в квартале. Селена всмотрелась внимательнее: солидный, сильный мужчина, явно при деньгах и не дурак по женской части. Девушке он сразу приглянулся, но она решила, что не ее клиент: слишком богат, самоуверен и ни намека на пузо. Такие лю-

бят пышных блондинок с большим задом и полными грудями. Ни тем, ни другим Селена похвастать не могла.

– Привет! – звучный приятный голос заставил девушку вздрогнуть, – Меня зовут Хилон. А как твое имя?

– Селена, – глупо пролепетала она, поднимаясь.

Девушка привычно повернулась вокруг оси, давая себя осмотреть, но мужчина глядел лишь на лицо, что немного смущало.

– Селена, ты мне подходишь, – спокойно проговорил монах.

– Ну... Хорошо, пойдем.

– Нет, – он отрицательно махнул на домик, – Не у тебя. Ты пойдешь со мной.

– Но... я...

– Держи, – видя сомнения девушки Хилон достал из кошелька монету, – Это половина. Дам еще столько же, когда закончишь работу.

Селена растерянно глянула на монету, которая волшебным образом оказалась в руке. Мина, целая мина! Это очень большие деньги! Можно жить, не работая пару месяцев, а если экономить, то и полгода.

– Это очень много, – прошептала она, – Я... я столько не стою.

Сказала и только потом поняла, какую глупость сморозила. Всхлипнула, готовая к тому, что монах заберет монету и уйдет в поисках более покладистой подруги. Но мужчина не

подумал отступить.

– Ты не поняла, – мягко сказал Хилон, – Это не за одну ночь. И ты нужна мне не для себя.

– Тогда... что? Кто? – девушкой окончательно овладела непривычная робость.

Монах погладил подбородок, шагнул, сразу вдруг оказавшись чуть ли не вплотную к Селене.

– Мой друг тяжело ранен, – тихо пояснил он и тут же поднял руки, – Не подумай, ничего заразного! Если только удар мечом в сердце не передается через постель... Я хочу, чтобы ты проводила с ним ночи, согревала, ласкала, если понадобится – любила. До тех пор, пока он не встанет на ноги.

– А... разве я могу? Я ведь не врач.

– Селена, доктор уже сделал все, что в его силах. Тебе не нужно лечить, ты должна вернуть мужчину с того света.

– Хорошо... – девушка спрятала монету в сумку, – Я попробую...

Монах глубоко задумался, взвешивая, нужно ли открыть новой подруге больше информации. Наконец, он решился.

– Есть еще одно, – он слегка помялся, – Ночью, в темноте, в бреду, мой друг может случайно назвать тебя... Пандорой. Я хочу, чтобы ты ему подыграла.

Селена была достаточно умна, чтобы понять, что к чему. Она послушно кивнула и кинулась собирать вещи. Хилон посмотрел ей вслед, грустно вздохнув. Он сделал все, что мог. На остальное воля богов.

Когда Хилон прошел по следу до конца, уже почти рассвело. Солнце показало из-за горизонта свой край, света хватало, чтобы различить древние руины, приспособленные для временного жилья. Монах вышел к стене, заглянул внутрь и обомлел. Внутри амфитеатра он увидел следы настоящей бойни.

Повсюду валялись мертвые тела, и если поначалу видно, что это были люди, сраженные оружием, то дальше... целая гора обгорелых трупов, словно люди сами прыгали в пожиривший их огонь. Хилону стало дурно, он с трудом сдержал рвотные порывы.

Стараясь не смотреть на пепелище, он прошел в другую часть амфитеатра. Здесь, на импровизированном троне сидел, пригвожденный к дереву, громадный человек, судя по всему – главарь шайки. Живот вспорот, часть внутренностей валяется на земле. Похоже, смерть вожака не была приятной. Вокруг ни следа пленниц, ни единой живой души.

И тут монах заметил Крэг-хана. Он лежал на боку, нелепо изогнувшись всем телом. Глаза закрыты, торс в запекшейся крови, на груди – ровная колотая рана.

Хилон выругался. Он видел такие уколы, да и, что греха таить, сам не раз наносил подобные удары. Опытному глазу воина хватило одного взгляда, чтобы понять – рана смертельна. Меч входит в грудную клетку, рассекая сердце надвое. Смерть быстрая, почти безболезненная, но совершенно неотвратимая.

– Как же так, Крэг-хан, – с тоской проговорил Хилон, склонившись над телом, – Всех перебил и позволил кольнуть себя точно в сердце?

Словно услышав его слова, Крэг-хан громко выдохнул, воздух с хрипом вырвался из легких. Монах вздрогнул, чуть не отскочив назад. В такие чудеса он не верил: если уж кто получил удар в сердце, то это гарантированный труп! Трупы порой издают странные звуки, тело может дергаться в конвульсиях, воздух выходит из внутренних органов. Но все-таки...

Хилон наклонился ближе. Пульс не прощупывался, как монах не старался – ни на запястье, ни на шейной артерии. Тогда он достал из мешка небольшое серебряное зеркальце, тряпица тщательно протерла поверхность, после чего Хилон поднес вещь ко рту падшего. Не прошло и минуты, как зеркало заметно запотело.

– Черт тебя дери, варвар, – с радостной злостью ругнулся монах, – Какого хрена ты не сдох?

Он поднялся, оглядываясь. Нужно перевязать рану и срочно доставить бедолагу к доктору. Но как? В седле он не удержится точно, даже с помощью Хилона. Рана откроется, северянин истечет кровью, не сделав и половины пути.

В развалинах поодаль почудилось движение, Хилон подпрыгнул, меч застыл, уставившись на мертвый камень.

– Кто там? – заорал монах, – Выходи!

– То-о-о-лько не убивайте-е-е! – из-за камней поднялась

грузная женщина, тут же разразилась громкими рыданиями.

Хилон подошел поближе, но расспросить ее не было никакой возможности: от пережитого ужаса на беднягу напала форменная истерика, она рыдала взахлеб, едва успевая дышать.

– Успокойся! – рявкнул Хилон, затем добавил чуть мягче, – Ты видела, что здесь произошло?

Крик вкупе с тихим голосом немного помог, женщина кивала, у нее получилось составлять членораздельные звуки.

– Банда... убили... жарили... – с трудом разобрал монах, – Двое... демоны... напали... а потом... – глаза рассказчицы округлились, – Бум! Огонь из самой преисподней!

Хилон обнял несчастную, прижав к себе. Женщина разразилась новой порцией рыданий.

– А что потом? И где остальные пленницы?

– Потом... убил... главаря... а его... второй... все... разбежались... я не могла...

Монах подвел женщину к месту, где лежал варвар. Она постепенно успокаивалась, всхлипы слышались все реже. Хилон дал напиток, она благодарно улыбнулась, размазывая слезы по лицу.

– Демоны спасли нас, – проговорила уже вполне внятно, – А потом один убил другого.

Хилон кивнул, картина немного прояснилась.

– К счастью, демона не так-то просто убить, – мрачно заявил он, – Здесь можно найти что-то вроде телеги?

Женщина молча уставилась на поверженного варвара, пытаясь осмыслить сказанное монахом.

– Эй!

– А? Да, я видела небольшую повозку где-то в развалинах, – опомнилась она, – Но лошади все равно разбежались...

– Я займусь лошадьми, а ты поищи чем перевязать рану.

Не меньше часа ушло у Хилона на то, чтобы изловить двух смирных лошадок и запрячь их в простую одноосную повозку. Потом он как мог аккуратно замазал рану воском, спасенная женщина помогла перетянуть грудь чистыми тряпками. Но, несмотря на все предосторожности, стоило Хилону взять варвара на руки, как рана вскрылась, под тряпицей разрассталось красное пятно. Монах уложил раненого на повозку, женщина уселась рядом, чтобы присматривать в пути. Хилон забрался на козлы, руки ухватились за вожжи, повозка медленно тронулась по бездорожью.

Клодиус считал себя лучшим врачом в Греции. Жаль только пациенты бывали с ним не всегда согласны. Из-за склочного характера, неумения лебезить и кланяться, Клодиус никак не мог заполучить состоятельных клиентов. А все потому, что им, зачастую, требуется не лечение, а очередная порция лести и лизоблюдства. Этого Клодиус не умел, не хотел и не мог. Вот и прозябал на окраине полиса, вместо того, чтобы быть богатейшим врачом Афин.

Хлопнула дверь, ввалились несколько увальней, коих он

использовал в качестве слуг.

– Там! Эта! Раненый! – как обычно излишне громко, буд-то Клодиус глухой.

– Пусть войдет.

– Так эта! Без сознания!

Врач глянул снисходительно, поднялся.

– Заносите.

Слуги забегали, Клодиус принялся намыывать руки, готовясь к работе. В комнату втащили деревянные носилки, на них лежал здоровенный мужчина, суда по виду, северных кровей. Клодиус встречал таких, но врачевать не приходилось – варвары отличались изрядным здоровьем и живучестью. Уложить такого в постель могла разве что чума или, как в данном случае, тяжкие раны.

– На кушетку! – скомандовал врач, подойдя к пациенту.

Слуги переложили тело, Клодиус нагнулся над пациентом, лицо врача сморщилось в недоумении.

– Кто его привез? – спросил он, не поднимая глаз.

– Я.

Возле кушетки остался мужчина в простой рубахе, с темными волосами и серьезным лицом.

– Досточтимый...

– Хилон.

– Досточтимый Хилон, – Клодиус оторвался от созерцания раны, – Вы, должно быть, ошиблись. Вашего друга нужно отвезти к жрецам, дабы те помогли душе беспрепятствен-

но удалиться в царство мертвых. А я с мертвецами не работаю.

В руках мужчины сверкнула монета, Хилон положил ее на стол с хорошо слышимым стуком. Внимательный взгляд врача оценил жест. Целая мина! Хорошие деньги, даже по меркам врачей, даже по меркам Афин.

Можно было бы взять плату, сделать вид, что изо всех сил пытаешься спасти пациента. А потом... ну что поделать, не удалось. Видать, нет на то воли богов!

Клодиус отогнал от себя темный мысли. Не тому его учил великий Павсаний! Не для этого врач отдал науке лучшие годы жизни.

– Уважаемый, даже все деньги мира не смогут воскресить мертвого, – Клодиус вздохнул, язык пробежался по пересохшим губам, – Поверьте мне, я разбираюсь в ранах. Не знаю, с кем схлестнулся ваш товарищ, но удар явно нанес профессионал. Вот посмотрите, – врач указал на рану, – Клинок вошел точно между ребер, рассек сердце надвое. После такого удара умирают в течении минуты, не более. Боюсь, северянин уже на пути в царство Аида...

Хилон не успел ответить. Голова варвара неожиданно приподнялась, невидящий взор блуждал по лицам.

– Пандора... – из уст вырвался слабый стон, и северянин откинулся назад.

Клодиус не мог поверить своим глазам. Еще никогда он не видел, чтобы трупы разговаривали!

– Невероятно! – врач бросился к инструментам, не забыв, однако, прихватить монету со стола, – Такого не может быть, потому что такого не может быть в принципе! Но... он еще жив!

Лекарь развил бурную деятельность, у кушетки появился специальный столик, на нем возник набор хирургических инструментов. Слуга принес кипяток, пахло спиртом, на огне грелись иглы. Тампоны, бинты, нитки. Клодиус разминал руки, готовясь приступить к операции.

– Невероятно! – возбужденно повторил врач, не прерывая приготовлений, – Я слышал о таком, но, честно говоря, не верил! Декстрокардия!

– Дек... что? – переспросил Хилон.

– Декстрокардия! – бросил Клодиус, потом, глянув на мужчину, пояснил, – Аномальное расположение органов. Короче говоря, похоже, у вашего друга сердце справа, а не слева, как у всех обычных людей.

– И... что это значит?

– Это значит, что варвар может и выкарабкаться! – лекарь взял в руки лезвие и задумчиво добавил, – Но какая удача! Аномалия встречается крайне редко, один случай на миллион. Даже Гиппократ, величайший врач всех времен, описал декстрокардию лишь теоретически! Кто бы мог подумать, что мне повезет увидеть ее воочию!

Клодиус приступил к операции. Аккуратно вскрыл рану, прочистил внутренности, заживляющая мазь покрыла

края. Хилон ассистировал, хладнокровно подавая нужные инструменты. Наконец, удовлетворившись состоянием разреза, врач принялся зашивать.

– Вот, кажется, и все, – констатировал он, утирая пот, – Я сделал, что в моих силах. Теперь жизнь пациента в руках богов... Ему нужен покой, хороший уход и время...

Прошло несколько дней, но состояние Крэг-хана не улучшалось. Он все также редко приходил в сознание, метался в плену бредовых видений. Смертельная бледность не сходила с лица.

Хилон арендовал небольшой домик на окраине Афин, варвара с невероятными предосторожностями перенесли в новое жилище. Клодиус навещал необычного пациента каждый день, осматривал рану, чтобы убедиться в отсутствии нагноения.

– Ничего не понимаю, – удивлялся врач, – Операция проведена превосходно, рана чистая, рубец уже заживает. Почему же он не приходит в себя? Такое ощущение, что что-то мешает! Похоже, наш подопечный просто не хочет жить! – Клодиус внимательно глянул на Хилона, – Что с ним стряслось? И кто такая Пандора?

Селена пришла, как обычно, ближе к ночи. Вежливо поприветствовав Хилона, проскользнула в спальню варвара.

Крэг-хан, так его зовут. Правда девушка не знала, суждено ли когда-нибудь еще северянину услышать свое имя. Вот уже неделю она делила ночи с мужчиной, лежащим без сознания.

Пока что особых улучшений не было.

Поначалу Селена немного страшилась, как, впрочем, люди боятся всего нового и непривычного. Страхи девушки быстро рассеялись, наоборот, ей даже стало жаль варвара. Такой большой, сильный, красивый, а лежит, не шелохнется. Он будоражил чувства девушки, причем не только материнские.

Хилон всегда относился к Селене подчеркнуто вежливо. Вечером угощал ужином, утром девушку обязательно ждал готовый завтрак. Она была благодарна мужчине, не только за еду, но и за уважительное отношение. Ни разу он не позволил себе выказать пренебрежение, столь обычное по отношению к женщинам ее профессии.

Еженощные отлучки Селены заметили. Подруги выспрашивали, зависть проступала на лицах соседок по кварталу. Неужели у никудышной Селены появился постоянный любовник? Неужто именно ее выбрали боги, чтобы помочь выбиться в люди? Конечно, девушка понимала, что все это чушь. Скоро варвар выздоровеет или умрет, и ей придется вернуться к привычной повседневной жизни.

Селена прошлась по спальне, руки машинально открыли окно, свежее дуновение разогнало застоявшийся воздух. Девушка скинула одеяло и принялась аккуратно обтирать варвара влажной губкой, как делала каждый вечер. Вообще-то это не входило в ее обязанности, но Селене было приятно ухаживать за Крэг-ханом, к тому же лучше обнимать чисто-

го мужчину, а не потное грязное тело.

Закончив обтирания, девушка внимательно оглядело мужское тело. За время болезни северянин исхудал, но все же мышцы впечатляли даже в таком виде. Одеяло укрыло варвара до головы, Селена сбросила одеяния и юркнула к нему.

Она прижалась к груди Крэг-хана, ладонь нежно гладила широкие пласты мышц, аккуратно обходя заживающую рану. Голова девушки уткнулась в плечо северянина, ноги едва доставали до его икр. Повозившись, девушка закинула бедро на ногу мужчины.

Все ночи проходили похоже друг на друга. Девушка плотно прижималась к варвару, делилась с ним теплом, любовью и заботой, но мужчина почти не реагировал на близость. Иногда он бурчал что-то неразборчивое, порой метался в бреду. Тогда Селена нежно гладила его лицо, стараясь успокоить. Чаще всего Крэг-хан просто лежал, не двигаясь, даже дышал еле-еле, чуть слышно.

Рука Селены скользнула к животу варвара, его тело чуть заметно дрогнуло. Девушка посмотрела на лицо – нет, все так же недвижим. Ладонка несмело двинулась ниже, пальцы обхватили мужское достоинство. Из уст северянина послышался вздох.

– Пандора...? – прошептал он, не открывая глаз.

Девушка сжалась, неловкость кольнула в сердце.

– Я здесь, с тобой, – тихо ответила она, продолжая ласки.

Крэг-хан застонал, но то уже был не бред, а стон удовольствия.

Селена ощутила, что он потянулся к ней. Ноги не двинулись, голова лишь чуть повернулась, руки дрогнули, пытаясь приподняться. Но девушка поняла, что варвар хочет обнять, прижать к себе. Она перевернулась, аккуратно легла сверху, губы поцеловали грудь мужчины.

Руки варвара обхватили девушку, он притянул, резко вошел в нее. Селена вскрикнула от неожиданности, но очень быстро боль прошла, сменившись томным приятным теплом, что расплзлось от лона по всему телу. Девушка задрожала, медленно раскачиваясь, ладони мужчины бегали по ее ногам, гладили бедра, ласкали торчащие груди. Крэг-хан вскрикнул, Селена почувствовала, что он изливается, и, неожиданно для себя самой, тоже кончила. Ее тело выгнулось дугой, сладостный стон сорвался с губ.

Несколько минут они лежали, не двигаясь. Мужчина дышал ровно, спокойно, Селена поняла, что он спит. Она осторожно сползла вбок, продолжая прижиматься к варвару телом.

Этот северянин даже в полубессознательном состоянии умудрился разжечь в ней страсть. Селена призналась себе, что не прочь повторить, но Крэг-хан спал, просто спал здоровым крепким сном, впервые за прошедшую неделю. Девушка долго смотрела на спокойное лицо мужчины, пока сон не сморил и ее.

Селена встала рано утром, солнце едва заглянуло в открытое окошко. Занавески шевелились от свежего ветерка, холодная вода в бадейке заморозила пальцы. Умывшись, ощутила себя бодрой, выспавшейся. Девушка принялась одеваться, с интересом поглядывая на варвара.

Внезапно его глаза открылись, Крэг-хан посмотрел на Селену, она вздрогнула от легкого испуга.

– Пандора? – прошептал мужчина, – Нет, ты не Пандора... Но ночью? Я помню...

Селена неловко подхватила плащ, ей стало совсем не по себе.

– Я... пожалуй, пойду, – она замолчала, не зная, что еще сказать, – Твой друг все тебе объяснит!

– Подожди! – подхватился варвар, но девушка уже выскользнула за дверь.

Хилон, как обычно, ждал в гостиной, на столе дымились тарелка с кашей и горячий чай. Девушка подошла, нервно глядя на монаха.

– Крэг-хан очнулся, – тихо проговорила она в ответ на вопросительный взгляд, – Похоже, моя работа закончена.

Глава №14

Крэг-хан недоумевал. Девушка убежала, хоть он и двух слов сказать не успел, неужели обидел чем-то?

Кто она? Почему здесь? И где Пандора?

Воспоминания накатили неприятной волной. Преследование банды, схватка с головорезами, спасение пленниц и подлый удар Эсхина... Получается, Пандора осталась с отцом, бросив варвара умирать. Но что же тогда случилось ночью? Пандоры тут быть не могло, значит он спал с юной незнакомкой...

Крэг-хан нахмурился, попытался приподняться в постели.

– Не торопись, друг, – раздался знакомый голос, – Рана еще не зарубцевалась.

Варвар посмотрел на Хилона. Вот значит кого нужно благодарить за спасение. Крэг-хан не сказал бы, что рад видеть самоуверенного монаха, тем более неприятно оставаться у него в долгу.

Взгляд скосился на левую сторону груди, варвар оценил зашитую дыру. Странно, с такими ранениями не живут, уж он это отлично знал. Тем не менее, жить гораздо лучше, чем умирать, Крэг-хан с наслаждением втянул свежий воздух, оглядел спальню.

– Тут была девушка. Кто она?

– О! Красотку зовут Селена. Я нанял умницу... ухаживать за тобой.

– Ты платил, чтобы она спала со мной?

– Ну... – монах улыбнулся, – Если понадобится.

– И подговорил назваться Пандорой?

Хилон многозначительно покрутил ладонью, задумчиво глянув в потолок.

– Я решил, это может помочь.

Крэг-хан понимающе кивнул, голова отвернулась в сторону. Он помолчал, потом спросил через силу.

– А где... что с Пандорой? Я ее вызволил, но... Похоже, она осталась в руках Эсхина?

– Так и есть.

– Ты видел ее?! – варвар уставился на Хилона, – Почему же не спас? В штаны наложил?

Монах грустно улыбнулся, прохаживаясь по комнате.

– Увы, друг. Спасти можно лишь того, кто сам хочет спастись.

– Во имя всех демонов! – угрожающе прорычал Крэг-хан, – Что ты имеешь ввиду?

Хилон спокойно и обстоятельно поведал историю своего посещения Сикиона. Рассказал о свадебной церемонии, о скандирующей приветствия толпе, о величественном Эсхине и довольной Пандоре.

– Нет! – воскликнул варвар, когда Хилон умолк, – Я не

верю! То есть... я не подвергаю сомнению твои слова, – тут же поправился он, – Но, может, ты что-то не так понял, не увидел. Не могла Пандора так просто выйти за Эсхина!

– К сожалению, варвар, Пандора оказалась совсем не такой уж милой и робкой девочкой, что представлял себе я... да и ты тоже. Будем честны друг с другом: она благородных кровей, и создана для того, чтобы править. Брак с Эсхином – закономерный итог, исполнение ее предназначения. Она вполне счастлива. Ни к чему ей ни я, ни ты, как бы не хотелось убедить себя в обратном.

– Нет, – уже спокойней проговорил Крэг-хан, – Не может быть.

Он полежал некоторое время, успокаиваясь. Со стоном приподнялся на локтях, вперив взор в Хилона.

– Я должен убедиться сам! – заявил он, – И в любом случае, у меня должок перед Эсхином. И я намерен вернуть его сполна!

Монах посмотрел на Крэг-хана с удивлением, во взгляде читалось уважение и переосмысление.

– Что ж, тогда ты должен восстановить силы. Для выполнения задуманного их понадобится очень много.

Крэг-хан вздохнул, поморщившись от боли. Рана на груди почти зажила, но до сих пор нет-нет, да и стреляла искрой, пронзающей все тело от головы до ног. Впрочем, варвар умел терпеть боль, гораздо больше бесила слабость, навалившаяся после ранения.

Уже третий день он вставал с кровати, и каждый раз это было сродни подвигу. Тело отказывалось слушаться, стоило двинуть рукой, как наваливалась неодолимая усталость. Хилон утверждал, что это естественно, ведь варвар едва обманул смерть. Нужно, мол, больше отдыхать, спать да есть. Но Крэг-хан не мог отлеживаться. Деятельный ум требовал от тела того, что оно пока что не могло осилить.

Варвар уселся на кровати, переждал приступ головокружения. Медленно поднялся, унимая дрожь в коленях. Отчаянно балансируя, сделал несколько шагов и, не выдержав, свалился на пол.

«Ничего, сегодня уже получше», – решил он, хотя особого прогресса не заметил.

Собравшись, встал на четвереньки, передохнул. Удалось опять подняться, неуверенные шаги довели до двери, где с облегчением облокотился на стену. Здесь, на стуле, лежала уличная одежда, а в углу комнаты, небрежно прислоненный, стоял меч Хилона.

Ладонь варвара сомкнулась на рукояти, рука напряглась, меч начал движение вверх. Мышцы напряглись, дрожь прошибла тело, будто он поднимал целый дом, а не обычный клинок. Едва достигнув пояса, лезвие остановилось, рука обессиленно опустилась, меч выпал из разжавшихся пальцев.

– Неплохо, варвар, – голос Хилона настиг со спины, – Но тебе не кажется, что ты торопишься?

Крэг-хан раздраженно обернулся. Не нравилась ему эта манера подкрадываться.

– Мне кажется я слишком медлю, – мрачно заметил он.

Хилон подошел, глубокомысленно кивая. Он осмотрел мышцы варвара, глянул на рубец.

– Ты слишком слаб, чтобы ходить и сражаться. Но я знаю кое-что, что будет тебе по силам. Давай, помогу.

Он протянул руку, подхватив северянина подмышку, Крэг-хан оперся на плечо монаха. Хилон повел варвара через комнату к выходу из дома, приходилось почти волочить мужчину на себе. Северянин хмурился, кусал губу, но терпел – сам нипочем не преодолел бы такое расстояние.

Во дворе находилась небольшая, всего несколько метров в длину, купальня. Хилон подвел варвара, бережно усадив на ступени.

– Залезай, – предложил он, – Вода поможет удержать тело, мышцы оживут гораздо быстрее, да и легким нужно восстановиться после травмы.

Крэг-хан скинул одежду и погрузился в бассейн. Вода холодила, в первый момент по телу пробежал озноб, потом по привык. Варвар двинулся вдоль бортика, медленно переставляя ноги и помогая себе гребками. Дойдя до противоположного края купальни, обернулся. Вроде бы преодолел мизерное расстояние, а запыхался, словно пробежал вокруг города. Мужчина решительно направился в обратную сторону, громко дыша и размашисто подгребая. К тому времени, как

добрался до ступеней, отдышка стала невыносимой, ноги еле двигались. Тем не менее, успех на лицо – он не упал, не утонул, сумел передвигаться без посторонней помощи.

– Ну как? – спросил Хилон, заинтересованно наблюдавший за купанием варвара, – Устал? Передохнешь?

Крэг-хан отрицательно мотнул головой, ответил, пересильная сбившееся дыхание.

– Буду... продолжать...

Селена грустно смотрела в окно, накатила печаль, депрессия не отпускала девушку. Уже месяц прошел, как она распрощалась с Хилоном. Мужчина не обманул, расплатился честь по чести, теперь можно какое-то время пожить спокойно, не отягощая себя работой. Вот только... Селена тосковала, не желая самой себе признаваться в причинах плохого настроения.

Она вспоминала варвара, от этих мыслей становилось теплей на душе. С какой завистью думала о неизвестной Пандоре! Вот если бы ее, Селену, кто-то полюбил с такой силой... Чтобы даже в беспамятстве шептать имя возлюбленной... Девушка не обманывала себя, неоткуда взяться принцу, рыцарь без страха и упрека не придет. Все мужчины в ее жизни задерживаются максимум на ночь, оставляя после себя мятые простыни, положенную плату и желание помыться.

Странно, раньше Селена не задумывалась о том, что живет... как-то не так. Не думала до тех пор, пока не увидела другую жизнь. Оказывается, здесь, рядом, стоит лишь руку

протянуть, есть совершенно иной мир! Мир, где любовь и дружба – не пустые слова, а норма жизни. Настолько норма, что о них даже не принято говорить вслух...

А что больше всего вгоняло в депрессию – попасть в волшебный мир совсем легко. Это вовсе не вопрос денег, происхождения или общественного статуса. Все дело в вере, в голове, в тех мыслях и решениях, что принимаются ежедневно, ежеминутно. Достаточно решить для себя: все, вот так я больше жить не буду, а буду вот этак! Но в том то и сложность, что совершить такое усилие у Селены никак не получалось. Для этого нужно гораздо больше... силы? желания? ответственности? уверенности? Или, может, нужен просто хороший пинок под зад?

Как бы то ни было, жизнь казалась Селене бессмысленной, серой. Она увидела вспышку света, а теперь вынуждена погрузиться обратно в привычный полумрак.

Девушка заметила движение во дворе, сердце судорожно сжалось. Глупо, но каждый раз она мечтала, что за ней явится Крэг-хан и все изменится... Селена вышла к воротам, но ее дожидались только двое подвыпивших посетителей, обычные завсегдатаи квартала.

– Извините, я не работаю, – мягко сказала девушка.

– О чем она талдычит, а? – изумился один мужчина, обращаясь ко второму, – Иди сюда, девка! Обслужи гостей!

– Пожалуйста, уходите! – Селена повысила голос, надеясь привлечь внимание соседей.

Насилие в квартале не такая уж редкая штука, все держатся только друг за друга. Соседи помогают соседям, иначе никак. Но сейчас девушка не видела никого, способного помочь, как назло все заняты или делают вид, что не слышат.

– Определенно, раньше шлюхи относились к гостям с большим почтением! – прорычал посетитель, подходя.

Рука вытянулась, схватив девушку за волосы, он приблизился, злорадно усмехаясь, на Селену пахнуло мерзкими ароматами перегара и застарелого пота.

– Ух, какая цыпочка! – восхитился мужчина, излапав девушку второй рукой, – Ничего, я научу тебя покорности!

Он отвесил оплеуху, Селена, тонко вскрикнув, растянулась на земле. Оба мужика громко заржали, радуясь удачной шутке.

Едва слышное покашливание заставило выпивох обернуться. У ворот, опершись плечом о косяк, стоял высокий темноволосый мужчина в простой одежде. Черты лица и мощная фигура выдавали в нем уроженца севера, взгляд смотрел прямо, бесстрашно, хотя на лице без труда читались следы недавней болезни. Руки опущены вниз, ноги перекрещены, словно отдыхает после долгой дороги.

– Чего тебе? – буркнул один.

– Пришел развлечься, так стань в очередь, – поддакнул приятель, – А лучше поищи другую красотку, их тут целая улица!

Незнакомец отрицательно покачал головой.

– Ударишь еще раз и я вырву тебе руки, – тихо, можно сказать беззлобно, проговорил он.

Селена смотрела во все глаза, сердце бухало, как кузнечный молот. Все ее мечты сбывались! Крэг-хан пришел, чтобы спасти! Но сердечко тут же дало сбой, руки задрожали. Она вспомнила, что совсем недавно варвар был при смерти, даже удивительно, что уже встал на ноги.

– Ты тут учить будешь, как разговаривать с шалавами! – заорал тот, что посмелее.

Крик придал смелости обоим, они угрожающе надвигались на северянина.

– Убирайтесь, – презрительно бросил Крэг-хан, – Пока можете ходить.

Яростно вскрикнув, мужчина бросился на неподвижного варвара, впечатывая кулак в голову. Как так вышло, он не понял, но рука прошла мимо, а потом лицо встретилось с чем-то зубодробительным. Молотобойный удар подкинул в воздух, противно хрустнуло в районе носа, свет погас, острая боль пронзила шею, неудачливый драчун рухнул, перестав осознавать себя.

– Крэг-хан! – воскликнула девушка, когда в руках второго мелькнул нож.

Варвар шагнул, но не назад, как ожидал неумелый задира, а к нему, оказавшись внезапно почти вплотную к противнику. Ладонь без труда перехватила широченный замах, мелькнуло колено, громкий треск заставил девушку вздрогнуть,

рука выпивохи изогнулась под неестественным углом. Крик боли разнесся над окрестностями, нож как по волшебству поменял владельца. На секунду Селене показалось, что сейчас Крэг-хан перережет врагу горло, но воин сдержался. Он отпихнул верещащего противника, тот упал, не сводя глаз с изломанной руки, на шее осталась чуть заметная бороздка крови.

Крэг-хан пошатнулся, едва устояв на ногах. Мимолетный бой выжал из мужчины всю, по крупице накопленную, силу, захотелось присесть, а еще лучше – прилечь. Селена бросилась к нему, собираясь повиснуть на шее, но вовремя заметила состояние воина. Она обняла, бережно поддерживая, голова уткнулась в грудь варвара, девичий стан сотрясли непрошенные рыдания.

– Ну, тише, – пробормотал Крэг-хан, переводя дыхание, – Не плачь. Я пришел за тобой.

В ответ всхлипывания возобновились с новой силой.

Прошла неделя, но Селена до сих пор не могла поверить своему счастью. Она проснулась, чуть свет, позволила себе поваляться, вытянувшись в неширокой кровати.

Каждое утро девушка вставала пораньше, чтобы приготовить мужчинам завтрак, но всякий раз Крэг-хан уже был на ногах. Вот и сегодня, когда Селена, одевшись и умывшись, вышла во двор, то застала там варвара, проделывающего утренние упражнения. Девушка замерла, наблюдая за тренировкой.

Крэг-хан подошел к двум столбам с перекинутой толстой перекладиной, упруго подпрыгнул, повиснув на руках. Медленно принялся подтягиваться, громко вдыхая и выдыхая. Селена заметила, как тело мужчины клонится в правую сторону, рана все еще доставляла ощутимый дискомфорт. Варвара хватило на несколько повторений, потом он соскочил, едва не упал, тело сложилось пополам, лицо посерело от боли. Как следует отдышавшись, Крэг-хан снова забрался на перекладину, приступив к следующему подходу.

Девушка прошла на кухню, руки действовали сами по себе, не требуя присмотра головы. Быстро соорудился сытный завтрак из жареных яиц, бекона, булок. Травы ухнули в кипящую воду, по воздуху поплыл бодрящий запах заваренного напитка. Пока на плите доходила каша, Селена сервировала стол, раскладывая тарелки и приборы.

«Насколько же Крэг-хан целеустремленный! – думала девушка, не прекращая работу, – Вот бы мне так!»

Варвар тренировался два раза в сутки – рано утром и вечером, перед ужином. Утренняя тренировка обычно включала в себя укрепляющие занятия с собственным весом, подъем тяжестей, растяжку. Вторую тренировку северянин отводил отработке приемов, работе с оружием. Сила и подвижность мужчины постепенно восстанавливались, хотя до былых кондиций было еще далеко. Тем не менее, Селена замечала, что каждый день он умудряется сделать пусть на одно повторение, но больше, чем вчера.

«Как ему удастся заставить себя? – не понимала девушка, – Это же адский труд! Каждый день, по два раза, без выходных... Я бы так не смогла.»

Пришло время завтрака, Хилон уселся, думая о чем-то своем, Крэг-хан вошел, приветливо улыбнувшись. Селена вернула нежную улыбку, мужчина прошагал к стулу, мимоходом погладив по волосам. От его прикосновения девушка вздрогнула, мурашки пробежали по телу, оставив после себя приятное покалывание. Селена смущенно опустила взгляд в тарелку.

До сих пор она не могла понять, какие взаимоотношения их связывают. Они спали в разных комнатах, Крэг-хан никогда не давал даже намека на повторение той памятной для девушки ночи. Да, он заботился о ней, можно сказать ухаживал, но Селена невольно ощущала себя... младшей сестренкой, а вовсе не желанной подругой. Но иногда... вот как сейчас, варвар прикасался к девушке по-другому: то его ладонь мельком ложилась на талию, то рука нежно задевала за плечи, то пальцы гладили ее волосы. Селена каждый раз вздрагивала и думала: что это, как не проявление более глубокого чувства? К тому же – он пришел и спас ее, хотя вовсе не обязан... А это многого стоит.

Но почему же он тогда не перейдет к более решительным действиям? Может он ждет инициативы от нее? Или в его краях, на севере, не принято в открытую заявлять о чувствах? А больше всего девушку сбивал с толку и волновал

последний вопрос: что же будет, когда он целиком выздоровеет и восстановит силы?

После завтрака Хилон, по обыкновению, засобирался по своим, никому не ведомым, делам, Крэг-хан подошел к нему с задумчивым видом.

– Хилон... Помнишь, мы с тобой как-то раз не поладили. Можешь показать, как это ты так ловко швырнул меня тогда?

Монах видел, что просьба далась варвару непросто, но все же рассудок пересилил гордость.

– Почему нет? Становись! Выделю тебе часик.

Несколько минут ушло на объяснения, пару раз Хилон показал прием наглядно, в медленном темпе. Крэг-хан смотрел во все глаза, схватывал на лету.

– Я понял то, что ты говоришь. Но разве это работает в реальной схватке?

– Ты же сам на себе испытал...

– Давай попробуем!

– Давай, – Хилон пожал плечами, принимая стойку, – Бей!

Крэг-хан сделал выпад, метя кулаком в челюсть, монах легко провернулся на передней ноге. Уклон, захват, пропустить мимо себя, придать ускорение, резкий разворот, подсед, усилие...

– Хоп! – Хилон замер, в последней позиции, – Теперь видишь? Я могу кинуть тебя куда угодно! Хоть в стену, хоть в канаву...

Он опустил варвара, высвобождая из захвата.

– Потому прием и называется «Бросок на восемь сторон света».

– Я думал сторон света четыре.

– А, не бери в голову!

– Можно теперь я попробую?

Они возились еще с час, прежде чем у северянина получилось выполнить бросок в замедленном варианте.

– Хитро! – заявил Крэг-хан, утирая пот, – Пожалуй, нужно тренироваться с неделю, чтобы до конца усвоить...

– Пару лет.

– Лет?!

– Минимум. Чтобы суметь применить подобное в реальном бою.

– Ну нет, я предпочитаю это! – варвар продемонстрировал сжатый кулак.

– Всему свое место и время, – улыбнулся Хилон.

– Так ты говоришь, есть и другие приемы?

– О! Множество!

– Ты сам их все придумал?

– Конечно, нет! Меня научил искусству боя великий человек, – монах по привычке потер подбородок, – Он изменил мою жизнь... Кстати! Нас обоих одной левой зашвырнул бы в канаву!

– Наверное, то был великий воин, – произнес Крэг-хан с недоверием.

– Он бы огорчился, назови ты его воином... Впрочем,

учитель никогда не скупился на оплеухи!

– А его кто научил?

– Говорят, родина этих знаний далеко на востоке. А называются они то ли «силинь», то ли «шалинь».

Варвар грустно понурил голову, отходя в сторону.

– Я надеялся найти оружие против Эсхина, но теперь вижу, что твой «шалинь» в этом не поможет.

– Почему же? – тихо спросил Хилон, – Я мог бы тренировать тебя.

– Я не могу ждать годы! – отрезал Крэг-хан, – Как только рана заживет, я отправлюсь в путь.

Монах задумался, хитрая улыбка оживила лицо.

– Ты знаком с кузнечным делом?

– Еще бы... мой отец – кузнец!

– Сколько времени уйдет на то, чтобы выковать меч?

– Новый клинок? С начала до конца? Если речь о хорошем оружии... Получить железо, закалить,ковка... С заточкой, гардой, гравировкой... могут уйти месяцы, если не больше.

– Вот видишь. Но чтобы придать заготовке форму хватит и двух дней.

Крэг-хан усмехнулся, до него дошел смысл сказанного.

– Значит, я – заготовка?

– Точно! – засмеялся Хилон, – А я – кузнец. Я не могу, не куя!

С того времени монах взялся за тренировки Крэг-хана. Утром варвар по-прежнему занимался с отягощениями, бе-

гал, плескался в купальне, а вечером Хилон наставлял нерадивого ученика в искусстве «шалиня».

– Смотри, все просто, – объяснял монах, – Кажется, что вариантов множество, но на самом деле все сводится к четырем ударам: прямой, боковой, сверху, снизу; и трем уровням атаки: верхний, средний, нижний. По сути, любое атакующее действие будет комбинацией этих элементов. А с защитой все еще проще! Ты можешь идти либо с внутренней стороны противника, – Хилон продемонстрировал движение, – Либо обходить с внешнего радиуса.

– Да, но это работает, когда враг на тебя бросается, – возразил Крэг-хан, – А что, если он стоит на месте?

– Тогда тебе вовсе незачем с ним драться, – веско отрезал монах.

У варвара было свое мнение на этот счет, но он оставил его при себе. Негоже поучать наставника, тем более, что тот искренне желает передать знания и умения подопечному.

Большую часть времени Крэг-хан учился шагать, поворачиваться, отступать. Его сильно раздражала эта «шагистика».

– Слушай, Хилон, зачем все это? Я и так умею ходить!

– Тебе так кажется. Ты шагаешь неправильно, поворачиваешься, как раненый слон! Насколько быстро ты двигаешься?

– Быстро! На скорость не жалуюсь! Да и какая разница, хожу я так или этак? Всякий способ хорош, лишь бы резуль-

тат был!

Хилон только сокрушенно покачал головой.

– Послушай, я признаю твои знания, – медленно проговорил Крэг-хан, – Но мне сложно заниматься тем, в чем я не вижу практической ценности.

– Не видишь... – монах хитро прищурился, – Хорошо! Давай сыграем в игру.

Он спокойно встал напротив варвара на расстоянии вытянутой руки, опустил плечи, расслабился.

– Попробуй меня схватить, – предложил Хилон.

Крэг-хан вопросительно поднял бровь, шагнул, протягивая руку, но монах уже скользнул вбок, по плавной дуге обходя противника. Он стоял в той же расслабленной позе, будто и не двинулся даже. Варвар прыгнул, Хилон ушел вправо, еще рывок – пальцы разминулись с плечом монаха на самую малость, быстрый разворот, но противник волшебным образом оказался за спиной.

Легкая улыбка посетила губы монаха, Крэг-хан ощутил зарождающийся гнев. Он пошел вперед, сделав несколько обманных рывков, чтобы запутать противника, обе руки рванулись к цели, но внезапно перед варваром оказалась пустота. Северянин провалился, в последний миг появилась рука монаха, еле уловимо толкнувшая вбок. Крэг-хан кувыркнулся, растянувшись на земле, изо рта вырвался гневный рык.

– Успокойся, – миролюбиво сказал Хилон, – Чем больше злишься, тем проще уходить от твоих выпадов.

Варвар несколько раз глубоко вздохнул, прогоняя агрессию. Он поднялся, вопросительно глянув на учителя.

– Получается, можно разогнать целую толпу одними... шагами?

– Если только противники не слишком опытные или пьяны, – кивнул Хилон, – Или, как ты, ослаблены раной.

Крэг-хан уязвленно кивнул, но, нужно отдать ему должное, продолжил тренировку с удвоенной энергией.

Чем больше варвар занимался под руководством Хилона, тем больше осознавал, насколько тот силен. Под широкой робой скрывалось жилистое тело воина, боевые умения монаха превосходили все, что Крэг-хан встречал до сих пор. А ведь он ни разу не видел Хилона с оружием в руках – насколько смертоносным он станет, вооружившись мечом? Невольно у северянина появлялся вопрос: кто сильнее – Хилон или Эсхин? И может ли Хилон побить на мечах его, Крэг-хана?

Как-то раз, после тяжелой тренировки, варвар отважился задать эти вопросы наставнику.

Хилон невесело усмехнулся.

– Как и все молодые, ты не приемлешь полутонов, тебе нужен точный ответ – да или нет. Запомни, в бою таких ответов не существует. Самый сильный противник может внезапно оступить и налететь на меч слабейшего. Зачастую результат схватки решает не умение и сила, а готовность биться до конца, воля.

– Это я понимаю, – согласился Крэг-хан, – Ты хочешь сказать, что сильнейшего выявит лишь реальный поединок.

– Именно.

– Но все же... Можно ведь на глаз оценить силу противника, представить в чем он лучше, а где уступает.

Хилон надолго задумался, варвару показалось, что он совсем позабыл о собеседнике, но монах неожиданно заговорил.

– Ответь лучше на такой вопрос, – устало произнес Хилон, – Если в бою сойдутся два одинаково сильных и умелых воина, кто победит? Сразит один другого или они так и будут биться, пока оба не падут от истощения?

Крэг-хан пожал плечами, ответил почти не задумываясь.

– Наверное, победит тот, кому улыбнется удача. Или на чьей стороне будут боги.

– Может и так, – согласился Хилон, поднимаясь, – А может тот, за кем правда?

Крэг-хан несколько дней обдумывал ответ учителя, надеясь познать скрытую мудрость, но ни к чему так и не пришел. Какая еще правда? У каждого она своя. Он бьется за любовь и честь, Эсхин за свою дочь и власть, Хилон радуется за мир и добро. Кто прав? Ничьи знамена не восславляют ложь, только правду и истину в последней инстанции. Так неужели в мире вообще нет правых и виноватых? Варвар плюнул на ненужные раздумья, выбросив нелепые мысли прочь из головы.

Однажды за обедом Крэг-хан посмотрел на Хилона.

– Как думаешь, сколько еще времени у меня уйдет на восстановление?

– Хм... – монах оценивающе глянул на собеседника, – Месяца два-три, не меньше.

– Хорошо! – ответ удовлетворил варвара, – А потом я отправлюсь за Пандорой.

Селена поперхнулась, отложила ложку в сторону.

– Разве тебе плохо здесь? – тихо спросила девушка.

– Конечно нет!

– Тогда почему ты едешь на верную смерть?

– Я не ищу смерти, – упрямо нахмурился варвар, – Но я должен...

– Я... – девушка скосила взгляд на Хилона, – Мы ведь любим тебя!

Крэг-хан смутился, опустил глаза. Но упрямое выражение на лице никуда не делось. Селена встала из-за стола, отодвинув почти полную тарелку. Она пошла к выходу, обернувшись у самой двери.

– Скажи, я сильно на нее похожа?

Варвар посмотрел в глаза девушки.

– Да, сильно. Но ты – не она.

Селена всхлипнула и убежала. Затянувшееся молчание нарушил Хилон.

– Дурак ты, однако, варвар. Или, как минимум, слепой.

– Это еще почему?

– Да любому остолопу видно, что девчонка в тебя влюблена, один ты не замечаешь, будто чурбан бесчувственный.

Крэг-хан сокрушенно покачал головой. Не было печали, да вот навалилась. До сих пор он думал, что Селена относится к нему, как к другу. Она спасла жизнь варвара, он ответил тем же. Определенно, их судьбы связаны, но любовь...

Закончив трапезу, он прошагал к комнате девушки. Нужно искренне поговорить, объясниться, разложить все по полочкам. Девушка для него, как сестра, но ничего большего он не чувствует.

Крэг-хан остановился у двери, рука поднялась, чтобы постучать, ушей достиг звук рыданий. Селена плакала, пытаясь сдержаться, но всхлипывания возобновлялись раз за разом, с новой силой.

Варвар простоял минуту, вслушиваясь. Потом рука обессиленно упала вниз, плечи поникли, на лице появилось печальное выражение. Он тихо пошел прочь.

Глава №15

За несколько месяцев судьба кидала Кохиоса из огня да в полымя. Побывав в Афинах, купец едва не разорился, отдав груз тканей за сущий бесценок. Потом он отправился в Марафон, побывал в Фивах, надолго остановился в Дельфах, стараясь привести дела в порядок. Тщательно размышлял над тем, куда отправиться дальше: посетить ли Фессалию или повернуть обратно, к Аттике?

Лишь один полис он избегал с почти суеверным страхом: Сикион. Слишком много он наслушался историй о крутом нраве их правителя. Да и пес бы с ними, с рассказами, но после личной встречи... Слишком двусмысленным казалось приглашение Эсхина в гости, будто он издевался над бедным купцом. Чутье подсказывало, что от Сикиона нужно держаться подальше, а за годы странствий Кохиос научился доверять интуиции.

Тщательно взвесив все за и против, купец направил караван назад, к Афинам, заглянув по пути в Эретрию, где захватил по дешевке большой груз меди. Повезло, в порт как раз пришли несколько кораблей с металлом, удалось сбить цену и загрузить телеги под завязку.

Наконец, после стольких неудач, боги улыбнулись Кохиосу! Прибыв в Афины, он распродал товары быстро и втридо-

рога, прибыль оказалась заоблачной, купец облегченно выдохнул, можно хоть немного расслабиться и пожить в свое удовольствие.

Осень в Афинах выдалась на загляденье. Летняя жара спала, задули свежие ветра. Стояла замечательная мягкая погода, еще не омраченная частыми ливнями. Ласковое море принимало последних купальщиков, Дионис послал щедрый урожай винограда, свежее вино отдавали почти даром.

Как это часто случается, одна удача притянула к себе другую: совершенно случайно на рынке многотысячных Афин Кохиос повстречал друга, с которым расстался при не очень благоприятных обстоятельствах. Они с Хилоном обнялись, последовали бесконечные расспросы, что да как, слово за слово, и монах пригласил Кохиоса в гости, купец, само собой, согласился.

Сам он жил на постоялом дворе, что стало уже привычным для купца, не имевшего своего угла ни в одном полисе. Навестись в чужое жилище, пусть и съемное, было для Кохиуса своеобразным удовольствием, но и испытанием тоже: он воочию видел, от чего отказывается, и к чему мог бы стремиться.

– Значит, говоришь, варвар живет у тебя? – не прекращал расспросы купец, – Сколько вы тут? Уже три месяца... Долгий срок.

– Я жду, пока он восстановит силы после ранения, потом Крэг-хан пойдет своим путем.

– Ясно... А ты что же?

– Я заканчиваю дела в Афинах и планирую перебраться южнее. Возможно, уеду в Спарту.

Кохиос поморщился, передернув плечами.

– Не слишком ли там... сурово? Старость приятно коротать в более комфортных местах.

– Во-первых, до старости мне далеко, – улыбнулся Хилон, – Во-вторых, мне, как и тебе, не нужно многого для счастья. Ну а в-третьих, в Спарте у меня много хороших знакомых.

– Что ж, вольному воля, – согласился купец.

Друзья подошли к дому, Хилон провел гостя во двор, где варвар заканчивал занятия. Из дома вышла Селена, поднесла Крэг-хану стакан воды, тот с благодарностью напился.

– Когда я видел варвара в прошлый раз, с ним была другая девочка, – тихо прокомментировал Кохиос.

– Когда ты был моложе, тебя тоже ждала в каждом городе новая красotka, – громко засмеялся монах.

Кохиос широко улыбнулся, по правде и сейчас мало что поменялось. Здесь, в Афинах, он захаживал к одной вдовушке... Но о своих любовных приключениях купец не любил распространяться.

Крэг-хан, завидев гостя, подошел, вежливо поздоровался.

– Как жизнь, варвар? – приветливо поинтересовался купец, – Вижу, ты в отличной форме! Какие планы на будущее?

Северянин кинул вопросительный взгляд на Хилона, тот

сдержанно кивнул.

– Можешь доверять Кохиосу, почти также, как мне. Все, кроме своего кошелька.

Купец принужденно хмыкнул, его лицо посерьезнело. После такого вступления он не ожидал ничего хорошего.

– Вскоре, когда выздоровлю, – буднично, как о чем-то само собой разумеющемся, проговорил Крэг-хан, – Я собираюсь отправиться в Сикион. Там я встречу с ихним вождем, Эсхином, и убью его.

Кохиос поежился, таким морозом повеяло от слов варвара. Он тщательно взвесил слова, прежде чем отвечать.

– Я бы попробовал тебя отговорить, да вижу, что бесполезно, – тихо проговорил он, – Что ж, великая цель для великих людей. Я бы никогда не замахнулся на подобное.

Крэг-хан еле заметно вздрогнул, Хилон одобрительно улыбнулся, Кохиос понял, что задел за живое, но не оскорбил, ответ пришелся как нельзя кстати.

– Учти, варвар, – продолжил купец, – Эсхин – не простой соперник. Я слышал про него... всякое. Говорят, он продал душу Аиду в обмен на непобедимость. Говорят, сам Арес учил его владеть мечом. Говорят...

– Говорят, курей доят! – перебил Крэг-хан, – Хватит молоть чушь! Он человек, пусть не самый заурядный. У него идет кровь, я сам видел! Раз можно ранить, значит возможно и убить!

Кохиос замолчал, страшась отвечать, варвар отвернулся,

недовольный своей вспышкой. Он сдержанно кивнул и направился к купальне.

– Думаешь, у него есть шансы? – спросил Кохиос, когда северянин уже не мог расслышать.

Лицо Хилона омрачилось, он смотрел вслед варвару с непонятной тоской.

– Если бы он подождал... Полностью восстановился... И согласился тренироваться со мной хотя бы пару лет... Ты не представляешь, насколько Крэг-хан талантлив! Но... без огранки драгоценный камень ничего не стоит.

– Он не желает ждать?

Хилон погрузился еще больше, переведя взгляд на купца.

– Это нам с тобой кажется, что торопиться некуда. Молодость не любит ожидание. Ему нужно все, сразу. Здесь и сейчас.

Крэг-хан собирался в дорогу. Все, достаточно засиделся на одном месте, ощущение оседлости стало надоедать, в ногах разгорелся зуд дорог, цель звала отправиться в путь немедленно. Силы восстановились уже достаточно, рана практически не беспокоила, варвар ощущал себя даже мощнее, чем был раньше. А за счет тренировок с Хилоном, он узнал много нового, прибавил в ловкости и боевых навыках. Северянин собирался в путь почти с радостью, несмотря на то, что впереди ожидала смертельная опасность. Лучше так, чем вечно прозябать на подмостках истории. Лишь одна забота, одно невыполненное обязательство надоедливо грызло душу

варвара, он не мог избавиться от гнетущей мысли, что бросает Селену на произвол судьбы.

В дорожную сумку отправилась запасная одежда, немного провизии, фляга с водой примостилась рядом. Из оружия – нож, незаменимый кистень. Крэг-хан долго раздумывал, брать ли с собой меч. Обычаи племени прямо запрещали ему носить секиру, меч, булаву – любое оружие воина. С другой стороны, он сейчас далеко от своих земель, ему уже пришлось сражаться и мечом, и топором. Впрочем, своего оружия все равно не было, взять меч Хилона... сродни воровству. Варвар решил отправиться в путь налегке, а там что-нибудь да придумается.

Хилон вошел, когда Крэг-хан заканчивал сборы, еще раз вспоминая, не забыл ли чего важного. Взор монаха оценил суму, он кивнул, подходя к окну.

– Уходишь?

– Завтра.

Хилон молчал, а варвар аккуратно продолжил.

– Я... беспокоюсь за Селену.

– Не ты один, друг мой, – мягко проговорил монах, – Я тоже привязался к девушке.

Он смотрел в окно, будто видел там нечто, недоступное взору остальных.

– Я выкупил дом, – тихо продолжил Хилон, – И записал Селену, как владельца. Она может здесь жить, я устрою все так, чтобы девушка ни в чем не нуждалась.

Крэг-хан уставился на мужчину, открыв рот от изумления. Он был ошеломлен, в голове не укладывалась подобная щедрость.

– Зачем? – прошептал он, – Дом наверняка стоит кучу денег!

– В точку! – подтвердил монах, – Я теперь на мели, так же, как и ты.

– Да, но... зачем?

Хилон резко повернулся, твердый взор окинул варвара сверху до низу.

– Одно доброе дело, уже не мало! – уверенно сказал Хилон, – К тому же... будет, куда возвращаться. Согласись, приятно осознавать, что где-то тебя ждут и будут рады, что бы ни случилось.

– Да... должно быть, это здорово, – все еще удивленно подтвердил Крэг-хан, – У меня такого места пока что не было.

– Ну а теперь – будет! Пусть эта мысль укрепит твой дух. Нам понадобятся все силы, чтобы осуществить задуманное.

– Нам?

– Я иду с тобой, – Хилон скинул с плеча второй походный мешок, точно такой же, как у варвара.

Крэг-хан открыто и широко улыбнулся.

– Спасибо! – он протянул руку, и монах ответил на крепкое мужское рукопожатие.

Потом лицо северянина подернулось пеленой грусти.

– Ты уже сказал Селене?

– Да.

– И как она?

– В шоке.

Варвар понимающе кивнул, глянул исподлобья.

– Лучше уйти рано утром, незаметно, без лишних прощаний и слез.

Хилон долго смотрел в глаза молодого мужчины.

– Как скажешь... – согласился он.

Как порешили, так и сделали. Два всадника покинули дом еще до рассвета, оставив спящую Селену в одиночестве. Крэг-хан грустил лишь пока оставался в пределах города, затем дорога вытеснила из головы лишние мысли, заставив сосредоточиться на главном.

Афины покинули быстро, не задерживаясь. Ехали в хорошем темпе, но все же старались не утомлять лошадей. Через три часа остановились на привал, наскоро перекусили, не разжигая огня. После еды продолжили путь с той же скоростью.

Скакали молча, на разговоры не оставалось ни сил, ни времени, ни желания. За весь день им встретилось всего несколько хорошо вооруженных караванов, да парочка встречных всадников, промчавшихся во весь опор. К вечеру уставшие лошади стали сбавлять ход, путники остановились в Мегаре, ночь провели на постоялом дворе.

С утра, позавтракав, продолжили скачку. Ближе к полу-

дню набежали тучи, небо заволокло темной дымкой. Начался противный морозящий дождь, постепенно разошедшийся в полноценный ливень. Пришлось остановиться на незапланированный отдых, укрывшись под деревьями. Один из первых осенних ливней выдохся за пару часов, оставив после себя свежую влажность в воздухе, и грязную кашу на дороге. Дальше ехали осторожнее, скорость пришлось сбавить, но все равно преодолели достойное расстояние. Ночевали на природе, неподалеку от побережья.

Третий день прошел также, в седле. Хилон, казалось, не замечал усталости, он по-прежнему держался прямо, легко, словно родился на коне. Варвар ощущал неприятные покалывания в левой половине груди, старался не обращать на них внимания, игнорируя боль. Вечером, не смотря на свою силу и выносливость, он слез с лошади с заметным облегчением.

На этот раз путникам удалось достичь Коринфа. В город заезжать не стали, памятуя неприятное прошлое Крэг-хана. Конечно, происшествие в таверне и бегство с плахи могло давно забыться, с другой стороны – не так уж много представителей северных племен шастает по дорогам Греции.

Остановились вблизи города, у небольшого родника. Напоили лошадей, варвар развел костер, Хилон повесил над огнем котелок, заварив походную кашу. Быстро сгустилась тьма, ужинали почти ночью, от окружающего мира остался лишь круг, освещенный пламенем.

– Скажи-ка, варвар, у тебя есть план? – Хилон нарушил молчание, когда путники закончили трапезу, – Как ты намерен спасти Пандору?

– Мы приедем в Сикион, найдем дом Эсхина. Я убью всех его подручных, а хозяину выпущу кишки!

Хилон задумчиво поковырялся в зубах, внимательно глядя на Крэг-хана.

– Ты вроде разумный парень, не похож на дурака, – он сплюнул, – Когда я говорил про план, я имел ввиду что-то более реалистичное, чем прийти и всех убить.

В ответ северянин издал утробный рык. Помолчали.

– Ладно, умник, – проворчал Крэг-хан, – Что у тебя на уме?

– Я думаю, нам нужно что-то поизящнее, хоть чуточку.

– Например?

– Я приду в дом Эсхина, привлеку всеобщее внимание. Ты проникнешь туда тайком, пока все будут заняты мной. И умыкнешь Пандору.

Варвар задумчиво почесался.

– Что ты имеешь в виду под «привлеку внимание»?

– Я думал вызвать Эсхина на поединок. Слава мечника идет впереди него, он бьется с каждым, кто посягнет на величие. Думаю, Эсхин примет вызов.

Крэг-хан помрачнел еще больше, глаза налились тьмой.

– В таком случае я буду биться, – мрачно сказал он, – А ты – спасешь девушку!

– Почему ты так решил? – Хилон испытующе посмотрел на варвара.

– У меня к Эсхину личные счеты... И... Возможно... ты ей подходишь больше.

Северянин отвернулся, пламя костра осветило гордый профиль.

– Ты меня удивляешь, варвар. Разве ты идешь за Пандорой не ради своей любви? – тихо-тихо спросил монах.

– Мои чувства никого не касаются! – рявкнул Крэг-хан, потом голос смягчился, – Там в трактире...

– А! Теперь понимаю! Ты увидел, как мы... беседовали и напридумывал себе невесть что.

– Я видел ее глаза! Она... создана для такого, как ты, монах. А не для такого, как я.

Хилон покорно склонил голову.

– Боги свидетели, я рад, если так и есть. Но я видел в глазах Пандоры другое.

На этот раз Крэг-хан глянул с удивлением.

– Почему ты мне это говоришь?

– Ты юн, и мнишь, будто можешь понять женщину, – с улыбкой ответил Хилон, – С возрастом осознаешь, что такая задача не под силу и сотне мудрецов! Что на сердце у Пандоры – ведает лишь она, да и то... не факт.

Крэг-хан напряженно пытался осмыслить сказанное, монах достал меч, точильный камень коснулся лезвия.

– Как бы то ни было, открытым остается вопрос – по силам

ли тебе одолеть Эсхина?

Варвар сморщился, слова слетели с губ неохотно.

– Я бился с ним дважды... на кулаках и на мечах. Оба раза он меня одолел, – злой оскал рассек лицо северянина, – Чертов меч сломался! Если бы не это...

– Проиграл – держи себя достойно, – с мудрым видом изрек Хилон.

Крэг-хан посмотрел на него с иронией.

– Раз уж я не смог его убить, то ты тем более не осилишь.

– Да ну?

– Хилон, ты хороший учитель, сам говорил, что важен только результат реального поединка. Неужели позабыл, как я зашвырнул тебя в канаву?

– Друг мой варвар, не хочу умалять твоих заслуг, но я поддался! Не хотелось калечить хорошего человека.

– Ха! Проиграл – держи себя достойно, – с важным видом продекламировал Крэг-хан, подражая тону монаха.

Хилон звонко рассмеялся, северянин позволил себе сдержанную улыбку.

– Что ж, в твоих словах есть доля правды, – признал монах, – Но скажи мне вот что – как ты собрался с ним биться?

Варвар вопросительно поднял глаза.

– У меня есть меч, – Хилон продемонстрировал оружие, – А где твой?

Крэг-хан отвернулся, хорошее настроение улетучилось, кулаки гневно сжались. Помолчав, он поднялся, могучий си-

луэт растворился в вечерних сумерках.

– Ну... Я полагаю, этот вопрос решен, – с сомнением проворчал Хилон.

Варвар вернулся не скоро, Хилон уже собирался спать. Северянин подбросил дров в огонь, почистил котелок, в него полетели коренья и лепестки незнакомой монаху травы.

– Что это?

– Будет настойка, – варвар помолчал, – Ведьмин вар. Из чернородного цвета. Выпьешь – умрешь быстро и безболезненно.

– Кого ты собрался травить? Эсхина?

Крэг-хан лишь пожал плечами. Трудился еще долго, огонь норовил погаснуть, варево нуждалось в постоянном присмотре. Большая часть воды выкипела, в конце концов варвар слил из котелка в крохотную склянку совсем чуть – едва хватит на добрый глоток.

– И это все? – зевнув, спросил Хилон.

– Все.

– Ну, осталось уговорить Эсхина выпить, – монах перевернулся на другой бок, раздалось мерное посапывание.

Варвар проснулся рано, Хилон уже был на ногах. Костер горел, в котелке доходила порция овсянки. Монах разложил кашу на две миски, варвар мрачно кивнул. После завтрака Крэг-хан сходил к ручью, котелок отмылся с трудом, но вернулся чистым.

Теперь до Сикиона остался день хорошей скачки, путни-

ки решили пощадить лошадей и разбить длинный переход на два. Ехали, сберегая силы, часто останавливались на отдых. Сытно отобедали в придорожной таверне, не скупясь на еду для себя и скакунов. Вечер настиг друзей на постоялом дворе, расположенном в непосредственной близости от города.

На конюшне затаился мелкий беспризорник, он часто здесь ночевал – в тепле и относительном комфорте. Крыша над головой да копна сена лучше, чем ничего, особенно когда у тебя ни кола и ни двора, а за душой ни единой монетки. Пацаненок спрятался, увидев двух мужчин, заводивших коней в стойла.

Один большой, рослый, с копной темных волос; другой постарше, не такой мощный, но силой веет не меньше, чем от первого.

– Сколько еще до Сикиона? – спросил младший.

– Часа два пути.

– Отправимся с рассветом?

– Угу, – товарищ кивнул, снимая седло с лошади, – Закажи-ка ужин, а я займусь лошадьми.

Молодой ушел, мужчина, похожий на монаха, продолжал возиться со скакунами.

Беспризорник сидел недвижно, боясь шевельнуться и выдать себя. Он устал, тело затекло, ногу начала сводить судорога. Медленно, осторожно, чтобы не издать ни звука, паренек выпрямил конечность. И конечно, в последний момент ступня задела стену, раздался едва слышный шорох.

– Эй! Кто это здесь?! – гневно воскликнул монах, оборачиваясь, – А ну, вылезай!

Парень старался забиться еще глубже в сено, а мужчина быстро подошел, раскидав в стороны мелкие щепки, в руках монаха блеснул меч.

– Кто тут?! – рявкнул он.

– Не бейте, дяденька! – со страхом взвизгнул малец, – Только не убивайте!

Пацаненок выбрался из укрытия, виновато потупившись, он страшился наказания, руки и ноги тряслись в предвкушении расправы.

– Не бейте... – со слезами попросил парень, – Я ничего не сделал... Я тут ночую... Только не бейте...

Удара все не было, повисло тягостное молчание, малец осмелился поднять глаза и опешил. Мужчина едва держался на ногах, прислонившись плечом к деревянной балке, он был бледен, как привидение, руки беспомощно опустились вдоль тела.

– Господин, вы в порядке?

– Да... – с заметным усилием выдавил монах, – В порядке.

Он с трудом выпрямился, голова качнулась, кровь прилила к лицу.

– В порядке... – повторил мужчина, развернувшись.

Медленной походкой, не поднимая головы, он двинулся прочь из конюшни.

– Я... могу присмотреть за вашими лошадьми! – пропи-

щал паренек, сам удивляясь собственной смелости.

Монах на секунду остановился.

– Спасибо, – чуть слышно выдавил он.

Перед тем, как фигура скрылась за дверью, рука мужчины опустилась, по полу с характерным стуком покатилась монета.

Беспризорник рванулся, подхватив деньгу. Ладони паренька затряслись, глаза стали похожи на блюдца, ему показалось, что зрение обманывает. Мина! Целое богатство! Никогда раньше малец не видел столько денег, а тем более не держал в руках! Даже если бы Зевс спустился в конюшню с Олимпа это удивило бы парня не настолько сильно. Мальчуган заметался, не зная, куда деть сокровище. Спрятать некуда, карманов у него отродясь не водилось, пораскинув мозгами, он запихал монету в единственное надежное хранилище – в свой собственный рот.

Хилон вышел из конюшни, с трудом приходя в себя. Утер обильно выступивший пот, грудь поднялась и опустилась, несколько глубоких вдохов помогли успокоиться. Перед глазами, как живая, стояла картина, которую монах так старался изгнать из воспоминаний.

Безымянный полис где-то на задворках Ионии. Ночная атака, бой в темноте, когда своих и чужих различаешь лишь потому, что свои сзади, впереди только враги. Суровая рубка. Защитники, уступая числом, но не духом, и думать не желают о сдаче. Хилон бьется легко, самозабвенно, хотя на

душе скребут кошки.

«Ничего, последний бой и все! – думает он, – Смерть нескольких воинов небольшая плата за мир в целой стране!»

Немногочисленные защитники смяты, город захвачен, всюду крики, спешат солдаты с факелами, салютуя своему полководцу.

– Генерал Хилон! – адъютант убирает в ножны меч, залитый кровью, – Ваш план удался! Ночная атака с отвлекающим маневром, невероятно!

Воин кивает, действительно невероятно. Он пытается не обращать внимания на крики женщин, солдаты добивают противника, так или иначе сегодня пострадают многие. Такова уж участь павшего города, он подвергается разграблению и насилию, помешать не смог бы и сам Зевс.

Чтобы не видеть печального зрелища, Хилон вламывается в ближайший трактир. Здесь уже побывали солдаты – мебель перевернута, повсюду разбитая посуда, кое-где видна кровь. Воин шагает, глядя четко перед собой. Внезапный скрип заставляет резко развернуться...

– Не убивайте, дяденька! – тонкий крик звучит в ушах ясно и четко.

Хилон все еще находится в бою, рефлексy работают вместо разума, тело двигается быстрее мысли, оружие взметнулось прежде, чем мозг осознал значение услышанных слов. С невероятным трудом воин успел остановить летящую руку, но предательский меч обрушился на жертву в полную силу.

Подросток, мальчик, совсем еще ребенок. Естественно, не вооруженный, одет в простую, добротную одежду. Хилон с возрастающим ужасом смотрел на то, как кровь заливает испуганное удивленное лицо мертвого паренька.

«Интересно, чем ты оправдаешь эту смерть?» – мысль ужалила в самое сердце.

Оправданий Хилон не нашел до сих пор. Зато видение зарубленного мальчика преследовало во сне и наяву, не раз заставляя просыпаться в холодном поту.

Кое-как успокоившись, монах вошел в трактир. Крэг-хан уже принялся за еду, рука варвара махнула с самого дальнего столика. Хилон пробрался к стулу, устало рухнул на сиденье, рука схватила кружку пива, послышались частые глотки, посуда опустела за считанные мгновения.

– Что это с тобой? – изумленно спросил северянин, – Выглядишь так, словно мертвеца увидел.

– Ты почти угадал, – мрачно согласился монах, отдышавшись.

Они насыщались в молчании, но когда трапеза окончилась, Крэг-хан возобновил разговор.

– Давно хотел тебя спросить, – лениво сказал он, откинувшись на спинку стула, – Как ты стал... Ну то есть... Ты же воин! Ну, хорошо, мог бы быть воином. Даже, возможно, генералом.

– А я и был генералом, – с едва заметной грустью ответил Хилон, – Давно. Начинал обычным солдатом, стал десяти-

ком, сотником... Дослужился.

– И что же потом? – заинтересовался варвар.

– Потом... понял, что игра не стоит свеч. Война, любая война – грязное, гиблое, нелицеприятное дело. И я завязал.

– Как это? Вот так вдруг – раз и все?

– Угу, – монах кивнул, не желая пускаться в подробности.

– Но иногда ведь приходится сражаться!

– К несчастью... Конечно, я буду драться, чтобы защитить себя и своих друзей.

– А свою страну?

Хилон отвернулся, задумчиво покачал головой.

– Я дрался за страну, за родину. И чем больше проливал крови, тем яснее понимал, что все страны мира не стоят жизни одного ребенка.

Он произнес это настолько проникновенно, что варвар догадался – нечто личное, за словами кроются глубокие внутренние переживания. Крэг-хан не стал пускаться в расспросы, вместо этого зашел с другой стороны.

– Помнишь тех разбойников, что мы с Эскином перебили в руинах? Неужели ты считаешь, что среди них нужно было хоть кого-то пощадить?

Хилон задумчиво почесал подбородок, подбирая слова.

– Если бы они остались в живых, то у них был бы шанс исправиться...

– Да нет никаких шансов! – убежденно воскликнул Крэг-хан, – Там собрались только законченные мрази! Они ели

человечину, убивали женщин и детей!

Услышав про детей, монах вздрогнул, спокойный голос дал слабинку.

– Может, ты и прав... Но есть и другие примеры. Когда я был в Коринфе, меня пытались ограбить. Ничего серьезного, мелкая шайка в узком переулке.

– Так... И ты... – варвар удивленно глянул на собеседника.

– Я просто раскидал их, хотя мог бы и поубивать.

– Зря!

– Почему же? Они еще вполне могут стать законопослушными людьми, приносить пользу другим.

– Я бы не стал надеяться на такое, – покачал головой северянин, – Ты просто дал им возможность и дальше заниматься разбоем. По странному стечению обстоятельств, меня тоже пытались ограбить и тоже в Коринфе. Уж поверь, я разобрался с бандитами без всякой жалости!

Хилон кивнул, испытующе глядя на варвара.

– Пути и желания богов неисповедимы. Кто знает, возможно, тем бедолагам суждено было сыграть некую важную роль в чьей-то судьбе?

– Ну да, попадись не я, а обычный простофиля, они сыграли бы важную роль. Убили беднягу и дело с концом.

Монах улыбнулся. В глубине души он соглашался с варваром, но из чувства противоречия не желал принять его точку зрения.

– Ладно, расскажу еще одну историю.

– Давай, – зевнул Крэг-хан, – Обожаю сказки на ночь.

– Жил да был человек, было у него десять соседей. Все люди, как люди – тихие, спокойные – только один гулящий, вечно орущий, дебошир.

– Ну, знакомая картина, – кивнул варвар.

– Со всеми человек дружил, здоровался, но громкого соседа невзлюбил, строил в уме ему козни, все думал, как бы изжить того со свету.

– И что дальше-то?

– Как-то раз, возле дверей дома напали на человека бандиты, стали избивать. Никто из тихих соседей не пожелал вмешаться, боялись. Даже стражу не позвали. А вот дебошир выскочил! Заорал, как у него было заведено, полез в драку. Пришлось разбойникам убраться восвояси. Так получилось, что именно беспокойный сосед спас жизнь.

– Хм... – задумался Крэг-хан, – Неплохая история. Но что это доказывает?

– Что не все в мире так просто, как кажется. Есть множество оттенков между светом и тьмой, и в каждом человеке живет как зло, так и добро. Повернись все по-другому и, быть может, в будущем, эти бандиты могли бы спасти тебя от смерти. А теперь они сами мертвы.

На секунду варвар задумался, потом раздался облегченный выдох.

– Да хрень все это! – подвел он итог, поднимаясь, – Чем

больше убьешь всякой мрази, тем меньше ее останется на земле. Тем лучше будет жить нормальным людям.

Хилон мог бы спорить дальше, но лишь покачал головой.

– Если в споре и рождается истина, – с грустью констатировал он, глядя вслед Крэг-хану, – То у этого спора явно случился выкидыш.

Глава №16

Пандора упивалась неожиданно свалившейся на голову властью. Она и раньше не могла пожаловаться на пренебрежение со стороны слуг или жителей Сикиона, но теперь взгляды, бросааемые ей вслед, стали поистине раболепными.

Она знала, что достаточно одного слова, чтобы десятки людей бросились исполнять любой ее приказ. Замужество за Эксином дало девушке практически бесконтрольную власть, силу и право вершить судьбы граждан города. И девушка пользовалась этой новой для себя мощью сполна.

Странно, почему она не замечала этого раньше? Как-никак, дочь Эскина тоже отнюдь не последний человек, но подобного почтения и подобоострастия к себе девушка не замечала. Только сейчас, когда Пандора изменилась сама, да и ее статус поменялся, она сполна ощутила, что такое власть – полная, беспредельная и безоговорочная.

С невольным содроганием Пандора вспоминала о былой глупости. С кем она общалась? В кого чуть не позволила себе влюбиться? Крэг-хан – дикий варвар, без царя в голове, отброс общества, отвергнутый племенем и разыскиваемый за преступления в Коринфе. Да, молод, хорош собой, но не более того. Обычный самец, племенной жеребец, с которым можно провести пару жарких ночей и выгнать прочь за нена-

добностью.

А Хилон – не то монах, не то ученый, не то воин... Стареющий мужлан, что тщится сохранить остатки своих сил и казаться умудренным жизненным опытом. Неплохая внешность, отлично подвешенный язык, большой кругозор и знания... Но что за душой? Никаких стремлений, ни самолюбивых целей, ни величественных желаний. Он мог бы быть генералом, полководцем, возможно – царем, а стал обычным бродягой, что повелевает лишь ногами, указывая куда держать путь. Что ж, мужчина сам выбрал путь, никто не заставлял становиться ничтожеством.

Пандора возблагодарила богов за то, что направили по верному пути, отвядили подальше бродяг и нищевродов. Спасибо Аиду, больше никакие варвары и монахи не угрожают ни ей, ни Эсхину, ни их совместному великому будущему!

Теперь Пандора думал о смерти Крэг-хана с легким налетом наслаждения, она восхищалась прозорливостью и мощью мужа. Как же хорош Эсхин! Воспользовался глупым варваром, как прикрытием, а когда тот стал не нужен, хладнокровно убрал с дороги, как и нужно поступать с любым препятствием. И как же хорошо, что именно она, Пандора, помогла отчиму и мужу убить этого простофилю!

Эсхин... Отец, муж, лучший воин во всем мире! Свадьба с ним казалась таким естественным, само собой разумеющимся шагом! Почему раньше Пандора противилась, убега-

ла, даже подумать боялась о таком развитии событий?

«Определенно, я была слепой душой, – решила девушка, – Как прекрасно, наконец, прозреть!»

Что бы ждало ее вместе с кем-то другим? Что мог предложить девушке Крэг-хан? Прозабание на задворках мира, нелепые мечты о счастье в убогой варварской деревне вдалеке от цивилизации. Полудикие люди, не знающие бань, театров, не верящие в истинных богов. Да что говорить, Пандора слышала, что у этих дикарей даже нет понятия о рабстве! Как же они умудряются выживать без рабов и слуг? Уму непостижимо...

А Хилон, какую судьбу она могла бы разделить с ним? Вечные скитания по миру или тихое размеренное существование где-нибудь в захолустном уголке Греции? Нескончаемые разговоры о всякой ерунде, постепенно приедающиеся и навевающие скуку. Жизнь без всякого намека на просвет, без надежды добиться большего, достичь иных высот.

Нет, не для такой жизни рождена Пандора! Теперь у нее есть все: рабы, слуги, деньги, усадьбы, уверенность в будущем и власть – сладкая власть повелевать жизнью и смертью людей!

Девушка прервала размышления, сделанные выводы заставили самодовольно улыбнуться. Она стояла возле бассейна, вокруг суетились слуги, подготавливая место для купания. Пандора одним движением сбросила одежды, ничуть не стесняясь наготы. Она даже наслаждалась тем, как мужчины

смущенно отводили взгляды от обнаженного тела.

Пандора знала, что красива, молода, и втайне ею хотят обладать многие. Но лишь за тень желания любой мужчина сразу бы поплатился жизнью, Эсхин не прощал подобных ошибок.

Она медленно сошла по ступенькам, погрузившись в теплую воду полностью. Слуги уже принесли вина, фрукты, рядом дожидались сухие теплые полотенца, две служанки держали наготове мягкий халат.

Девушка пригубила бокал, кликнула Навсифоя, послушный раб тут же умчался, чтобы его привести. Главный распорядитель явился всего лишь спустя пару минут.

– Что угодно госпоже? – Навсифой склонился в почтительном поклоне.

Вообще-то никакой надобности вызывать его не было, но Пандоре нравилось понукать слугой. Он уже долгие годы считался правой рукой Эсхина, но теперь верный Навсифой вынужден кланяться и перед ней, прибегать по первому зову, выполнять любые капризы девушки.

– Ты выполнил мое поручение? – надменно поинтересовалась Пандора.

– Конечно, госпожа, – слуга глянул подобострастно, – Новые рабыни придут сегодня вечером.

Заменять рабынь тоже не было необходимости, девушка понимала, что это лишь ее маленькая прихоть. Но как же быстро и беспрекословно это, по сути, нелепое и бессмыс-

ленное желание было исполнено!

– Хорошо, можешь идти, – она отпустила слугу легким движением ладони.

Навсифой еще раз поклонился, прежде чем покинуть залу. Гордый, привыкший сам повелевать, он гнул спину перед женой хозяина, не позволяя себе даже намека на недовольство. Пандоре это доставляло невероятное удовольствие.

Раньше, когда она была девочкой, Навсифой любил ее. Когда Пандора подросла, он стал уважать юную девушку. Теперь же слуга боялся свою госпожу, и это было гораздо, гораздо приятнее всего остального!

Навсифой никогда не забывал, что он лишь слуга, и также легко, как взлетел, может упасть на самое дно. Трудился верно, с полной отдачей, старался не беспокоить хозяина по пустякам, но и знал, когда дело слишком важное, чтобы решить самому. Подобные вопросы попадались весьма редко, но сегодня Навсифой столкнулся с одним из них.

В усадьбу Эсхина явился незванный гость. Мужчина, судя по виду – воин, чуть старше средних лет, но на удивление статный и подтянутый. Вооружен мечом, походная котомка почти пуста. Несмотря на простую одежду, говорит властно и источает уверенную силу.

Гость потребовал аудиенции Эсхина, Навсифой оказался в затруднении. Не стоит доверять лишь внешнему виду, иной раз и боги прячутся под личиной простолюдина. Что же делать? С достоинством принять? Вежливо выпроводить?

Или, может, выгнать взащей?

Как часто бывало в сложных ситуациях, Навсифой доверился чутью. Он провел гостя во внутренний двор усадьбы, предложил напитки и еду. Послал слугу доложить Эсхину, а сам еще и подстраховался: по периметру двора, как бы невзначай, рассредоточился десяток верных воинов. Стоит подать знак, как у них в руках появятся луки, неугодного посетителя нашпигуют стрелами, труп найдет последнее пристанище в сточной канаве.

Хилон огляделся с довольным видом: первый пункт плана удался, внимание к себе он привлек. Его отнюдь не ввело в заблуждение показное радушие слуги; скучающие голово-резы, окружившие двор, наводили на вполне определенные мысли. Осталось только надеяться, что варвар четко выполнит свою часть плана.

Темный силуэт перемахнул через стену, тень пронеслась между строений, оказавшись у большого дома. Крэг-хан замер у двери, прислушиваясь. Конечно, лучше бы заявиться сюда ночью, в темноте он стал бы полностью незаметен. С другой стороны, ночью усадьбу усиленно охраняет стража, а днем беспечно полагаются на слуг.

Переполох в усадьбе уже начался: Хилон делает свое дело. Северянин видел, как стражники скорым шагом направились к внутреннему двору, рабы попрятались. Что ж, пора действовать!

Крэг-хан не пошел через парадный вход, сзади обна-

ружился закуток для рабов. Неслышной тенью скользнул внутрь, двое невольников не ожидали нападения: он расправился с ними походя. Проникнув в дом, варвар превратился в осторожность: здесь шансы наткнуться на людей возростали до небес.

Куда идти? Где держат Пандору? Нос уловил запах готовящейся пищи, решение пришло само: неважно, где девушка, но ее должны кормить. Крэг-хан прокрался к кухне, внимательно осматриваясь.

Пухлый смуглокожий повар ни о чем не подозревал до той поры, пока у его горла не оказался нож. Толстяк потел, язык заплетался, зато выболтал все необходимое. Убивать варвар не стал – оглушил, веревки стянули руки, безвольное тело кое-как поместилось в шкафу.

Коридоры, комнаты, лестницы. Через пару минут он оказался у нужной двери. Странно – не заперто, ни снаружи, ни изнутри. Вошел, Пандора неподвижно сидела у окна, разглядывая что-то снаружи.

Первое, что поразило варвара – взгляд, брошенный девушкой на посетителя. Презрительный, исполненный злобы и чувством собственного превосходства. Пандора медленно поднялась, сверля Крэг-хана уничижительным взглядом.

– Как ты тут оказался, оборванец? – прокаркала она, – Я думала, ты сдох.

Варвар проглотил оскорбление, он внимательно разглядывал девушку. Похоже, Хилон оказался прав, она переме-

нилась, причем очень сильно.

– Я пришел за тобой, – тихо, но грозно проговорил варвар.

– А кто сказал, дикарь, что я последую за тобой? – рассмеялась Пандора, – Кому ты сдался? Я вполне счастлива здесь!

Крэг-хан был поражен исходящей от девушки волной темной мощи. Ее красота никуда не делась – тончайшая талия, вызывающие формы, изящная фигура – все осталось на местах. Но вот ощущение незащищенности пропало, сменившись самоуверенностью, тяжелой мрачной силой.

– Что замолчал? – фыркнула Пандора, подходя ближе, – Убирайся прочь!

Варвар насторожился, темная сила, исходящая от тонкого девичьего стана, давила на него своей мощью. Чутье предрекало скорую беду, нервы наэлектризовались, мышцы напряглись, готовясь к любому повороту событий.

Пандора ударила кинжалом, Крэг-хан, несмотря на всю ловкость и настороженность, едва успел отпрянуть. Она прыгнула следом, со звериным рыком размахивая оружием, варвар молниеносно отступил, быстрый шаг в сторону вывел из зоны поражения.

Крэг-хан хорошо помнил, на что способна Пандора, особенно если она вооружена. Он отнесся к атаке без всяких скидок на то, что перед ним молодая девушка. К счастью, теперь он мог противопоставить ей кое-что новое, полученное от Хилона.

Пандора разозлилась не на шутку, яростный взгляд свер-

лил противника. Она приближалась крадущимися шагами, а когда до варвара осталось всего чуть, кинулась вперед, кромсая кинжалом воздух.

Крэг-хан уворачивался, ловко используя игру шагов. Каждый раз оружие проносилось чуть в стороне, лезвию не хватало буквально сантиметра, чтобы пронзить плоть. Варвар наконец воочию убедился в правильности слов учителя: чем яростнее бросалась на него Пандора, тем проще было предугадывать атаки и уходить с опасной траектории.

Девушка ударила сверху, быстро размахнувшись. Он легко ушел вбок, мягко толкнув в плечо ладонью. Пандора провалилась, чуть не покотившись кубарем, с трудом выпрямилась, кинжал прочертил широкую дугу перед лицом.

– Умри! – крикнула она.

Выкрик едва не заставил варвара оцепенеть, столько злобой силы вложила в него девушка. Он шагнул вперед, приняв очередной укол на предплечье. Ноги станцевали вокруг, руки оплели девичьи ладони, варвар провернулся, оказавшись за спиной Пандоры, крепко удерживая ее в надежном захвате.

– Что с тобой случилось, девочка? – прошептал он на ухо девушке.

– Я... Тебя... Ненавижу!

Пандора рванулась, как дикая кошка, голова ткнула варвара в лицо, тело ужом выскользнуло из захвата, руки вывернулись, кинжал сверкнул в длинном замахе. Крэг-хан пы-

тался удержать, но в пальцах остался лишь обрывок одежды, другая рука смогла ухватить тонкий шнурок на шее девушки.

В ладони оказался маленький черный амулет, руку мужчины внезапно пронзила острая вспышка боли. Пандора рванулась, шнурок порвался, девушка тонко вскрикнула и упала на пол. Варвар со стоном разжал враз посеревшую ладонь, украшение покатило по камню с хорошо различимым стуком.

Крэг-хан с изумлением глянул на руку – там красовался темный след, будто от ожога, боль продолжала пульсировать, постепенно сходя на нет. Что же это за демонский амулет? Тут явно не обошлось без магии. Он бегло оглядел упавшую вещицу, но притронуться не решился. В колдовские штуки обычным смертным лучше не лезть, целее будешь.

Девушка лежала неподвижно, варвар склонился, убедившись, что она без сознания. Пусть Пандора тысячу раз против, но он ее вытащит, таков уж план. Бесчувственное тело нести сложнее, зато никто не выедает мозг и не пытается убить. Легкое, как пушинка, тело подхватилось на руки, Крэг-хан шагнул к выходу.

Эсхин не торопясь спустился во внутренний двор усадьбы, взгляд внимательно осмотрел гостя, брови поползли вверх. Навсифой облегченно вздохнул: не зря потревожил хозяина. Когда же удостоился одобрительного кивка, понял, что предосторожность со слугами тоже не лишняя – все сде-

лал правильно.

– Я тебя помню, – сурово грянул Эсхин, – Мы встречались.

– Да, очень давно. И очень далеко отсюда, – подтвердил Хилон.

– Что тебе нужно?

Хилон задумчиво потер подбородок.

– Как я уже говорил, мы встречались давно... Даже беседовали, насколько припоминаю. Но вот скрестить клинки так и не довелось.

Воин немного прошелся, сдержанно жестикулируя в такт речи.

– Я много путешествовал, исходил всю Грецию вдоль и поперек. Бывал во Фракии, гостил в Македонии. Встречал множество бойцов, сильных, умелых, ловких. Но, так уж сложились звезды, никто из них не мог сравниться со мной, даже близко. Признаться, я разочаровался, уже и не надеялся найти достойного противника.

Хилон остановился, взглянув Эсхину в глаза.

– И вот, вернувшись в Грецию после долгих странствий, что я слышу? Оказывается, лучший – Эсхин! Спарта, Афины, Коринф – все в один голос твердят, что Эсхин Смертоносный – непревзойденный мастер меча. А я, признаюсь, привык считать таковым себя.

Нависифой напрягся, прислушиваясь к разговору, Эсхин скрестил руки на груди.

– Повторяю вопрос. Что тебе нужно?

Хилон улыбнулся, чуть заметно склонился.

– Я хочу поединка на мечах. До первой крови или до смерти – как угодно.

Эсхин мрачно усмехнулся, в его голосе появилась сталь.

– Ты пришел ко мне в дом и жаждешь моей крови. На что ты рассчитываешь, глупец?

– На твою честь! Честь воина.

Эсхин молча развернулся, эхо шагов заметалось между стен. Прежде, чем захлопнуть за собой дверь, он бросил приказ.

– Убейте его!

Хилон бросился к ближайшему лучнику, прежде, чем тот натянул тетиву. Вокруг засвистели стрелы, но попасть по движущейся мишени – не тривиальная задача. Особенно, если цель бежит зигзагами, быстро виляет и меняет направление. Задача для стрелка намного выше среднего, а здесь таковых не нашлось.

Меч вошел в горло врага, он не успел даже поднять руки. Хилон мгновенно ушел в бок, полоснув другого по груди. Бросился дальше, оставляя между собой и лучниками преграду в виде подручных.

Стрелок успел натянуть тетиву, но меч разрубил лук и вошел в живот вместе с острой болью. Хилон с силой выдернул клинок, не останавливаясь, метнулся к следующему врагу.

Навсифой застыл с луком в руках. Он наблюдал за царя-

щим во дворе хаосом. Слишком быстро все пошло наперекосяк: гость не стал дожидаться, пока слуги возьмут его на прицел, а сам кинулся в атаку. Теперь лучники палят, кто куда, несколько окровавленных тел уже валяются на полу, один из стрелков умудрился подстрелить своего же товарища.

– Луки долой! Рубите мерзавца! – заорал Навсифой, сам, впрочем, не торопясь следовать собственному приказу.

Хилон крика не слышал, но перемену ощутил сразу. Теперь на него бросилась толпа с мечами в руках. Двоих удалось зарубить сразу, остальные накинулись скопом. Хилон отмахивался, отступая, пока спина не вжалась в угол. Вот так, теперь нападать будут не больше трех за раз, и то по неопытности помешают друг другу.

Пошла рубка. Меч в руках воина мелькал неразличимо для глаза, звон стали слился в непрерывный вой, крики пораженных врагов звучали сладкой музыкой. Многочисленные порезы на руках, плечах, торсе; кровь, своя и чужая, смешалась; пот застилал глаза. Хилон начал сдавать, навалилась усталость.

«Не слишком ли я стар для таких подвигов?»

Навсифой наблюдал за боем, натянув тетиву. Мужчина все не падал, упрямо сопротивлялся, а число поверженных слуг росло. В сердце лучника пробежал холодок, сомнение пробралось в разум. Он целился, но мельтешащие бойцы закрывали телами врага. Наконец, выбрав момент, Навсифой выстрелил.

Хилон бился, как загнанный зверь. Сила, ловкость, выносливость, умение – все отошло на задний план. Осталась только воля – воля мужчины, воина, что не позволяет опустить руки и рухнуть на колени. Отразить, рубить, колоть, убивать! Весь мир ужаслся до размеров этих простых команд, меч продолжал кровавое дело.

Сильная боль пронзила ногу, быстрый взгляд вниз – стрела вошла в бедро, пронзив мышцу насквозь. Давно позабытая злость всколыхнулась в сердце, придав сил. Меч вскинулся в поисках новой жертвы.

Навсифой не верил происходящему: выстрел пронзил ногу воину, но тот не только устоял, наоборот – рана будто придала новых сил! Не отрывая глаз от битвы, лучник потянулся за новой стрелой.

Хилон был на грани, руки налились невероятной тяжестью, ноги подкашивались, меч казался неподъемным. Он отражал атаки и нападал сам абсолютно бездумно, в боевом трансе.

Внезапно все кончилось. Меч сразил врага, тот упал, наступила тишина. Хилон вытер лицо, размазав кровь; дыхание с хрипом вырвалось изо рта; ошалелый взгляд обежал гору поверженных врагов. Колени подогнулись, он съехал по стене.

Мощный удар в плечо – стрела! Хилон недоуменно вззрился на лучника: сучий потрох метил в живот, если бы мечник не присел...

Хилон собрал остатки сил, постаравшись подняться, но не преуспел. Лучник спокойно потянулся рукой, стрела легла на тетиву, лук изогнулся...

Навсифой так и не узнал, кто его убил. Чья-то рука схватила за волосы, с силой тряхнула, стрела ушла в небо, лук брякнулся вниз, сталь ударила в спину стрелку, потом еще раз и еще. Невнятный звук вырвался из горла, пришла боль. Его оттолкнули, пришло ощущение падения, лицо встретилось с камнем. Мраморная плита приковала к себе последний взгляд Навсифоя.

Крэг-хан отбросил умирающего, побоище повергло в изумление: страшно подумать, что это все натворил один человек. Варвар подбежал к Хилону.

– Ты что устроил, дружище? Убить всех – это же был мой план! Ты вроде от него отказался!

– Извини, – с улыбкой прошептал монах, – Я не удержался.

Крэг-хан потащил Хилона к фонтану, кровь долго не желала оттираться от тела воина, но варвар оказался упорнее. Порезы он игнорировал, рассечения замазал смолой, рана в плече скрылась под перевязью. Хуже всего обстояло дело с дыркой в бедре: кровь никак не хотела останавливаться, пришлось прижечь.

Хилон переносил процедуры стоически, бледность не покидала его лица, глаза беспокойно оглядывали окружение.

– Ты теряешь время. В любой момент сюда ворвутся еще

враги!

– А что прикажешь, бросить так? – огрызнулся варвар, – Если не перевязать, то ты в любой момент откинешься!

Сознание то покидало Хилона, то на время возвращалось. Череди картинок слилась в неясную последовательность событий.

Мрачный коридор, северянин тащит куда-то... Вода, Хилон пьет через силу... Опять коридор, комнатка, варвар бьется с двумя противниками... Откуда-то появляется Пандора, но она почему-то связана, варвар несет на руках... Конюшня, лошади, он каким-то образом держится в седле... Улицы города, удивленные взгляды прохожих...

Окончательно пришел в сознание на окраине города. Они скакали по узкой улочке, до городской черты оставалось рукой подать. Через седло северянина перекинута, словно куль, бесчувственная девушка.

Крэг-хан с тревогой взглянул на спутника.

– Ты как?

Хилон осмотрел себя, прислушался к ощущениям.

– Вроде жив. Раны страшнее на вид, чем на самом деле.

– Хорошо, – варвар беспокойно оглянулся.

Монах посмотрел назад. Сикион жил своей жизнью, будто ничего не случилось, на окраине города прохожих почти не было, никто не обращал внимания на скачущих. Но такая мирная идиллия долго явно не продлится.

– Как думаешь, когда Эсхин увидал, что его слуги мертвы,

а жена похищена, он сильно разозлился?

– Думаю, он в ярости.

Крэг-хан остановил коня, приподнял девушку, усадил перед собой.

– Что с ней такое? – спросил Хилон, – Зачем связал?

– Пришлось, – буркнул варвар.

Хилон затравленно огляделся. За ними пошлют погоню, это ясно, как белый день – уйти так просто не получится.

– Я знаю, где можно укрыться, – выдавил из себя монах.

Он остановился у небольшого дворика, огороженного высоким забором.

– Сюда! – Хилон спешился и толкнул рукой калитку.

Перед взглядами беглецов предстал полукруглый каменный очаг из белого камня, в центре пылало жаркое пламя, щедро делясь жаром и светом. Чуть поодаль стоял старый жрец, испытующе глядя на вошедших.

– Здравствуй, досточтимый! – с трудом проговорил Хилон, – Знаю, здесь храм, а не укрытие для беглецов, но за нами гонятся приспешники темных богов. Я слышал, Митра – бог огня и света. Может быть, он сумеет защитить нас?

Старик долго рассматривал вошедших, словно пытаясь проникнуть в самую их суть, пауза затягивалась. Хилон устало расслабился, ему нечего скрывать, под испытующим взглядом он чувствовал себя так же спокойно, как под дневным солнцем. Варвар казался напряженным, он удерживал девушку, все еще беспамятную.

Наконец, жрец приветливо кивнул.

– Проходите, – с мягкой уверенностью сказал он, – Можете не опасаться демонов. Здесь, в обители пламени, никакая тьма не имеет власти.

Глава №17

Ярость душила Эсхина, он не находил себе места, метаясь по двору, залитому кровью убитых. Слуги старались не попадаться на глаза обезумевшему хозяину, рабы попрятались, стражники толпились возле входа, понутив голову.

Начальник стражи уже поплатился за халатность – едва предстал перед Эсхином, как мечник в гневе снес ему голову. Окровавленное тело свалилось на пол, остальные воины с дрожью попятились, не желая разделить участь бывшего начальника.

В его дом пробрались враги! Слуги убиты! Верный Навсифой предательски зарезан. Жена похищена из личных покоев! Такого Эсхин не мог вообразить и в страшном сне. Кто-то должен за все ответить!

«Виновных найду позже, – решил мечник, перестав метаться по двору, – Сейчас главное отыскать Пандору!»

И отомстить тем безумцам, что осмелились бросить вызов самому правителю Сикиона!

Больше всего раздражало и вводило в недоумение то, что ритуал поиска перестал работать. Первым делом Эсхин принес необходимые жертвы, щедро окропил алтарь кровью, но темная длань не смогла указать нужное направление. Словно некая преграда мешала, сопротивлялась самому Аиду! В

сердцах мечник перевернул блюдо с подношениями, дары богу рассыпались по полу.

Пришлось положиться на обычные методы. Десятки слуг рассредоточились по городу, собирая информацию о беглецах. В разные стороны поскакали всадники, стража рыскала по окрестностям, выискивая наиболее подозрительные места. Пока что результата не было, Эсхин не находил себе места, скрежеща зубами.

Постепенно стали появляться свидетели. Люди видели, как двое всадников пронеслись по улицам города, один из них истекал кровью, второй вез в седле перед собой бесчувственное тело. Ситуация прояснилась, нервы Эсхина накалялись до предела. Судя по донесениям дознавателей, похитители беспрепятственно продвигались к окраине города, они уже вполне могли покинуть Сикион.

Стражники втолкнули во двор какого-то забулдыгу. Мечник поморщился, глядя на грязную рваную одежду, нос без труда различал запах нечистот и перегара, распространяющийся от пьяницы.

– Говорит, видел, куда делись беглецы, – доложил стражник, брезгливо подтолкнув старика тупым концом копья.

– Говори! – приказал Эсхин.

– Да, господин! – колдырь расплылся в довольной улыбке, – Сижу я, значит, никого не трогаю, и тут – бац! – двое всадников летят, как угорелые. Я уж думал стопчут, а они и не заметили даже, пронеслись во весь опор. А у одного, зна-

чит, в руках болтается что-то. Сначала не понял, а уж потом подумал, что похоже на человека.

– Ты видел, куда они направились?

– Конечно! Я же пьяный был! – осклабился забулдыга, – Все запомнил в лучшем виде! Завернули в небольшой двор, почти у самого южного тракта.

– Что за двор?

– Да пес его знает! Подозрительный такой, с забором во-круг.

– Покажешь место, – Эсхин развернулся, подзывая воинов, – На коня его! Быстро за мной!

Отряд всадников с мечником во главе пронесся по городу. Немногочисленные прохожие спешили убраться с пути, ветер свистел в ушах, скакали, что есть духу, не щадя ни себя, ни коней.

Резко остановились на окраине, Эсхин спрыгнул на землю, пьяница кулем свалился подле него, едва живой от бешеной скачки.

– Где? – рявкнул мечник.

Старик ошалело огляделся. Подняв дрожащую руку, сумел указать на неприметный двор возле дороги.

– Обыскать все! – скомандовал Эсхин, бесцеремонно распахивая ворота.

Воины ломанулись в ворота, несколько человек забежали в дом, другие метались между построек. Навстречу показался пожилой хозяин в белых жреческих одеяниях.

– По какому праву? – сурово спросил он.

– По праву сильного, – жестко ответил Эсхин, – Я правитель Сикиона, здесь все принадлежит мне! Мы ищем двух разбойников, похитивших мою жену! Говори прямо, жрец, тут они или нет?!

Служитель Митры бестрепетно глянул в глаза мечника, строгий взгляд пронзил Эсхина, заставив вздрогнуть. Давно уже он не ощущал себя нашкодившим школяром под гневным взором учителя. В глазах жреца стальная решимость смешалась с непоколебимой верой, страха там не было совсем, как и особой почитительности.

– Я знаю, кто ты, Эсхин Смертоносный, – ровно проговорил жрец, – Будь уверен, тут нет того, что ты ищешь.

Воин стиснул зубы, с трудом заставив себя не отводить взгляд. Проклятый жрец словно знал что-то, а может и вообще все, об Эсхине. От этого становилось не по себе, мечнику захотелось спрятаться, отвернуться, уйти прочь.

Переборов секундную слабость, он прошелся вдоль алтаря, установленного в центре двора.

– Что это за храм?

– Храм Митры, бога солнца, огня и света. Мы чтим первозданное пламя, отрицаем тьму и злобу.

Эсхин бегло глянул на жреца, перевел взор на пламя.

– Чей это бог? Первый раз слышу.

– Митре поклоняются далеко на востоке, откуда я приехал много лет назад.

– А этот огонь, он никогда не гаснет?

– Истинно так, повелитель, – усмехнулся старик, – Неугасимое пламя по нраву Митре, огонь его знак и сущность.

Один за другим возвращались воины, отправленные на поиски. Стражники перерыли весь дом, облазили все вокруг, не найдя и следа беглецов.

«Похоже, старый пьяница ошибся, – подумал Эсхин, – А я тоже хорош, поверил словам вонючего бродяги, что последний раз был трезвым еще до моего рождения.»

Мечник обошел вокруг алтаря, задняя стенка показалась слегка подозрительной. Он протянул руку, коснувшись камня, но тут же с криком отпрянул. Дикая боль пронзила до самого плеча, на ладони красовался ожог, камень алтаря слегка почернел там, где с ним соприкоснулась плоть.

– Осторожнее, повелитель, – спокойно посоветовал жрец, – За долгие годы камень раскалился, впитав в себя достаточно живого жара.

Эсхин зло сплюнул, отворачиваясь.

– Уходим! – скомандовал он, быстрым шагом проследовав к воротам.

Рука болела, мечник морщился, сожалея о зря потраченном времени. Воины потянулись за своим командиром, скоро в храме Митры не осталось никого постороннего.

Жрец подошел к алтарю, бережно стер с каменной плиты черный след от руки Эсхина. Ладонь старика легко скользила по камню, тот вовсе не обжигал, не старался навредить.

Жрец сказал не всю правду. Плита впитала не простой жар, а божественный, пламя самого Митры. Этот огонь обжигал лишь тех, кто служит тьме.

Старик нажал на едва заметный выступ, в плите немедленно отворилась тяжелая дверца, за ней показалась лестница, уходящая вниз. Жрец начал спускаться, плита встала на место, отсекая тайный ход от поверхности. Внизу ждала еще одна дверь, но уже простая, деревянная. Преодолев ее, старик оказался в потайной комнате под алтарем.

Небольшое помещение едва вмещало две кушетки, на одной в беспокойном забытии металась девушка, вторую занимал раненный монах. Варвар сидел прямо на полу, привычно поджав под себя ноги.

Услышав шорох открываемой двери, Крэг-хан вскочил, обнажая меч.

– Не суетись, северянин, – махнул рукой жрец, входя внутрь, – Сюда нет хода служителям тьмы. Сейчас мы прямо под алтарем светлого бога, никакой мрак не имеет тут силы.

– Спасибо, что укрыл нас, – тихо ответил варвар, – Я благодарю твоего бога, хотя и не могу ему служить.

– Можешь, – усмехнулся старик, – Мы все служим Митре, когда делаем добрые дела и противостоим тьме.

– Пусть так, – легко согласился Крэг-хан, – Прошу, жрец, посмотри, что с девушкой! Она не ранена, но никак не придет в себя, будто что-то удерживает ее в царстве видений.

Старик подошел, лицо нахмурилось, брови взлетели

вверх. Он внимательно осмотрел Пандору, взор при этом становился все более мрачным и печальным.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он, – Она как будто находится под властью тьмы... Душа судорожно пытается освободиться, пробиться через корку зла...

– Амулет! – воскликнул варвар, – У нее на шее был черный колдовской амулет. Когда я его сорвал, Пандора свалилась, как подкошенная.

– Хм... возможно, то был амулет подавления. Редкая и очень злая вещь.

– Для чего он нужен?

– Злые украшения издавна использовались последователями тёмных богов, чтобы подавлять в душах людей все светлое, доброе. С помощью такого амулета можно из величайшего праведника сделать бесчестного подонка.

– Разве так легко склонить ко тьме? – подал голос Хилон.

– Смотря кого... – пожал плечами жрец, – И смотря за какое время. Чем дольше воздействие, тем оно сильнее.

– Хорошо, что я сорвал этот темный дар с Пандоры! – воскликнул Крэг-хан, – Но что с ней будет теперь? Она выздоревает?

– Постепенно, – старик ответил неуверенным тоном, – Ее дух борется, но будет ли этого достаточно...

– Ты можешь помочь?

Жрец глубоко вздохнул, на секунду задумавшись, голова согласно склонилась.

– Я попробую, но, боюсь, подобная травма не пройдет бесследно.

– Что ты хочешь сказать?

– Вероятно, девушка вылечится, но... она будет уязвима для зла. Порой... иногда ее будет тянуть на темную сторону. Всю оставшуюся жизнь придется бороться с демонами внутри.

Старик прикрыл глаза, тяжелая ладонь легла на лоб девушки. Она вздрогнула, тело дернулось, прерывистое дыхание вырывалось из легких. Жрец сидел неподвижно, пальцы крепко удерживали Пандору на постели, в то время как тело девушки дрожало, дергалось, пыталось освободиться из-под его руки.

Борьба продолжалась долго, пока, наконец, из уст девушки не вырвался тонкий выкрик. Пандора открыла глаза, испуганный взгляд обежал комнату и остановился на Крэг-хане. Она протянула руки, варвар подвинулся, оттеснив жреца, девушка вцепилась в мужчину, зарывшись лицом у него груди. Крэг-хан обнял, прижал к себе, руки гладили трясущуюся спину, силясь успокоить непрекращающиеся всхлипывания.

Жрец осторожно поднялся, придерживаясь о изголовье кровати. В первый момент его слегка качнуло, но старик справился со слабостью.

– Я сделал, что мог, – тихо произнес он, – Пришлось потратить больше сил, чем рассчитывал изначально. Теперь де-

вушка вне опасности, но что случится с ее душой дальше... ведают лишь боги.

– Спасибо! – с жаром поблагодарил Крэг-хан.

Жрец кивнул, потом повернулся к Хилону.

– Пойдем, я обработаю твои раны, – мягко сказал он, – А этим двоим, судя по всему, есть что друг другу рассказать.

Хилон нехотя поднялся, его глаза искали взгляд Пандоры, но она, казалось, не замечала ничего вокруг, сидя в обнимку с варваром. Тяжело вздохнув, монах направился вслед за жрецом, дверь за ними захлопнулась, оставив молодых людей наедине.

Обессиленная Пандора не выпускала Крэг-хана из объятий. Мужчина нежно гладил ее спину, бережно прижимая к себе и не говоря ни слова. Она вздрагивала от прикосновений, стан послушно выгибался, повинуюсь ритму неумелых ласк.

Губы девушки прикоснулись к шее Крэг-хана, поцелуи покрыли подбородок, лицо. Варвар едва не задохнулся, когда Пандора подарила ему страстный поцелуй. Она прижималась все сильнее, губы действовали все настойчивее, руки девушки принялись стягивать одежду с варвара.

Северянин хотел что-то сказать, но Пандора вновь заставила замолчать, связав губы поцелуем. Под действием ее ласк Крэг-хан возбудился до невозможности, ум мужчины отключился, оставив место только страсти и похоти.

Он резко бросил девушку на кровать, накинувшись, разом

сорвал одеяние, руки и губы принялись бешено ласкать обнаженное тело. Пандора застонала, извиваясь, что еще больше распалило варвара.

Мужчина сбросил остатки одежды, уже не сдерживаясь обрушился на Пандору. Она сладостно застонала, тело изогнулось дугой, когда Крэг-хан резко и властно вошел в нее. Девушка закричала и забилась в экстазе.

Крэг-хан продолжал двигаться, доводя себя и Пандору до новых вершин удовольствия.

Варвар поражался страстности девушки. Казалось, она получает оргазмы один за другим. Девушка извивалась под тяжелым телом, неконтролируемая дрожь то и дело сотрясала конечности, сладострастные стоны звучали не переставая. Мужчина почувствовал, что больше не в силах сдерживаться. В этот момент Пандора с силой притянула к себе, ноги обхватили спину варвара, тонкие руки девушки вцепились в плечи мужчины, ногти поцарапали кожу на спине.

Внезапно темная пелена застлала взор Пандоры. В миг, когда оба тела скрутила сладкая агония, девушка изо всех сил прижалась к варвару, из горла вырвался звериный рык, с уст слетели слова, заставившие Крэг-хана вздрогнуть.

После этого глаза девушки закрылись, она блаженно вытянулась на постели, мгновенно погрузившись в здоровый тихий сон.

Хилон сидел с невеселым видом перед огненным алтарем, мрачно глядя себе под ноги. На душе скребли кошки, серд-

це отзывалось тупой болью, раз за разом накатывала темная грусть.

– Что с тобой? – поинтересовался старик, усевшись неподалеку, – Больно?

Взгляд воина угрюмо скользнул по собеседнику. Раны жрец обработал как надо, профессионально. Где надо зашил, промыл, перевязал, грех жаловаться. Да и вообще, не пристало вымещать ну других плохое настроение.

– Телесная боль ничто, – тихо ответил Хилон, – Душевные муки гораздо опаснее.

Воцарилось продолжительное молчание, старик глядел на огонь, Хилону подумалось, что жрец вовсе позабыл о разговоре. Он тоже глянул на алтарь, неугасимое пламя завораживало, притягивало взор непостоянством и первозданным хаосом.

– Что тебя гнетет? – вдруг продолжил жрец.

Хилон хотел было промолчать, но, неожиданно для себя самого, рассказал все, как есть.

– Девушка, – мрачно проговорил он, – Я люблю ее. А теперь, получается, она спаслась лишь для того, чтобы быть потерянной для меня навсегда.

– Любишь? – усмехнулся старик, – А знаешь ли ты, что такое любовь?

Мужчина недоуменно покосился на собеседника.

– Я давно уже не безусый юнец, и повидал в жизни всякого, уж поверь. Я видел и любовь, и страсть, и простую жи-

вотную похоть.

– Но что ты вкладываешь в это слово: любовь? Что оно для тебя означает?

– Я... Просто хочу быть с ней, всегда! Дарить Пандоре тепло, радость, защищать ее.

– Другими словами, ты хочешь обладать девушкой. Сделать так, чтобы она принадлежала тебе. Любовь ли это или разновидность рабства?

– Ты не понимаешь, жрец... Или я не могу этого объяснить.

– Я очень хорошо все понимаю, – улыбнулся старик, – А ты подумай вот о чем. Что на самом деле такое любовь: эгоистичное собственничество или, быть может, это желание, чтобы та, кого любишь, была счастлива? Счастлива, несмотря ни на что. Даже, если она будет не с тобой. Другими словами, задай себе вопрос: на что ты готов, чтобы Пандора была счастлива?

Хилон ничего не ответил. Он долго смотрел на веселое пламя, в голове точно также бушевали мысли, появляясь как будто из ниоткуда и бесследно сгорая в огне разума. Но постепенно становилось легче, тяжелый груз, висящий на душе, истаял почти без следа. Мужчина улыбнулся, глянув на мир с новой надеждой.

Тяжелая каменная потайная дверь приоткрылась, из-за нее показался варвар. К удивлению Хилона, он был мрачнее тучи. Избегая встречаться взглядом, Крэг-хан быстро подо-

шел к жрецу.

– Еще раз спасибо за все, – глухо промолвил северянин, – Пока девушка спит, но с ней все будет в порядке. Мы уйдем, когда стемнеет.

Старик молча кивнул, Хилон хотел было заговорить, но варвар, резко развернувшись, ушел прочь, не сказав больше ни слова.

Монах был несказанно удивлен поведением друга.

«Если бы Пандора выбрала меня, – с невеселой усмешкой подумал Хилон, – Я бы прыгал от счастья! Чем может быть недоволен этот глупец?»

Над Сикионом сгустилась ночь. Немногочисленные уличные светильники силились разогнать тьму, но получалось создать лишь крохотные островки света посреди беспредельного океана мрака. Звезды сверкали щедрой россыпью, тонкий серп месяца тускло подмигивал двум одиноким всадникам, пустившимся в путь в неурочное время.

Хилон держался в седле уверенно, несмотря на беспокоящие его раны. Варвар сидел прямо, ночная прохлада заставила его поежиться, и тогда стало заметно, что перед ним на коне примостился тонкий девичий силуэт. Крэг-хан надежно удерживал девушку, иначе она сверзилась бы вниз при первой возможности.

Всадники покинули город и неторопливо направились прочь по темной дороге.

Утро застало путников далеко от проезжих путей. Устав-

шие кони скакали по относительно ровной долине, на горизонте виднелась река, окруженная зарослями кустов и деревьев. Обернувшись, Крэг-хан обвел взглядом цепочку холмов, что они с трудом преодолели ночью. Внимание варвара привлекла маленькая черная точка, показавшаяся из-за склона. На таком расстоянии сложно определить, что это, но северянин готов был поклясться, что так бликовать в лучах восходящего солнца может только оружие.

Крэг-хан остановил коня, внимательно глянув на девушку. Пандора все еще спала, находясь то ли в забытьи, то ли в полусне. Хилон подъехал ближе, вопросительно зыркнув на варвара.

Северянин бережно поднял девушку и осторожно передал монаху. Тот принял, молча устроил в седле перед собой.

– Скачите во весь опор, преодолеете реку, там будет... легче, – проговорил Крэг-хан, отводя глаза, – Позаботься о ней.

Хилон не сводил глаз с северянина.

– А ты?

– Встречусь с Эксином еще раз. Он ли меня убьет, или я его – неважно. Мы больше не увидимся. Скачи, что бы ни случилось – ни в коем случае не возвращайтесь назад!

– Но почему?

Варвар смешался, потупив взор. Потом, сделав над собой невообразимое усилие, ответил.

– Когда... мы были вместе... В момент, пока Пандора не могла контролировать себя... Она прошептала твое имя.

– Что!?

– Я думал сойду с ума. Потом решил, что убью тебя. Теперь... я думаю, вы будете счастливы вместе. А мне... с вами не по пути.

– Погоди, может...

– Хватит! Мне не нужны утешения, твоя жалость оскорбляет. Просто уходи.

Мужчины пересеклись взглядами, руки взметнулись в воинском приветствии. Хилон направил коня к реке, Крэг-хан поскакал навстречу врагу.

Солнце почти достигло зенита, когда два всадника встретились. Не говоря ни слова, они спешили. Кони остались стоять сами по себе, воины сошлись, понимающе переглянулись.

– Ты умрешь! – Крэг-хан обнажил оружие, – На этот раз меч не сломается, ничто мне не помешает!

– Меньше слов, парень, – Эсхин бросился в атаку.

Крэг-хан сражался на пределе возможностей, мышцы трещали от напряжения, сухожилия рвались, выворачиваясь под невозможными углами. Но скорость и сила Эсхина были запредельными. Он успевал все, атаковал из любой позиции, с любого угла, с невозможной скоростью.

Первую бешеную атаку варвар отбил, две царапины появились на левой руке. Не давая противнику передышки, Эсхин начал новый натиск. Крэг-хан с трудом оборонялся, об атаке он не мог и помыслить. Порез появился на груди, лез-

вие вспоролу кожу бедра, молниеносный выпад рассек мочку уха.

Эсхин дрался яростно, но с некоторой ленцой. Не давал покоя ожог на ладони, мешал полностью сосредоточиться. Как-то не вовремя появились мысли – за правое ли дело он бьется? Тем ли богам служит?

Крэг-хан отступал, Эсхин теснил шаг за шагом. Меч создал вихрь защиты вокруг варвара, клинок врага с переменным успехом пытался найти брешь. Но долго это продлиться не могло, защита всегда проигрывает нападению.

Северянин устал. Он понял, что сильно недооценил противника. Чтобы победить, нужно придумать нечто невиданное...

Намеренно пропустив выпад, рассекший щеку, Крэг-хан вывернулся, вложив все силы в удар. Меч понесся к сердцу врага, торжествующий крик готов был сорваться с уст... Эсхин непринужденно парировал неберущийся взмах, а потом, на противоходе, лезвие вспоролу кожу на боку северянина.

– Хотел удивить меня, варвар? Не выйдет.

Эсхин атаковал вновь, едва не бросив противника наземь. Крэг-хан отбилсч чудом: левая рука повисла плетью, порез на плече и рана в опасной близости от сердца. Теперь врагу достаточно подождать, пока он истечет кровью...

Мечник восхищался варваром. Не его вина, что бедняга обречен. Дикарь сам выбрал свой путь, нажил величественного врага. Будь северянин хоть трижды прав, но честь Эс-

хина не позволит ему проиграть! В конце концов именно он – величайший мечник настоящего времени!

Крэг-хан сплюнул красным, из горла вырвался звериный рык. Эсхин ухмыльнулся, меч ринулся вперед, чтобы убить. Лезвие оттолкнуло клинок варвара, легко пронзило тело... Крэг-хан навалился, насаживая себя на меч врага, оружие варвара обрушилось на голову противника.

Эсхин uklonился. Оставив меч в животе врага, он легко отскочил, наклонив голову. Последний взмах Крэг-хана пропал втуне.

– Думал убить, пожертвовав собой? Этому трюку сто лет в обед... – Эсхин засмеялся.

Перед глазами плыло, мир подернулся рябью. Ужасающая боль раздирала живот. Из последних сил Крэг-хан поднял меч и, падая, швырнул его во врага.

Эсхин отшатнулся, проводив полет клинка взглядом.

– Эй, чуть коня не пришиб! – оскорбился он.

Мечник терпеливо дождался, пока тело противника перестанет дергаться. Меч с трудом высвободился из раны, одежда убитого послужила тряпкой для лезвия.

«Вот и все, – подумал Эсхин, – Теперь ты точно труп, окончательно и бесповоротно.»

Стало как-то грустно и тяжело. Будто сломалась последняя преграда, берегающая душу от мрака. Вся мощь и злоба затаенной тьмы обрушилась на мечника.

Эсхин подошел к лошади. Меч варвара попал в перемет-

ную суму, чудом не поранив скакуна. Эсхин выругался, выкинув прочь разрезанную надвое флягу. Обернувшись, приветливо заговорил с лошадей варвара, подзывая ее к себе. Подойдя ближе, взял под уздцы, среди припасов противника нашлась и еда, и бурдюк с водой.

Вдоволь напившись, Эсхин сплюнул. Все у дикаря не так, как у людей, даже вода со сладковатым привкусом. Он захватил бурдюк, как раз уместится в суме.

Уже сев в седло, почувствовал легкое недомогание. Закружилась голова, дрожь прошла по телу, выступил пот, застучали зубы. Мечник вцепился в гриву, пережидая приступ головной боли. Конь успел пройти несколько шагов, внезапно всадник со стоном вывалился из седла. Скакун повернулся, недоуменно глядя на упавшего человека. Тот попытался подняться, но в результате лишь рухнул плашмя.

– Будь ты проклят... варвар... – с ненавистью прошептал Эсхин, глаза воина закрылись навсегда.

Эпилог

Кохиос с опаской озирался, въезжая в Сикион. Еще не так давно, несколько месяцев назад, он зарекался когда-нибудь переступить границу этого полиса, но сейчас все поменялось...

Известие о смерти Эхина пронеслось по Греции, как зимний шторм над Эгейским морем. Каких только слухов не плодила людская молва, каких предположений не строили базарные болтуны да всезнающие старухи. Пожалуй, один Кохиос мог более-менее достоверно судить о произошедшем, поскольку оказался лично знаком со всеми участниками разразившейся трагедии.

Смерть правителя изменила Сикион, пришла новая власть. Как это ни странно, но теперь, после гибели тирана, управлять городом взялось демократическое собрание. Появились новые законы, отменялись былые постановления... К худу или к добру – судить пока рано, но изменения нахлынули на горожан неожиданной волной.

Тем не менее, купец опасался. Сам не понимал, чего – мести, беспорядков, банального беспредела. Кохиос то и дело оглядывался, внимательно осматривая улицы города и встречаемых жителей.

Нельзя сказать, что город сильно преобразился... Внеш-

не все оставалось практически таким же, как прежде... Но с широких улиц прохладным ветерком веяло новоявленной свободой, на лицах горожан купец видел искренние улыбки, новая надежда появилась в разговорах и поведении людей.

Что ж, у Эсхина нашлись как ярые сторонники, так и безжалостные противники. Кохиос слышал, что теперь, через два месяца после приснопамятных событий, петь хвалу Эсхину в Сикионе не принято, во всяком случае открыто. Мало кто помнил то хорошее, что сделал правитель для города, зато подавляющее большинство хулило его за узурпацию власть, казни неугодных, за занятия, по слухам, темной магией.

«Да уж, – хмыкнул купец, – Легко поносить человека, когда он не может ответить. Посмотрел бы я на того, кто осмелился сказать подобное Эсхину в лицо!»

Кохиос не любил одиозность и узколобость. При всех недостатках и грехах Эсхина, только дурак стал бы отрицать его достижения. Уже за одно только великое воинское искусство мечник достоин уважения.

Купец вспомнил могилу, захоронение, устроенное за пределами города, на склоне одного из многочисленных холмов. Он проезжал мимо и специально остановился, чтобы рассмотреть суровое нагромождение камней, устроенное горожанами.

Могила больше напоминала природное образование – несколько больших валунов, в кажущемся беспорядке сва-

ленных возле друг друга. Лишь присмотревшись, можно было различить определенную закономерность – камни образовывали нечто вроде двух концентрических окружностей.

На самом огромном валуне Кохиос с невольным трепетом прочел выбитую надпись: «Здесь покоится величайший мечник и тот, кто его убил.» И все, больше ни слова, ни имен, ни дат. Будто люди стыдятся, хотят поскорее забыть своего лидера, но в тоже время не могут не признать его заслуг.

Вынырнув из воспоминаний, купец провел телеги к рынку Сикиона. Он привез большой груз мехов и заморских сладостей, в преддверии зимы такие товары должны разойтись по хорошей цене.

Так оно и случилось. Едва караван Кохиоса достиг цели, как к нему подошли местные воротилы, от предложений не было отбоя, удалось даже устроить небольшой аукцион. Получив отличную прибыль, купец с довольным видом покинул торговцев, оставив возниц заниматься разгрузкой и обслуживанием телег.

Кохиос прошелся по набережной Сикиона. Пасмурное небо расщедрилось парой капель морозящего дождика, в просветы между облаками выглядывало солнце. Прохладный ветер с моря заставил купца поежиться, плотнее запахнув куртку. Непокойное море катило к берегу темные валы, шум прибоя убаюкивал, вечно голодные чайки горлопанили, но даже их отвратные крики органично вписывались в зимнюю идиллию.

«Красивый город, – подумал Кохиос, – Пожалуй, я мог бы тут остаться...»

Он прошелся по каменной мостовой, пересек несколько улочек поменьше. Главная улица вывела купца к его цели – усадьбе бывшего правителя.

Кохиос вошел в распахнутые ворота, внутри царило заметное запустение. Видно, что слуг в усадьбе больше не было, равно как и рабов. Имущество, по большей части, распродано или же распродается в настоящее время. Возле ворот купец обошел небольшую повозку, плотно забитую вещами и припасами.

Из дверей усадьбы вышел Хилон. Заметив старого друга, он сдержанно улыбнулся, подошел, протягивая руку. Мужчины обнялись, приветствуя друг друга.

– Как ты, Хилон? – спросил купец, – Каких только небывлиц я не слышал про то, что тут стряслось! Может ты, наконец, расскажешь всю правду?

Монах вздохнул, несколькими быстрыми емкими фразами поведал историю вызволения Пандоры, описал схватку Крэг-хана с Эсхином и ее печальное завершение.

– А что девушка? – прошептал Кохиос, – Как приняла... все это?

– Плохо, – кивнул Хилон, – Когда увидела мертвого варвара, закричала, как безумная, лишилась чувств. Если честно, я опасался за ее жизнь. Сейчас чуть легче, но... Эсхина она старается не вспоминать вовсе, а про Крэг-хана лучше

и не заикаться!

– Так ты... теперь с ней?

– Нет, – Хилон мрачно покачал головой, отведя взгляд в сторону, – Нет, и похоже никогда не буду. Что-то произошло... Нечто случилось между ней и варваром. И я, пусть невольно, но как-то во всем этом замешан, хоть и не понимаю, как и почему.

– Но ты едешь с ней?

– Да, мы отправляемся вместе, – он задумчиво пожал плечами, – Я ее люблю.

Кохиос вздрогнул, настолько просто и естественно прозвучали слова монаха. И в то же время купец ощутил, сколько смысла и скрытой силы вложено в эту незамысловатую избитую фразу.

Скрипнула дверь, из дома вышла Пандора. Кохиос невольно изумился перемене, произошедшей с девушкой. Она похудела, лицо осунулось, глаза смотрели с неизбывной печалью, казалось, улыбка навсегда покинула сомкнутые уста. Девушка шла, едва передвигая ноги, руки безвольно болтались вдоль тела, вокруг повеяло аурой мрачной грусти. Пандора подняла взгляд на мужчину, в некогда темной копне волос Кохиос заметил седые пряди.

– Приветствую, госпожа... – начал было купец, но его прервали.

Взгляд девушки внезапно подернулся темной пеленой, рот искривился в яростной усмешке.

– Я тебе не госпожа! – рывкнула она.

Купец изумленно замолчал, а Пандора вздрогнула, злое выражение ушло с лица, взгляд стал испуганным и потерянным. Громко всхлипнув, она почти убежала к повозке.

– Не обращай внимания, друг, – тихо сказал Хилон, – Иногда... на нее находит что-то... отголоски тьмы.

– Ничего, я понимаю, – кивнул Кохиос, провожая девушку взглядом.

Пандора остановилась у ворот, когда ее вдруг скрутило и согнуло пополам, девушка закашлялась, едва не опорожнив желудок. Хилон бросился к ней, но Пандора отмахнулась, поглаживая живот. Она медленно залезла в повозку, удобно устроившись на сиденье.

– Она... беременна? – прошептал Кохиос.

Хилон глянул мрачно, с предостережением.

– Это ее тайна, прошу тебя не болтать об этом!

– Боюсь, скоро тайна перестанет быть таковой для кого бы то ни было, имеющего глаза, – пробурчал купец.

– Мы что-нибудь придумаем.

Он кивнул, успокоившись.

– А от кого? – поднял взгляд купец, – Кто отец ребенка?

– Эта тайна гораздо мрачнее и страшнее...

Между тем сборы в дорогу завершились, Хилон хлопнул друга по плечу.

– Мы вновь расстаемся! Надеюсь, доведется еще встретиться.

– Наверняка! – кивнул купец, – Куда же вы направляе-
тесь?

– В Спарту. Я же говорил, что там меня ждут.

– Точно, в Спарту... У тебя там приятели...

– Если быть точнее, царь Спарты – мой хороший друг.

– Да ну? – удивился Кохиос, – И как же зовут твоего дру-
га?

– Лев.